ISSN 2949-1703

ЧЕЛОВЕК И ПРАВО – XXI ВЕК

2026

Выпуск 1

ЧЕЛОВЕК И ПРАВО – XXI ВЕК

AN INDIVIDUAL AND THE LAW – XXI CENTURY

Альманах

Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

Saratov State Law Academy Institute of Prosecution

Almanac

Выходит 4 раза в год

2026

Выпуск 1

Issue 1

12+

ISSN 2949-1703

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

Электронная версия размещена на официальном сайте
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
по адресу: http://www.сгюа.рф/ru/xxi-vek

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 10 мая 2023 г. ПИ № ФС77-85274.

Распространяется по подписке. Подписной индекс ВН018764. Размещение в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» – на сайте www.ural-press.ru. Цена свободная.

Адрес редакции: 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.
Телефон: (8452) 29-90-75
E-mail: almanahip@yandex.ru

Редакторы: *Н.С. Добротворская, Т.А. Поршакова, Е.А. Фешина*
Компьютерная верстка, дизайн обложки *О.А. Фальян*

Подписано в печать 31.03.2026. Дата выхода в свет 31.03.2026. Формат $70\times100^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Liberation. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 8. Тираж 950 экз. Заказ № 111.

Издательство Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

ISSN 2949-1703

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2026

Главный редактор

Спесивов Н.В. директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

Заместитель главного редактора

Швецова И.В. заместитель директора Института прокуратуры по научной работе Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

Ильгова Е.В. ректор Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Мацкевич И.М. ректор Университета прокуратуры РФ, старший советник юстиции, д.ю.н., профессор;

Габов А.В. главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, член-корр. РАН, д.ю.н.;

Грибунов О.П. ректор Байкальского государственного университета, д.ю.н., профессор;

Соколов А.Ю. директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, заведующий кафедрой административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Бутба С.Р. председатель Верховного Суда Республики Абхазия (Республика Абхазия), к.ю.н.;

Гулягин А.Ю. прокурор Астраханской области, д.ю.н.;

Белоусов С.А. проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Гончаров М.В. первый проректор Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, к.ю.н., доцент.

Редакционная коллегия:

Абанина Е.Н.
заведующий кафедрой земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Акчурин А.В.
заместитель начальника по научной работе Академии права и управления ФСИН России, д.ю.н., доцент;

Амирбеков К.И.
заведующий отделом научного обеспечения организации прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 3-го класса, д.ю.н.;

Ананьева А.А.
заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, д.ю.н., доцент;

Антонян Е.А.
заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., профессор;

Аширбекова М.Т.
профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Афанасьев С.Ф.
заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, судья в отставке;

Блинов А.Г.
заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Богачева Е.А.
заместитель директора Института прокуратуры по социальной работе Саратовской государственной юридической академии, к.п.н., доцент;

Боярская Ю.Н.
доцент кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Бытко С.Ю.
профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Вавилин Е.В.
заведующий кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., профессор;

Варыгин А.Н.
заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Велиева Д.С.
заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, д.ю.н., профессор;

Воротников А.А.
профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Ворошилова С.В.
профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Дворянсков И.В.
главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, д.ю.н., профессор;

Дикарев И.С.
директор Института права Волгоградского государственного университета, д.ю.н., доцент;

Добробаба М.Б.
профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., доцент;

Залужный А.Г.
профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, д.ю.н., профессор;

Заметина Т.В.
заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Зацепин А.М.
директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., доцент;

Иванчина Ю.В.
профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д.ю.н., доцент;

Исаенкова О.В.
заведующий кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Истомина Е.А.
профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, д.ю.н., доцент;

Клименко А.И.
начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессор;

Ковалева Н.Н.
руководитель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н., профессор;

Комбарова Е.В.
доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Комкова Г.Н.
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, декан юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, д.ю.н., профессор;

Кузбагаров А.Н.
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала)

Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., профессор;

Лопашенко Н.А.
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Макаренко И.А.
заведующий кафедрой криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, д.ю.н., профессор;

Манова Н.С.
заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Мартыненко И.Э.
заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Беларусь), д.ю.н., профессор;

Меркурьев В.В.
главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму Научно-исследовательского института Университета прокуратуры РФ, д.ю.н., профессор;

Никитин А.А.
профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Покачалова Е.В.
заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Рахмон Д.С.
профессор кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета (Республика Таджикистан), д.ю.н., профессор;

Репьев А.Г.
заместитель директора по науке Юридического института Российского университета транспорта, д.ю.н., доцент;

Рогова Е.В.
директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., профессор;

Россинский С.Б.
главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, д.ю.н., профессор;

Рыбакова С.В.
главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д.ю.н., доцент;

Скаков А.Б.
профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказаний Костанайской академии МВД Республики Казахстан (Республика Казахстан), д.ю.н.;

Соловых С.Ж.
заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент;

Соловьева Т.В.
профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Спесивов Н.В.
директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Чаннов С.Е.
заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Черкасов К.В.
профессор кафедры административного, финансового и информационного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д.ю.н., профессор;

Шапиро Л.Г.
заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., доцент.

Швецова И.В.
доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.

СОДЕРЖАНИЕ

Состояние и перспективы развития российского законодательства

8 **Богатова А.В.**
Взаимодействие таможенных органов России с иными органами государственной власти в процессе осуществления правоохранительной деятельности

12 **Гугнюк И.Г.**
Трансформация доктрины банковского надзора в России: от исторических корней к вызовам XXI века

17 **Дорошок Л.С., Дорошок Т.С.**
Сравнение демографической и семейной политики в рамках национальных проектов

25 **Киримова Е.А., Сейфудинова Э.И.**
Ответственность за занятие колдовством в мусульманских странах

30 **Лапин Е.С.**
Значение видеозаписи допроса на предварительном следствии

37 **Островская Н.Б., Совцов А.П.**
Перспективы развития страхового надзора в Российской Федерации

41 **Рассахатская Н.А.**
К вопросу о механизме судебной защиты субъективных прав

45 **Швецова И.В., Марцинкевич В.В.**
Пресечение незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (на примере Астраханской области): постановка проблемы

Современные лингвистические исследования

52 **Александрова Т.А., Гнутова В.В.**
Современные подходы к изучению устаревших слов в языке права (на примере английского языка)

56 **Балашова Д.Ю.**
Конструктивные методы в лингвистике. Метод синтаксической парадигмы

62 **Богачева Е.А., Струкова С.В.**
Современный юридический переводчик глазами студента института дополнительного образования

66 **Волгина Е.В., Кокшарова В.А.**
Специфика терминов права: функциональный аспект

70 **Семенова Э.В., Грызлий В.В., Овакимян Н.А.**
Англицизмы в речи будущих юристов: от сленга к профессиональному юридическому дискурсу

Взгляд молодых ученых

Блинова О.Г.
74 Факторы, определяющие презумпцию правосудности приговора

Габоян Г.А.
78 Экологическо-правовые основы территориального планирования и градостроительного зонирования

Галкин М.А.
87 Право на защиту на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы законодательной регламентации и практики реализации

Зубков А.С.
95 Предупреждение и дисквалификация как административные наказания за правонарушения в области строительства

Козлова Л.И.
100 Структура и классификация коллизионных норм в системе российского права: проблемы теории и практики

Хохлова Д.П.
111 Реализация женской политики в России: потенциал стратегических документов

Шананин И.А.
119 Влияние оценочных категорий на достоверность и достаточность доказательств по делам об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами

А.В. Богатова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры финансового, банковского
и таможенного права имени профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИИ С ИНЫМИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Развитие правоохранительной деятельности таможенных органов РФ – одна из приоритетных задач государственной политики, направленной на обеспечение экономической безопасности, законности осуществления внешнеэкономической деятельности и соблюдения прав и законных интересов лиц, участвующих в перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС. Таможенные органы осуществляют свои функции как самостоятельно, так и во взаимодействии с иными государственными органами и международными организациями. В соответствии со Стратегией развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года ключевыми направлениями в обозначенной сфере выступают цифровизация процессов таможенного контроля, совершенствование механизмов взаимодействия с другими государственными органами, а также внедрение современных методов выявления и пресечения правонарушений [1].

Развитие систем цифровизации процессов – важный элемент, предусмотренный программой Стратегии, позволяющий выявлять возмож-

ные риски неправомерных решений при рассмотрении административных или уголовных дел, а также обеспечивающий более точное и оперативное обнаружение различных нарушений на этапе планирования. Это, в свою очередь, может значительно снизить вероятность совершения ошибок при рассмотрении дел, в пределах компетенции таможенных органов России, повысит уровень правовой защищенности участников внешнеэкономической деятельности. Развитие цифровизационных систем в процессе документирования оперативно-розыскной деятельности позволит создавать большую информационную базу данных и шаблонов для дальнейшего ведения электронных дел, что значительно упростит процесс документооборота, повысит оперативность в принятии решений.

Начиная с 2020 г. в России реализуется концепция интеллектуального автомобильного пункта пропуска, которая значительно ускорила процессы прохождения товаров и транспортных средств через таможенную границу ЕАЭС. Использование новейших технологий позволило существенно сократить время проверки транспортных средств и повысить точность таможенного контроля в целях выявления незаконного перемещения товаров. Кроме того, для решения задач экспертно-криминалистического обеспечения вблизи пунктов пропуска были созданы экспертно-криминалистические подразделения, что позволило оперативно и точно проводить необходимые экспертизы и исследования товаров без больших временных задержек.

Результаты работы таможенных органов за последние годы свидетельствуют о высоком уровне их эффективности [2–5]. В 2025 г. на основании материалов оперативных подразделений таможенных органов возбуждено 1 712 уголовных дел. Наибольшее количество уголовных дел (870) возбуждено по ст. 226.1 УК РФ (контрабанда патогенных биологических агентов, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов). Значительное внимание уделяется и пресечению нарушений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей, незаконными валютными операциями, с учетом роста числа таких дел в последние годы [6].

Развитие правоохранительной деятельности таможенных органов России направлено на внедрение современных технологий, улучшение международного сотрудничества и повышение эффективности борьбы с незаконными действиями в сфере внешней торговли. Во исполнение поставленных задач между ФТС России и федеральными органами исполнительной власти, иными органами и организациями РФ заключены соглашения о взаимодействии в рамках осуществления их правоохранительной деятельности. Перечень данных соглашений (договоров, меморандумов) опубликован на официальном сайте ФТС России.

Совместные операции часто проводятся ФТС России с МВД России, например операция «Часовой-2020», в рамках которой было выявлено несколько каналов незаконного перемещения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров на каналах международных грузовых и пассажирских воздушных, автомобильных, железнодорожных, водных перевозок, почтовых и экспресс-курьерских сообщений. Операции на национальном уровне тесно интегрируются с международными усилиями, что позволяет существенно улучшить эффективность борьбы с наркотрафиком [7].

Необходимо продолжать эффективное сотрудничество и расширять информационные обмены между различными органами государственной власти. При этом международное сотрудничество занимает центральное место в правоприменительной практике таможенных органов России. На протяжении последних лет таможенные службы разных стран активно обмениваются информацией, что позволяет оперативно получать данные о грузах, транспортных средствах и пересечениях границы, а также предотвращать попытки контрабанды и других нарушений.

Важной частью такого взаимодействия является реализация совместных операций и мероприятий, участие в координационных совещаниях, создании следственно-оперативных групп для расследования преступлений, проведение совместных выездов в регионы и проверок.

В последние годы наблюдается активизация работы по созданию и реализации совместных планов координационной деятельности. Таможенные органы России, Белоруссии и Казахстана активно работают над разработкой планов, которые направлены на выявление и пресечение нарушений в сфере внешней торговли и борьбы с трансграничной преступностью. Это сотрудничество позволяет не только наладить оперативный обмен информацией, но и выработать общие стандарты для борьбы с контрабандой, фальсификацией товаров и другими правонарушениями [8].

Подобное сотрудничество ограничивается не только совместными

оперативными и профилактическими мероприятиями, но и включает в себя подготовку совместных нормативных актов, указаний и информационных писем, а также выпуск совместных брошюр, бюллетеней и других ознакомительно-информационных изданий.

Таким образом, таможенные органы осуществляют совместно с другими правоохранительными органами мероприятия, направленные на защиту экономического суверенитета и экономической безопасности России. Направлениями реализации указанных задач является расширение системы внутриведомственного и межведомственного информационного взаимодействия в электронном виде в рамках осуществления таможенными органами правоохранительной деятельности и проведение информационно-разъяснительной работы по вопросам профилактики правонарушений в области таможенного дела.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 23 мая 2020 г. № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» (в ред. от 12 июля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Итоги правоохранительной деятельности ФТС России в первом полугодии 2019 года // Таможенный портал для участников ВЭД. URL: https://www.alta.ru/external_news/68860/ (дата обращения: 20.03.2026).

3. Результаты деятельности правоохранительных органов ФТС России за 2020 год // Таможенный портал для участников ВЭД. URL: https://www.alta.ru/external_news/79068/ (дата обращения: 21.03.2026).

4. ФТС опубликовала данные о правоохранительной работе в I полугодии // Официальный сайт Общественного совета при ФТС России. URL: https://www.osfts.ru/novosti/2024/5772-fts-opublikovala-dannye-o-pravookhranitelnoj-rabote-v-i-polugodii (дата обращения: 21.03.2026).

5. ФТС опубликовала результаты правоохранительной деятельности за 2023 год // Официальный сайт Общественного совета при ФТС России. URL: https://www.osfts.ru/novosti/2024/4976-fts-opublikovala-rezultaty-pravookhranitelnoj-deyatelnosti-za-2023-god (дата обращения: 21.03.2026).

6. *Кузнецов А.Е., Данилина Е.И.* Правоохранительная деятельность таможенных органов // Образование и право. 2023. № 10. С. 100–103.

7. Об итогах работы таможенных органов Российской Федерации в 2024 году и задачах на 2025 год // Таможенный портал для участников ВЭД. URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/118089/ (дата обращения: 13.03.2026).

8. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт ФТС России. URL: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/document/562692 (дата обращения: 28.03.2026).

И.Г. Гугнюк,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры финансового, банковского
и таможенного права имени профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОКТРИНЫ БАНКОВСКОГО НАДЗОРА В РОССИИ: ОТ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЕЙ К ВЫЗОВАМ XXI ВЕКА

В условиях современного социально-экономического развития и нынешних геополитических реалий особое значение имеют вопросы устойчивости финансовой системы. В-первую очередь, это связано с глубокой интеграцией существующих финансовых инструментов не только в экономическую сферу государства, но и в повседневную жизнь каждого человека. Банк России, выполняя функции мегарегулятора, играет ключевую роль в поддержании стабильности банковского сектора. Однако современная модель регулирования не возникла на пустом месте – ее истоки уходят в глубь отечественной истории.

Понимание генезиса доктрины банковского надзора позволяет оценить устойчивость действующей системы и спрогнозировать ее адаптацию к новым вызовам, включая цифровизацию и структурные изменения экономики.

Предлагается рассмотреть процесс развития доктрины в разрезе конкретных временных периодов: дореволюционный период; советская модель банковского надзора; становление современной рыночной доктрины банковского надзора; эпоха мегарегулятора.

Дореволюционный период. В Российской империи до начала XX в. отсутствовала целостная система банковского надзора. Государственное влияние носило фрагментарный характер и усиливалось в ответ на кризисные явления [1]. Правовую основу деятельности кредитных организаций составляли нормы торгового и корпоративного права, а роль стабилизатора выполнял Государственный банк Российской империи [2, с. 112].

Устав Государственного банка 1894 г. заложил отдельные элементы надзора, предоставив банку право проверки операций коммерческих банков, пользовавшихся его кредитами. Это можно рассматривать как прообраз пруденциального надзора. Биржевой кризис 1899–1902 гг. ускорил развитие регулирования: Министерство финансов ввело ограничения на размеры кредитов и неформальные требования к капиталу.

В научной литературе того периода (Л.И. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич) обсуждались преимущественно гражданско-правовые аспекты деятельности банков [3, с. 23], однако после кризисов начали звучать идеи о необходимости усиления государственного наблюдения для защиты публичных интересов и обеспечения экономического равновесия, что свидетельствовало о зарождении макропруденциального подхода.

Советская модель банковского надзора. После 1917 г. банковская система была полностью национализирована и интегрирована в плановую экономику. Понятия коммерческого риска и защиты вкладчиков утратили смысл, поскольку все риски брало на себя государство. Банковский надзор в рыночном понимании отсутствовал, его место занял административный контроль за исполнением плановых заданий, целевым использованием средств и соблюдением финансовой дисциплины [4, с. 201].

Госбанк СССР и органы народного контроля выполняли функции надзора, которые носили всеобъемлющий и карательный характер. Эта модель закрепила принцип абсолютного суверенитета государства в финансовой сфере, что впоследствии повлияло на менталитет регуляторов и склонность к жестким, детализированным методам управления, оставив глубокий след в правовой культуре.

1990-е годы: становление рыночной доктрины банковского надзора. Переход к рыночной экономике потребовал создания новой системы банковского надзора. Основу заложили законы «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» [5] и «О банках и банковской деятельности» [6], которые закрепили за Банком России надзорные полномочия.

Доктрина этого периода отличалась эклектичностью: с одной стороны, началось заимствование международных стандартов (Базель I), с другой – на практике сохранялись унаследованные от советской эпохи методы формального контроля [7]. Кризис 1998 г. выявил недостатки такого подхода и стимулировал развитие риск-ориентированного надзора, включая оценку качества активов и создание резервов, заложив основу для следующего этапа.

Современная модель мегарегулирования. В 2013 г. Банк России получил статус мегарегулятора, объединив функции надзора за всеми сегментами финансового рынка. Это озна-

меновало переход к интегрированной доктрине, нацеленной на устойчивость финансовой системы в целом.

Современная доктрина представляет собой многослойный синтез:

- адаптированные международные стандарты (Базель II, III), включая риск-ориентированный подход, стресс-тестирование и надзор за системно значимыми институтами;
- наследие административного контроля, проявляющееся в широких властных полномочиях регулятора, детальной регламентации и активной роли в санации банков, что отражает унаследованную установку на высокую степень вмешательства государства;
- формирование подходов к регулированию цифровых финансовых активов, киберрисков, финансовых платформ, а также развитие макропруденциальной политики в условиях внешнего давления [8, с. 33].

Перспективы развития доктрины банковского надзора в России в XXI веке. Современный этап развития банковского надзора в России проходит под знаком глубокой трансформации, вызванной как технологической революцией, так и кардинальным изменением внешних условий.

Развитие финансовых технологий, распространение цифровых платформ и экосистем, появление цифровых финансовых активов создают принципиально новую среду. Традиционные периметры надзора размываются, что требует выработки гибкой, риск-ориентированной и технологически нейтральной надзорной модели, способной стимулировать инновации, не жертвуя стабильностью и защитой потребителей.

Введение масштабных международных санкций со стороны недружественных государств актуализировало задачи по обеспечению бесперебойности национальной платежной системы, развитию независимых финансовых коммуникаций и перестройке цепочек расчетов. Доктрина надзора теперь должна в явном виде включать в себя парадигму устойчивости не только к внутренним, но и внешним шокам, что подразумевает усиление макропруденциального инструментария и развитие стресс-тестирования с учетом новых рисков.

В текущих условиях прямое копирование международных подходов становится менее релевантным. Возникает необходимость в их критическом переосмыслении с учетом специфики российского банковского сектора и новых приоритетов экономической политики. Акцент может смещаться в сторону оценки реального качества активов и эффективности риск-менеджмента в условиях высокой неопределенности.

Банк России оказывается в центре сложной системы противоречивых ожиданий. Следовательно, перспективным направлением развития доктрины является дифференциация регулирования в зависимости от системной зна-

чимости и профиля рисков кредитных организаций, а также более широкое использование регулируемого эксперимента для тестирования инноваций.

Таким образом, дальнейшее развитие доктрины будет определяться ее способностью к адаптивному синтезу, интегрирующему проверенные принципы контроля, культуру системного государственного управления и новые, гибкие подходы, адекватные цифровой среде и геополитическому контексту.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, генезис доктрины банковского надзора в России носил нелинейный, прерывистый характер, каждый раз определяясь радикальными трансформациями политико-экономического строя.

Во-вторых, несмотря на смену парадигм, прослеживается глубинная преемственность в виде устойчивой установки на ведущую роль государства в управлении финансовыми потоками. Эта установка продолжает оказывать влияние на стиль регулирования.

В-третьих, современная доктрина мегарегулирования является результатом уникального адаптивного синтеза международных стандартов, национального опыта централизованного управления и ответов на вызовы цифровой эпохи и геополитики.

В-четвертых, в XXI в. доктрина сталкивается с комплексом взаимосвязанных вызовов: технологическими, геополитическими и институциональными. Ответом на них должна стать дальнейшая эволюция в сторону более гибкой, дифференцированной и упреждающей модели надзора, способной формировать устойчивую среду в условиях перманентной турбулентности.

Понимание этого сложного генезиса и современных векторов давления имеет практическое значение для законодателей, регуляторов и участников рынка. Оно позволяет осмысленно подходить к совершенствованию финансового законодательства, прогнозируя его развитие в русле обеспечения баланса между финансовой стабильностью и суверенитетом, технологическими инновациями и защитой прав потребителей.

Библиографический список

1. Устав Государственного банка 1894 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XIV. № 10767.

2. *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. 320 с.

3. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Т. 2: Товар. Торговые сделки. СПб.: Бр. Башмаковы, 1908. 508 с.

4. *Гуревич А.М.* Экономический строй СССР. М.: Экономика, 1987. 398 с.

5. Закон РСФСР от 2 декабря 1990 г. № 394-1 «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» (утратил силу) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 27, ст. 356.

6. Закон РСФСР от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности в РСФСР» (утратил силу) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 27, ст. 357.

7. Международная конвергенция измерения капитала и стандартов капитала: новые подходы // Базельский комитет по банковскому надзору. Июль 1988 (Базель I).

8. Финансовая стабильность и развитие финансового рынка: основные направления деятельности Банка России на 2024–2026 годы. М.: Банк России, 2023. 68 с.

Л.С. Дорошок,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры финансового,
банковского и таможенного права
имени профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

Т.С. Дорошок,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры финансового,
банковского и таможенного права
имени профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

СРАВНЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Снижение рождаемости, отдаление вступления в брак и деторождения на более поздний период, переход к малодетным и однопоколенным моделям семьи, старение населения – подобные демографические вызовы обусловливают необходимость реализации комплексной государственной семейной и демографической политики с целью формирования стимулов к рождению детей, разработки инструментов всесторонней поддержки семьи на этапах создания семьи, рождения и воспитания детей и заботы о старшем поколении.

К базовым инструментам стратегического планирования относятся национальные проекты, содержащие комплекс мероприятий для получения уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений и достижения национальных целей развития РФ, целевых показателей, определенных Президентом РФ, и иных общественно значимых

результатов, задач и показателей по решениям главы государства и уполномоченного координационного органа [1]. В рамках реализации национальной цели по сохранению населения, укреплению здоровья и повышению благополучия людей, поддержки семьи [2] в 2025–2030 гг. реализуются нацпроекты «Семья», «Кадры», «Продолжительная и активная жизнь». Нацпроект «Кадры» является «правопреемником» программы бесплатного переобучения и дополнительного профессионального образования граждан, которая ранее реализовывалась в рамках нацпроекта «Демография» в период 2018–2024 гг., нацпроект «Продолжительная и активная жизнь» – «правопреемник» нацпроекта «Здравоохранение», нацпроект «Семья» представлен в преобразованном виде в качестве расширенного продолжения нацпроекта «Демография».

Фундаментальным принципом правового регулирования семейных отношений выступает принцип государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, однако нормативное содержание категории «семья» различно в зависимости от целей правового регулирования.

Согласно Федеральному закону «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» [3], семья – лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство. В Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» [4] закреплено понятие «студенческая семья»: это категория молодой семьи, в которой оба лица, состоящие в браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно являются обучающимися по образовательным программам среднего профессионального образования и (или) образовательным программам высшего образования. Из последнего определения усматривается привязка категории «семья» к институтам брака, материнства и отцовства. В действующем законодательстве также используются формулировки «малоимущая семья» [5], «многодетная семья» [6].

Конституционный Суд РФ обращает внимание, что «семья» – наряду с понятиями «материнство», «детство», «отцовство» – охватывает, как следует из сопоставления ч. 1 ст. 38 Конституции РФ с положениями ее ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 23 и п. «ж» ч. 1 ст. 72, особую сферу жизни человека, выступающую объектом конституционного регулирования, и в традиционном, воспринятом от предков понимании, представляет собой ценность, гарантирующую непрерывную смену поколений, выступающую условием сохранения и развития многонационального народа России и нуждающуюся в особой государственной защите [7]. В международных актах семья определяется как естественная и основная ячейка общества, естественная среда для роста

и благополучия всех ее членов, особенно детей, в том числе при образовании семьи, пока на ее ответственности лежит забота о несамостоятельных детях и об их воспитании [8–10].

Особая роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи предопределяют необходимость закрепления приоритета семейного воспитания детей в качестве фундаментального принципа правового регулирования семейных отношений. Указанное, соответственно, предполагает не только заключение брака, но и закрепление правовой связи между родителем (лицом, его заменяющим) и ребенком. Одним из средств обеспечения этой связи применительно к детям, оставшимся без попечения родителей, служит возможность их передачи в семью на воспитание (усыновление (удочерение), опека (попечительство), приемная семья, патронатная семья. Обеспечение семейного воспитания детей и сохранения кровнородственных отношений также отражено в качестве приоритетной меры в рамках реализации задач укрепления института семьи, защиты, сохранения и продвижения в обществе традиционных семейных ценностей, семейного образа жизни [11]. Наличие возможности передать ребенка на воспитание в семью либо, если ребенок уже воспитывается в семье, – юридического оформления фактически сложившихся, содержательно раскрывающих понятие семьи по смыслу Конституции РФ, отношений согласуется с общеправовым принципом гуманизма, конституционными гарантиями семьи, материнства, отцовства и детства, а также с признанной семейным законодательством целью укрепления семьи [7].

В рамках нацпроекта «Семья» определены целевые группы в зависимости от пяти федеральных проектов, его составляющих: *федеральный проект «Поддержка семьи»* (не ограничивается категорией «малоимущая семья», «многодетная семья» и т.п.: студенты, семьи с двумя и более несовершеннолетними детьми, молодые люди 18–35 лет, отцы или матери детей до трех лет, все население 18+, семьи с одним и более детьми, семьи с проблемами зачатия, женщины в отпуске по уходу за ребенком до трех лет); *федеральный проект «Многодетная семья»* (ограничивается категорией «многодетная семья», подразделяясь на подгруппы: семьи с двумя и более несовершеннолетними детьми; семьи с тремя и более несовершеннолетними детьми); *федеральный проект «Охрана материнства и детства»* (ограничивается категориями: многодетные семьи, молодые родители, одинокие матери, женщины в послеродовом периоде, родители, имеющие детей с I и II группой инвалидности, женщины и дети, проживающие в отдаленных территориях, в том числе сельской местности, поселках городского типа и малых горо-

дах); *федеральный проект «Старшее поколение»* (инвалиды, пенсионеры); *федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры»* (все население 18+, все население РФ, молодежь 14–35 лет).

Цели федеральных проектов: «Поддержка семьи» – увеличение числа семей с детьми; «Многодетная семья» – увеличение количества многодетных семей; «Охрана материнства и детства» – повышение качества и доступности медицинской помощи гражданам, планирующим ребенка, беременным женщинам, детям; укрепление репродуктивного здоровья граждан; «Старшее поколение» – поддержка граждан пожилого возраста и инвалидов; «Семейные ценности и инфраструктура культуры» – формирование семейно-ориентированной инфраструктуры; укрепление института семьи; продвижение в обществе семейных ценностей. Исходя из обозначенных целей, нацпроект «Семья» направлен на вовлечение населения в целом в создание семьи, формирование семейных установок с фокусировкой на рождаемость, в связи с чем видится необходимым соотнести категории «демографическая политика» и «семейная политика».

Нормативная дефиниция категории «демографическая политика» отсутствует. В справочной и научной литературе отражены следующие определения демографической политики: «целенаправленная деятельность органов государственной власти и других социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения России» [12]; «комплекс мероприятий законодательного, экономического, социального характера, проводимых государством в сфере управления и регулирования процессов естественного воспроизводства населения» [13, с. 70]; «целенаправленная деятельность государственных органов и других общественных учреждений в сфере регулирования процессов воспроизводства населения, направленная сохранять или изменять тенденции динамики численности, структуры, расселения и качества населения» [14, с. 157–158].

Согласно Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года [15], демографическая политика направлена на увеличение продолжительности жизни населения; сокращение смертности; рост рождаемости; регулирование внутренней и внешней миграции; сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации. К основным задачам отнесены повышение уровня рождаемости (увеличение суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза) за счет рождения в семьях второго ребенка и последующих детей; укрепление института семьи; возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений. Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства

и детства выступает фундаментальной задачей демографической политики, направленной в том числе на повышение уровня рождаемости. Данная поддержка предполагает наличие правовых механизмов, обеспечивающих институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики государства на конкретно-историческом этапе, а родителям – создание условий, в том числе финансовых и организационных, для достойного выполнения такой общественно полезной функции, как забота о детях, в том числе малолетних, и их воспитание [16].

В стратегических документах по семейной политике отсутствует акцент на рождаемость. Государственная семейная политика определена как составная частью социальной политики и целостная система принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение условий и повышение качества жизни семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия [17, 18]. На необходимости разграничения категорий «семейная политика» и «демографическая политика» акцентирует внимание и научное сообщество: семейная политика направлена на поддержку семьи как социального института, оказание помощи определенным группам семей и, в отличие от демографической политики, непосредственно не нацелена на изменение показателей демографического воспроизводства [19, с. 385].

В результате в справочной и научной литературе категория «демографическая политика» охватывает процессы воспроизводства населения России, в то время как в стратегических документах она шире по содержанию и затрагивает также институт семьи в целом. Подобное смещение демографической и семейной политики обусловливает необходимость сопоставления мероприятий, отражающих их содержание в национальных проектах государства.

Как было указано ранее, в 2018–2024 гг. был реализован нацпроект «Демография», концептуально его продолжил в 2025–2030 гг. нацпроект «Семья». В состав нацпроекта «Демография» входили такие федеральные проекты, как: «Финансовая поддержка семей при рождении детей». «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт – норма жизни». Ключевые мероприятия нацпроекта «Демография» и текущего нацпроекта «Семья» направлены в целом на выстраивание семейных отношений,

включая рождаемость, и, по сути, отражают цели и задачи обеих стратегий: Стратегии демографической политики и Стратегии государственной семейной политики.

К направлениям Стратегии демографической политики относятся, в частности: сокращение уровня смертности не менее чем в 1,6 раза, прежде всего в трудоспособном возрасте, от внешних причин; сокращение уровня материнской и младенческой смертности не менее чем в 2 раза; укрепление репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков; повышение уровня рождаемости (увеличение суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза) за счет рождения в семьях второго ребенка и последующих детей; укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений. К направлениям Стратегии государственной семейной политики относятся: развитие экономической самостоятельности семьи и создание условий для самостоятельного решения ею своей социальной функции; развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей; развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов; повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании.

Стратегия демографической политики сближается со Стратегией государственной семейной политики в части укрепления института семьи, возрождения и сохранения духовно-нравственных традиций семейных отношений, в свою очередь, Стратегия государственной семейной политики со Стратегией демографической политики – в части развития жизнеохранительной функции семьи и создания условий для обеспечения здоровья ее членов. Подобное сближение отражено и в ключевых задачах и приоритетных мерах Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года [11].

В результате в нацпроекте «Семья», как у предшественника «Демография», не прослеживается четкое разграничение категорий «демографическая политика» и «семейная политика», фокус остается исключительно на преодолении снижения уровня рождаемости и прироста многодетных семей. В силу отсутствия установленных причинно-следственных связей, отличных для явлений демографической и семейной политики, упускаются иные социальные факторы снижения рождаемости: негативное влияние демографических волн (смены многочисленных и малочисленных поколений матерей и отцов), сформировавшихся вследствие резкого снижения рождаемости в периоды Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и экономического кризиса

1990-х гг.; иные ценностные установки молодого поколения относительно создания семьи и рождения детей (преобладает такая модель жизненного цикла, когда молодые люди сначала реализуются в профессиональной сфере, добиваются финансовой самостоятельности и только потом принимают решения о создании семьи и рождении детей) и др. [11] Иными словами, институт семьи, брака, материнства, отцовства взаимообусловлены, но не тождественны между собой.

Перечень мер, отраженных в национальном проекте «Семья», свидетельствует о слиянии семейной политики с демографической, что не представляется положительным, т.к. основной массив принимаемых мер направлен на повышение рождаемости без построения основ для формирования крепких семейных отношений. Меры, принятые в рамках поддержки семей с детьми, носят срочный характер и не закладывают фундамент на будущие годы, создавая трудности для дальнейшей выработки критериев разграничения с иными мерами социальной поддержки, не заложенными в национальные проекты.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 13 июля 2024 г.) // СЗ РФ. 2014. № 26, ч. 1, ст. 3378; 2024. № 29, ч. 3, ст. 4106.

2. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

3. Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (в ред. от 29 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 1997. № 43, ст. 4904; 2024. № 45, ст. 6698.

4. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О молодежной политике в Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2025. № 30, ч. 2, ст. 4407.

5. Федеральный закон от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» (в ред. от 28 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 2003. № 14, ст. 1257; 2025. № 48, ч. 3, ст. 7250.

6. Указ Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // СЗ РФ. 2024. № 5, ст. 665.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2014 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева» // СЗ РФ. 2014. № 7, ст. 735.

8. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апр.

9. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291.

11. Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 13, ст. 1505.

12. Большая Российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/economics/text/1946858 (дата обращения: 21.02.2026).

13. *Юлинов В.Л., Патрушева Н.А., Кочуров Б.И.* Демография: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 169 с.

14. *Клочкова М.С.* Демография: учеб. пособие. М.: РИОР, 2006. 184 с.

15. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 1 июля 2014 г.) // СЗ РФ. № 42. 2007, ст. 5009; 2014. № 27, ст. 3754.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2024 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 65 и пункта 6 части 2 статьи 82 Федерального закона “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина В.В. Щеголева» // СЗ РФ. 2024. № 26, ст. 3744.

17. Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» (в ред. от 5 октября 2002 г.) // СЗ РФ. 1996. № 21, ст. 2460; 2002. № 40, ст. 3905.

18. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35, ст. 4811.

19. Демография и статистика населения: учебник для вузов / [И.И. Елисеева и др.]; под ред. И.И. Елисеевой, М.А. Клупта. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 405 с.

Е.А. Киримова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

Э.И. Сейфудинова,
обучающаяся Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАНЯТИЕ КОЛДОВСТВОМ В МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ

В любом обществе государственная власть так или иначе выражает свое отношение к колдовству. В Англии, например, в 1735 г. был принят Закон о колдовстве (Witchcraft Act 1735). В этом статуте, утвержденном королем Георгом II, глава государства отрицал колдовство и признавал его в качестве деятельности невежественных людей, которые «часто вводили в заблуждение и обманывали» [1]. Со времен короля Георга II в Великобритании суды не принимают к рассмотрению дела о колдовстве.

Иначе дело обстоит в мусульманских государствах, носящих теократический характер, где право служит частью религии.

Зарождение ислама на Аравийском полуострове произошло во времена, когда считалось, что магия существует и ее носителями являются прорицатели (кахин), поэты (шаир) и сумасшедшие (маджнун). Неудивительно поэтому, что противники пророка Мухаммеда использовали в борьбе с ним соответствующую риторику и называли его колдуном (сахир) или околдованным (масхур). Следует отметить, что он категорически отказывался признать себя таковым. Преследование властями оккультных занятий, колдовства и гадания определяется словами хадиса (сообщения, вошедшего в Сунну), высказанного пророком Мухаммедом: «Кто пришел к гадальщику или гадальщице и поверил ему или ей, тот отрекся от того, что ниспослано Мухаммаду».

Во всех мусульманских государствах признается наличие колдовства (сирх) [2]. Слово «сирх» происходит от слова «Сахара» и понимается как мираж, иллюзия. Само колдовство понимается ханафитами, шиитами и мутазилитами как воздействие на субъективные ощущения людей с помощью благовоний, наркотиков и др., сущность вещей при этом не меняется. В этом и проявляется смысл слова «околдованный» (видящий мираж).

Все правоверные мусульмане, включая руководство, уверены в наличии черной магии, сглаза, порчи, ворожбы. Они приносят бедность, болезни, разлад в семье. Оккультные практики позволяют людям влиять на естественный ход событий и заглядывать в будущее, узнавать о невидимых вещах и др. Разного рода невзгоды, по мнению мусульман, – результат деятельности ведьм и колдунов. Таким образом, отношение к колдовству как к реально существующему явлению – не пережиток прошлого, это реальность, с которой необходимо бороться всеми имеющимися у государства и общества средствами. В исламе все магические и колдовские практики запрещены, будь то ворожба, гадание, хиромантия, астрология, алхимия, вызывание духов, бросание жребия и др.

Если существуют способы магического воздействия на человека, то имеются также способы защитить себя от колдовства и вернуть счастье, здоровье, удачу, богатство и власть, наказать виновных в понесенных потерях.

По мнению суннитских богословов, следует различать чудеса и колдовство [3]. Чудеса относятся к законной или высокой магии (улви), колдовство – к запретной или низкой (суфли). С помощью улви осуществляются добрые дела, с помощью суфли – злые.

При осуществлении улви верующие прибегают к помощи Аллаха, например, при проведении обряда экзорцизма (изгнания дьявола из одержимого), при использовании изображения сур Корана в качестве талисмана и в других случаях.

Колдовство или магия не существуют сами по себе, а являются порождением сатаны, джиннов. Суфли осуществляется при помощи джиннов – иблисов (злых духов). Колдуны поклоняются дьяволу, приносят ему жертвы, свою деятельность осуществляют в угоду ему, за что дьявол и джинны помогают магам. Именно они обучают людей магии. Колдовство, согласно Корану, противостоит пророчеству. Сирх – суфли является грехом, виновные в осуществлении магических практик – слуги сатаны (шайтана). Они не могут попасть на небеса, а в земной жизни должны быть наказаны как за совершение преступлений. Мусульманин-колдун, по мнению имамов Ахмада ибн Ханбаля, Малика ибн Анаса, Абу Ханифа, должен быть казнен за неверие в Аллаха, поклонение дьяволу и причинение вреда людям. По мне-

нию Умара ибн аль-Хаттаб, сподвижника пророка Мухаммеда, праведного халифа, издавшего указ убивать всех колдунов и колдуний, маги – это оскорбление чистых отношений людей с Аллахом. Христианин или еврей должен быть подвергнут смертной казни только, если будет доказано, что он убил мусульманина с помощью колдовства. В основе применения смертной казни в отношении мусульманина лежит его отказ от веры в Аллаха и поклонение дьяволу, в отношении неверного – магический способ причинения смерти.

В исламском мире наиболее эффективный способ борьбы с неверием, находящим свое выражение в колдовстве, – это убийство колдуна [4].

В настоящее время в Саудовской Аравии за колдовство отрубают головы, а тела подвергают распятию «в назидание другим». В 2007 г. в стране по доносу соседей за хранение книг по черной магии, свечей с непонятными надписями и неизвестных трав, а также за нахождение Корана в туалете был обезглавлен владелец аптеки Мустафа Ибрагим. Он был обвинен в расстройстве брака с помощью колдовства. В 2010 г. был казнен ливанский предсказатель Али Хусейн Сабит, совершавший хадж, за ясновидение, относящееся к суфли. Запрещены книги о Гарри Поттере, поскольку они распространяют магическую информацию [5].

В исламском мире обязанность выявления магов всегда лежала на священниках, которые могли назначить наказание или подвергнуть человека процедуре экзорцизма. В Саудовской Аравии создана религиозная полиция, имеющая специальную горячую линию для сообщений о чародействе. С 2009 г. в функции «Подразделения по борьбе с колдовством» входят разъяснительная деятельность о вреде магии, выявлении колдунов, изъятие оккультных предметов и обезвреживание заклятий [6].

Если в Саудовской Аравии уголовное законодательство не кодифицировано и наказания за колдовство выносятся на основании религиозных источников, то в Объединенных Арабских Эмиратах занятие колдовством – на основании Федерального декрета – закона № 31 от 2021 г. Чародейство понимается как воздействие на тело, сердце, разум, волю людей, противоречащее закону Шариата и осуществляемое с помощью слова или действия, объявление себя ясновидящим или лицом, способным к предвидению. Черной магией признаются любые действия, в том числе оптические иллюзии и контроль над разумом и сердцами людей с целью побудить их видеть несуществующие в реальности вещи, с целью извлечения выгоды или воздействия на их веру или разум. В стране запрещены гадание, прорицание, изготовление и использование амулетов, кукол вуду. В соответствии с декретом в 2021 г. организованная группа, состоящая из семи человек, была

приговорена к шести месяцам тюрьмы и штрафу 50 тысяч дирхамов за колдовство, обман и хранение оккультных предметов. Уголовной ответственности подлежат лица, обращающиеся к магам, пропагандирующие оккультную деятельность, ввозящие, хранящие и владеющие магическими предметами. В обязанности таможни входит выявление соответствующих предметов, их изъятие и уничтожение. Лица, уличенные в ввозе данных предметов, привлекаются к юридической ответственности, иностранцы после отбытия наказания – депортируются [7].

В Афганистане по настоянию движения Талибан, пришедшего к власти в 2021 г., создано Министерство порока и добродетели, которое к концу 2023 г. арестовало около 200 «джадогаров» (колдунов), переданных в шариатские суды. Первая публичная казнь была проведена в 2022 г. [8]

В Иране в 2011 г. были арестованы сотрудники иранского президента по обвинению в колдовстве [9]. Уголовный кодекс Таджикистана предусматривает уголовную ответственность за колдовство [10]. Максимальное наказание – семь лет лишения свободы. Занятие магией преследуется по закону в таких государствах, как Марокко, Мавритания, Индонезия, Катар, Нигерия, Пакистан, Иран и др. Хотя в Азербайджане пока нет запрета на занятие оккультными практиками, в настоящее время там идет работа по подготовке законопроекта, запрещающего их проведение [11].

Таким образом, вопрос о колдовстве и ответственности за его практику в мусульманских странах остается актуальным, затрагивая государства, находящиеся в постсоветском пространстве. Все это свидетельствует об исламизации мусульманских государств.

Библиографический список

1. Список актов парламента Великобритании с 1735 года. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_acts_of_the_Parliament_of_Great_Britain_from_1735 (дата обращения: 27.11.2025).

2. Иттихад. Магия в исламе: часть I (исходный текст). URL: https://vk.com/wall-114305727_27496 (дата обращения: 27.11.2025).

3. Ислам и магия. URL: https://darulfikr.ru/articles/islam-i-magija/ (дата обращения: 27.11.2025).

4. Хадис: Умар ибн аль-Хаттаб издал указ: «Убейте каждого колдуна или колдунью!» URL: https://hadeethenc.com/ru/browse/hadith/5946 (дата обращения: 27.11.2025).

5. Смерть по шариату. Как в Саудовской Аравии борются с колдунами, геями и алкоголиками. URL: https://lenta.ru/articles/2016/01/19/saudi/ (дата обращения: 27.11.2025).

6. В Саудовской Аравии есть подразделение по охоте на ведьм. URL: https://dzen.ru/a/ZCuY13GJQ2dhK2o7 (дата обращения: 27.11.2025).

7. В ОАЭ напомнили о наказаниях за колдовство. URL: https://islam.az/ru/5635/ (дата обращения: 27.11.2025).

8. Талибы арестовали почти 200 «колдунов и ведьм». URL: https://dzen.ru/a/ZR0yZR4bp0FJtTte/ (дата обращения: 27.11.2025).

9. Над Ахманидеджадом сгущается колдовство. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/05/06_a_3605957.shtml (дата обращения: 27.11.2025).

10. В Таджикистане будут судить за колдовство и чародейство. URL: https://www.gumilev-center.ru/v-tadzhikistane-budut-sudit-za-koldovstvo-i-charodejjstvo/ (дата обращения: 27.11.2025).

11. К гадалке не ходи. Почему в Азербайджане объявили войну магии и чародейству. URL: https://lenta.ru/articles/2016/08/20/fortune_teller/ (дата обращения: 27.11.2025).

Е.С. Лапин,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Саратовской государственной
юридической академии

ЗНАЧЕНИЕ ВИДЕОЗАПИСИ ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Применение видеозаписи на предварительном расследовании дает возможность в динамике доброкачественно запечатлевать образные и звуковые значимые для дела сведения при производстве следственных действий.

Значение видеозаписи допроса не исчерпывается той ролью, которую она играет для обеспечения высокого качества протоколирования. С учетом того, что в ходе следственного действия или на заключительном его этапе видиозапись позволяет вновь до мельчайших подробностей просмотреть и прослушать необходимое число раз, *что* и *как* было сказано, можно утверждать, что это незаменимое средство постоянного контроля, корректировки и регулирования самого следственного действия. Видеозапись также побуждает допрашиваемого более ответственно относиться к своим показаниям, мотивирует следователя и допрашиваемого тщательнее готовиться к предстоящему допросу, дисциплинирует их и тем самым повышает эффективность проводимого процессуального действия.

Применение видеозаписи значительно улучшает качество проверки и повышает точность оценки доказательств как лицом, производящим расследование, так и последующими процессуальными инстанциями. Видеозапись позволяет лучше уяснить подтекст речи, более полно, чем по протоколу, представить методы, применяемые допрашивающим, более критично отнестись к протоколу, избежать его внушающего влияния на читателя («гипноз документа»). «При сопоставлении видеозаписей различных допросов одного и того же лица более заметным становится его стремление к буквальному повторению прошлых показаний. Благодаря видеозаписи, легче понять, вызвано ли совпадение показаний точным

описанием или заучиванием каких-то фактов, появились ли новые подробности в результате припоминания, фантазирования или постороннего внушения, опущены ли какие-либо детали по забывчивости или в силу того, что о них не говорилось на допросе, либо это результат умысла» [1, с. 142–143].

«Видеозапись… показаний сознавшегося подозреваемого возможно использовать как тактический прием при воспроизведении другим, не сознавшимся подозреваемым. Это также позволит не прибегать к очной ставке, если есть опасность, что под давлением не сознавшегося подозреваемого лицо, дающее против него показания, может отказаться от них и стать на позицию защиты этого подозреваемого. Наконец, в случае, что бывает, к сожалению, нередко, если, будучи подсудимым, он изменит свою линию защиты в суде под предлогом якобы оказанного психологического и (или) физического воздействия, откажется от показаний, данных им на предварительном следствии, то на позицию суда может оказать существенное влияние просмотр видеозаписей первоначальных допросов подозреваемого, а также заключения психолого-вокало-графической экспертизы по видеозаписям допросов подозреваемого. То есть суд сможет удостовериться не только в том, что раньше говорил допрашиваемый, но и в том, как он это делал (соединение слов, построение предложений, дополнения слов междометиями или другими коммуникативными наполнителями (интонация, мимика, словесные ударения, жестикуляция, различная степень уверенности и др.), паузы)» [2, с. 269–270].

Важное значение для оценки показаний имеет не только то, *что* говорилось, но и *как* говорилось. Между тем, если недостатки обычного протокола в части дословной фиксации показаний можно уменьшить за счет высокой квалификации следователя, который полно записывает показания, не привносит в них ничего своего, (хотя это нередко бывает независимо от воли следователя), то нюансы, связанные с ответом на вопрос, *как* давались показания, в обычном протоколе отразить нельзя. Для этого необходима видеозапись.

Видеозапись позволяет не только слышать, но и видеть, кто ставит вопрос: следователь, адвокат, специалист либо кто-то другой. Качественное проведение видеозаписи обеспечивает ее документальность и выразительность, позволяет ориентироваться в обстановке производства допроса, показывая связи между его субъектами, дает возможность заострить внимание на значимых моментах при постановке вопросов и даваемых показаниях.

Лицо, которое предупреждено о том, что его допрос будет записываться с помощью видеокамеры, мобилизуется перед дачей ответов на вопросы, более остро осознает неблагоприятные последствия неточностей и противоречий в показаниях. Чувствуя повышенную ответственность на допросе,

допрашиваемый в большей мере склонен давать правдивые показания.

Известно из судебной практики, что одним из смягчающих наказание обстоятельств является чистосердечное признание вины и раскаяние в содеянном. Оно выражается в активном способствовании в раскрытии преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Когда подозреваемый (обвиняемый) в ходе допросов, давая полные, подробные и последовательные признательные показания обо всех деталях совершенного им преступления (об обстоятельствах и способе совершенного им преступления и проч.), предоставляет тем самым следствию достаточные сведения, имеющие значение для раскрытия и расследования преступления и нашедшие свое подтверждение в рамках произведенного предварительного расследования и в ходе судебного следствия. Видеозапись тоже может стимулировать допрашиваемого к даче правдивых показаний, поскольку видеокамерой фиксируется не только смысловая, но и эмоциональная сторона даваемых объяснений. Видеозапись по сравнению с протокольной записью в большей мере может отражать чистосердечность раскаяния.

Вместе с тем, имея несомненные достоинства, видеозапись не может полностью заменить протоколирование в силу следующих причин. Письменный способ фиксации допроса по своей доступности превосходит иные способы, т.к. он позволяет знакомиться с имеющимися материалами в любых условиях, без помощи специальной техники, которая в некоторых случаях может дать сбой.

Письменные документы компактней, удобней и надежней. Кроме того, накоплен большой опыт их систематизации, учета, сохранения и использования. Материалы видеозаписи в этом отношении пока еще весьма уязвимы. Видеозапись при воспроизводстве может давать искаженную картинку и звук, причем, возможно, недоступные для понимания и различения. Строгая очередность говорения, необходимая для качественной видеозаписи, отрицательно влияет на тактику следствия, в случаях, когда одна речь «накладывается» на другую, такая запись не может использоваться. Кроме того, восприятие материала (показаний) только на слух усложняет понимание сказанного и его запоминание. Письменная форма при ознакомлении с документом позволяет сосредоточиться на отдельном фрагменте и охватить весь текст целиком, видеозапись в силу своей динамичности менее удобна.

Практикой расследования уголовных дел накоплен большой опыт защиты документов от подлога, обнаружения в них дописок и исправлений, установления исполнителя рукописного текста. Для цифровой видеозаписи такие надежные тактические гарантии в полной мере не имеются (возможно стереть те или иные кадры видеозаписи, переставить отдельные ее вре-

менные отрезки). Практическая рекомендация в этом случае: безусловную необходимость в устранении возникших сомнений в фальсификации видеозаписи возможно реализовать прежде всего сопоставлением ее содержания с записью в протоколе допроса, а также проведением судебной экспертизы по данной видеозаписи.

Давно уже замечено и нами не опровергается, что видеозапись как соединение изображения и устной речи в определенной степени многогранна, не экономична, содержит большое количество не относящихся к делу сведений, которые не заносятся в протокол. Это означает, что отсеивание лишних сведений придает протоколу более системный, целеустремленный характер, что значительно облегчает читателю по сравнению со зрителем и слушателем уяснение существа показаний.

Читателю может показаться, что автор впал в противоречие, когда выставил протоколирование в более выгодном свете, чем видеосъемка следственного действия. Совсем нет. Тут сказанное позволяет сделать вывод, что протокол является основным средством уголовно-процессуальной фиксации (ст. 190 УПК РФ), а видеозапись – дополнительным (вспомогательным). В зависимости от обстоятельств следователь при допросах может использовать достоинства каждой из этих форм фиксации показаний.

На допросах видеозапись используется для:

а) кратковременного запечатления хода следственного действия. В этом случае видеозапись является как бы оперативной памятью следователя. Имея возможность не отвлекаться на фиксацию происходящего, допрашивающий сосредоточивается на допросе, зная, что сказанное будет записано на магнитный цифровой носитель информации. По окончании допроса полное содержание вербальной составляющей видеозаписи записывается на бланке протокола допроса, который и оформляется в качестве протокола. В дальнейшем видеозапись, приложенная к протоколу, служит лишь средством контроля, т.е. играет ту же роль, что и стенограмма допроса после ее расшифровки (ч. 2 ст. 166 УПК РФ);

б) сокращенного переложения видеозаписи на протокол, в случаях, когда следователь заимствует из фонограммы лишь такие показания, которые он в этот момент считает относящимися к делу или могущими иметь значение в ходе дальнейшего расследования. В этом случае материалы видеозаписи служат не только средством контроля, но и источником дополнительных сведений. В следственной практике нередко отдельные обстоятельства, на которые не обратили внимания на предыдущем допросе, выдвигаются на первый план и в свете полученных новых данных приобретают особое значение. Такие обстоятельства должны быть исследованы и внесены в протокол на следующем допросе;

в) параллельной фиксации хода и результатов следственного действия в протоколе и на видео (ч. 3–4 ст. 190 УПК РФ). При параллельной фиксации следователь производит допрос, составляет протокол по ходу беседы или по мере выяснения отдельных вопросов, а тем временем включенная им видеокамера фиксирует на цифровой носитель все происходящее. В дальнейшем производится сверка текста протокола и материалов видеозаписи, после этого в протокол и под видеозапись заносятся необходимые уточнения и дополнения, а также заявления допрашиваемого о правильности видеозаписи. После этого материалы видеозаписи, на которых запечатлен ход и результаты допроса (например, компакт-диски с видеозаписью), прилагаются к протоколу (в упакованном и опечатанном бумажном конверте с пояснительной надписью, например: «CD-диск с видеозаписью допроса подозреваемого Иванова А.М., г. Саратов, 22 февраля 2026 г., уголовное дело № 32567») и хранятся в условиях, исключающих их утрату, порчу, подмену или искажение. Все это является причиной, по которой часто от просмотра видеозаписи в зале суда участники судебного заседания отказываются (по согласию сторон), как от лишнего. Если в судебном заседании видеозапись допроса все же исследуется, то, как правило, из ее содержания устанавливается, что показания лицом давались добровольно, в присутствии адвоката, без оказания на него какого-либо воздействия, после разъяснения процессуальных прав в соответствии с процессуальным статусом и положений ст. 51 Конституции РФ. Далее указывается, что запечатлено и что из содержания видеозаписи усматривается (устанавливается). После исследования видеозаписи данного допроса в судебном заседании это допрошенное лицо заявляет, что показания он подтверждает в полном объеме.

Очевидно, что видеозапись показаний тех или иных участников процесса не всегда необходима. Видеозапись с допросом участника уголовного судопроизводства целесообразно, как показывает практика предварительного расследования, применять при допросе лиц:

а) относительно которых имеются сведения о широкой осведомленности по делу;

б) явившихся с повинной (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) или заявляющих о совершенном преступлении (ст. 141 УПК РФ);

в) подозреваемых и обвиняемых в преступлении, за которое может быть назначено особо тяжкое наказание; не могущих принять участие в дальнейшем расследовании и судебном разбирательстве;

г) раненых и больных;

д) малолетних, несовершеннолетних [3, с. 9] и престарелых, речевые особенности которых затруднительно воспроизвести в протоколе. Никаки-

ми трансформациями нельзя заменить непосредственную устную речь этих лиц;

е) подлежащих направлению на судебно-психиатрическую экспертизу;

ж) при допросе которых необходимо участие переводчика;

з) в порядке выполнения отдельного следственного поручения (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Следователь, дающий соответствующее поручение, естественно, интересуется не только результатами, полученными другим следователем; его интересует и тактическая сторона получения показаний; у него неизбежно возникает вопрос, можно ли верить этим показаниям; он же этого лица сам не слушал, не видел его и ему важно убедиться, вслушиваясь в интонацию речи и вглядываясь в лицо, насколько чистосердечными являются показания;

и) видеоматериалы допроса, которые желательно иметь не только следователю, производящему расследование, но и другим лицам, участвующим в работе по делу (например, оперативным сотрудникам);

к) которые в силу тех или иных причин, например, физических недостатков, отсутствия образования или низкого культурного уровня плохо формулируют свои мысли (мысли разных людей могут быть восприняты по-разному; записать их точно в протоколе иногда весьма затруднительно);

л) проходящих потерпевшими по делам о половых преступлениях. Бывает так, что о некоторых подробностях потерпевшая осмеливается рассказать лишь наедине со следователем; в суде же, в присутствии других лиц, она не решается повторить то, что было произнесено на допросе у следователя. В таких случаях суду можно ограничиться воспроизведением в суде показаний, записанных при проведении предварительного следствия с помощью видеосъемки.

Из предложенного выше следует вывод о том, что отсутствие в уголовно-процессуальном законе (в ст. 190 УПК РФ) закрепления случаев обязательного использования видеозаписи при допросе является неоправданным. Такими случаями могли бы быть, хотя и не все, но те из них, что приведены выше (пп. «а» – «л»). Очевидно, что требуется дискуссия по этому предложению.

Как правило, видеозапись указанного процессуального действия, находящаяся в материалах дела, оставляется судом в уголовном деле на весь срок его хранения, поскольку несет доказательственное значение.

Допрашивать людей, используя видеокамеру, – дело нелегкое. Следователи знают, что бывает много словесной шелухи, словесного брака, когда они ведут разговор с тем или иным лицом. Когда происходит допрос под видеокамеру, следователю необходимо устанавливать жесткую самодисциплину, выбирать фразы, четко, отточенно их произносить во избежание

косноязычия и т.д. Так, обвиняемого допрашивал очень опытный следователь, однако, просмотрев видеозапись, он убедился, что поставленные им вопросы редакционно сформулированы очень плохо. Видеосъемка помешала ему собраться, осуществлять над собой самоконтроль, четко, правильно составить вопросы. Просмотр видеозаписи допроса заставил следователя критичнее отнестись к его результатам, появилось желание устранить недостатки в своей речи.

Следует отметить, что, помимо прочего, кое-где встречаются трудности и материального характера: флеш-накопитель или иное запоминающее устройство, используемое в качестве носителя (хранения) информации, которое подключается к видеокамере, следователям нередко приходится приобретать за свой счет.

Библиографический список

1. *Лапин Е.*С. Философия криминалистики: учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 213 с.

2. *Лапин Е.*С. Теория и практика расследования преступлений против интеллектуальной собственности / под ред. А.Ф. Волынского. М.: Юрлитинформ, 2011. 360 с.

3. *Макарова Т.А.* Использование в ходе предварительного следствия материалов аудио- и видеозаписи: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 24 с.

Н.Б. Островская,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры финансового, банковского
и таможенного права имени профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

А.П. Совцов,
обучающийся Института магистратуры
и заочного обучения
Саратовской государственной
юридической академии

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРАХОВОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Страховой надзор представляет собой самостоятельное направление деятельности Банка России, в процессе которого осуществляется оценка финансового положения субъектов страхового дела и иных субъектов страхования, реализуется проверка их деятельности по установлению ее соответствия требованиям законодательства РФ, а также применяются меры воздействия по результатам выявленных нарушений.

Е.В. Покачалова и А.Ю. Рыбкова справедливо утверждают, что общественные отношения, складывающиеся при осуществлении страхового надзора, находятся в рамках финансово-правового поля: «Страховой надзор осуществляется в целях соблюдения субъектами страхового дела и иными субъектами страхования требований финансового законодательства Российской Федерации, предупреждения и пресечения правонарушений, обеспечения защиты прав и законных интересов страхователей, застрахованных лиц и выгодоприобретателей, эффективного развития страхового дела в государстве, а также в целях предупреждения неустойчивого финансового положения страховой организации. Страховой надзор направлен на оптимизацию реализации отношений, складывающихся в процессе страховой деятельности субъектов страхового

дела, выступающей составной частью их финансовой деятельности» [1].

В целом можно констатировать, что развитие страхового надзора в 2026 г. и период 2027 и 2028 гг. ориентировано на создание прозрачной и эффективной среды, обеспечивающей высокий уровень защиты финансовых интересов граждан, обеспечение надежности долгосрочных инвестиций и повышение привлекательности различных сегментов финансового рынка.

Современные тенденции развития страхового надзора можно наглядно представить в виде таблицы.

Таблица 1

Современные тенденции развития страхового надзора согласно Основным направлениям развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов [2]

Направление деятельности Банка России на страховом рынке	**Цель**	**Примеры мероприятий**
Обеспечение качественного развития сегмента страхования жизни	Обеспечение благосостояния граждан; обеспечение долгосрочного финансирования экономики России	Работа по созданию условий для полноценного функционирования системы гарантирования прав граждан по договорам страхования жизни с целью ее запуска с 1 января 2027 г.; работа по анализу выводимых на рынок продуктов долевого страхования жизни. В частности, регулятором подчеркивается, что включение в полис только рисков с низкой вероятностью наступления (например, в результате крушения поезда) не соответствует интересам потребителей [3]
Развитие регулирования отдельных видов страхования	Обеспечение баланса интересов страховщика и страхователя	Совместно с Министерством финансов РФ продолжение работы по уточнению условий вмененного страхования в отдельных сферах хозяйственной деятельности; совершенствование механизма возмещения вреда потерпевшему в ОСАГО, позволяющего быстро и качественно отремонтировать поврежденное транспортное средство
Повышение информационной прозрачности и развитие обмена информацией	Упрощение и ускорение документооборота, повышение качества услуг	Улучшение качества данных в АИС «Страхование»; разработка новых контрольных процедур по проверке достоверности данных; межведомственное взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти

Внедрение риск-ориентированного подхода к регулированию страхового сектора	Обеспечение достаточности капитала для защиты потребителей страховых услуг от рисков; развитие инвестиционных возможностей страховщиков	Внедрение более точной модели оценки страховых рисков; введение новых требований к капиталу для страхования ответственности арбитражных управляющих [4]

Страховая отрасль также претерпевает существенные изменения в части повышения информационной прозрачности через автоматизированную информационную систему страхования (АИС «Страхование»). В перспективе планируется расширить состав информации, передаваемой страховщиками в данную информационную систему, включив данные о договорах добровольного медицинского страхования иностранных граждан и лиц без гражданства.

Данное расширение позволит решить несколько ключевых задач:

- организовать централизованный учет всех договоров медицинского страхования иностранцев в одной системе. Регулятор получил возможность анализировать массивы данных в реальном времени и оперативно реагировать на недобросовестные практики в этой области;
- мгновенно верифицировать наличие действующего полиса добровольного медицинского страхования при подаче миграционных документов;
- осуществлять автоматические проверки подлинности полиса через информационную систему страхования при взаимодействии с миграционными органами.

Таким образом, улучшение качества данных в АИС «Страхование» как перспективное направление деятельности Банка России – это не просто техническое улучшение, а инструмент комплексного решения задач, позволяющий повысить прозрачность страхового рынка, усилить защиту прав потребителей (включая мигрантов), оптимизировать миграционный контроль и бороться с мошенничеством в сфере добровольного медицинского страхования.

В современных условиях структурной трансформации экономики работа по выработке мер, направленных на борьбу с мошенничеством на страховом рынке и пресечением недобросовестных практик, а также на создание прозрачной и эффективной среды, обеспечивающей высокий уровень защиты финансовых интересов граждан, обеспечение надежности долгосрочных инвестиций и повышение привлекательности различных сегментов финансового рынка, должна носить комплексный, системный и последовательный характер.

Библиографический список

1. *Покачалова Е.В., Рыбкова А.Ю.* Страховой надзор как универсальный финансово-правовой институт предупреждения правонарушений в сфере страхования и организации страхового дела // Финансовое право. 2018. № 10. С. 11–16.

2. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/181362/onrfr_2026_2028.pdf (дата обращения: 24.01.2026).

3. Как сделать долевое страхование жизни привлекательным для клиентов: рекомендации регулятора. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=23279 (дата обращения: 10.02.2026).

4. Положение Банка России от 17 июня 2025 г. № 858-П «О требованиях к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков» // Вестник Банка России. 2025. № 39.

Н.А. Рассахатская,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ

Одним из актуальных вопросов гражданского судопроизводства следует признать проблему эффективности и оптимальности механизма судебной защиты. Множество вопросов, выносимых на обсуждение в правоведении, так или иначе сводятся к вопросу защиты субъективных прав, коль скоро именно осуществление эффективной защиты выступает приоритетной задачей гражданского судопроизводства в целом.

Выработать четкие критерии таковой эффективности вряд ли представляется возможным вне исследования сущностной характеристики понятийной категории механизма судебной защиты.

В гражданско-процессуальной литературе вопрос о механизме судебной защиты так и не получил целостного исследования несмотря на то, что неоднократно авторы различных научных работ в соответствующей мере анализировали действие данного механизма. То обстоятельство, что в гражданском процессуальном праве не создано собственного понятия механизма защиты, совершенно не означает невозможность такового создания. Постановка вопроса о детальном исследовании категории механизма судебной защиты представляется оправданной хотя бы с позиции его актуальности.

Судебная защита осуществляется посредством реализации множества элементов, образующих в своем единстве своеобразную конструкцию – механизм судебной защиты прав.

Несмотря на высказанные в литературе прогнозы о явном сужении пределов применения категории «механизм» в правовых исследованиях, использование данной категории относительно судебного порядка защиты субъективных прав представляется вполне возможным. Такой вывод

следует прежде всего из комплексного характера данной юридической конструкции, составные части которой, выполняя специфические функции, одновременно обеспечивают целостность судебного порядка защиты прав.

Обеспечение надлежащей защиты субъективных гражданских прав выступает одной из основных задач такового механизма, однако до настоящего времени остается актуальной проблема оптимальности и эффективности порядка разрешения гражданско-правовых требований. При этом гарантиями защиты прав, позволяющими обеспечить эффективность правосудия, представляются: во-первых, установление оптимального и доступного судебного порядка защиты прав, обладающего высоким уровнем нормативной регламентации; во-вторых, нормативное закрепление и осуществление лишь необходимых для реализации задач правосудия актов; в-третьих, развитие охранительного института ответственности за нарушение норм гражданского процессуального права судом, лицами, участвующими в деле, лицами, содействующими правосудию, и иными лицами, в-четвертых, четкое соблюдение демократических начал судопроизводства, получающих выражение в предоставлении возможности всем заинтересованным лицам участвовать в процессе и их равноправии в гражданском судопроизводстве.

Эффективность судебного механизма защиты прав в большей мере предопределена оптимальным характером порядка разрешения гражданских дел. Между тем оптимальность действующих порядков вызывает значительные сомнения, на что неоднократно указывалось в юридической литературе. Несмотря на значительный интерес со стороны ученых к данной проблеме, четкие критерии оптимальности относительно гражданского судопроизводства так и не были определены.

Условиями оптимальности судебного механизма защиты прав представляется возможным признать: включение в основные положения (принципы) названного механизма элемента оптимизации; выделение оптимальности в качестве неотъемлемого свойства судебного механизма; соответствие оптимальности каждого элемента содержания анализируемой категории.

Только при соблюдении названных положений и их надлежащем нормативном закреплении возможно эффективное обеспечение реализации цели и задач правосудия по гражданским делам, а значит, и прав субъектов гражданского процесса.

В качестве основополагающего элемента механизма судебной защиты выступает акт гражданского судопроизводства. Будучи взаимосвязанными и взаимообусловленными друг с другом, в своей системе, акты гражданского судопроизводства образуют механизм судебной защиты, одной из форм которого выступает гражданское судопроизводство. Группа признаков, свя-

занных с его моделью и раскрывающих сущность данной категории, сводится к следующим положениям. Акт гражданского судопроизводства представляет собой акт:

- прямо предусмотренный нормами гражданского процессуального права;
- осуществляемый (принимаемый) при рассмотрении и разрешении гражданского дела;
- осуществляемый (принятый) в установленном законом порядке (процессуальной форме, правовой процедуре);
- выраженный вовне предписанным законом способом;
- направленный на осуществление охранительной функции (посредством воздействия на охранительные правоотношения);
- волевой акт, обладающий официальным (публичным) характером;
- вызывающий предусмотренные законом юридические последствия.

Совершенство судебного механизма, гражданского судопроизводства зависит от степени соответствия каждого этапа, порядка разрешения требования социальным условиям развития общества. И в том случае, когда законодательная база опережает либо, напротив, отстает от реальных условий жизни, говорить об оптимальности той или иной формы защиты права не имеет смысла. Обеспечение качеством оптимальности судебного механизма при этом возможно посредством развития правовых институтов, границы использования которых в эффективно действующих системах права составляет наименьший процент (например, включение в регламентацию гражданского процесса категории фикций).

Гражданско-процессуальное законодательство на протяжении длительного периода не претерпевало каких-либо серьезных изменений, однако и те правовые институты, которые были в свое время введены в качестве новелл, вызвали широкую дискуссию в правоведении. При этом, если ученые-теоретики в большинстве своем поддерживали данные новеллы, отмечая позитивность их влияния на рациональность и диспозитивность процесса, то практические работники, напротив, далеко не всегда оценивали таковые нововведения положительно, указывая на значительное увеличение объема деятельности судебного аппарата, а значит, и времени, необходимого для разрешения гражданского дела. Большинство критических замечаний в данном контексте главным образом высказано относительно заочного производства. Недостижение цели данного института вызвано наряду с иными факторами и несовершенством порядка извещения участников, точнее, невозможности обеспечения надлежащего соблюдения названного порядка в силу его несоответствия современным социальным условиям реальности.

Относительно приказного производства хотелось бы отметить следу-

ющее. Хотя практика и подтвердила эффективность упрощения судебной формы рассмотрения отдельных категорий дел в бесспорном порядке, представляется возможным исключение названных дел из сферы действия судебного механизма защиты и расширения перечня бесспорных требований, подлежащих рассмотрению в нотариальном порядке, либо введение альтернативного судебного нотариального порядка. Подобная новелла способствовала бы сокращению объема работы судов и упрощала процедуру защиты субъективных прав вне судебной деятельности. Одновременно при возникновении спора за заинтересованным лицом сохраняется право обращения в суд с целью разрешения требований в соответствующем виде процессуального производства.

Указанный вывод следует прежде всего из бесспорного характера дел, предъявляемых в суд в порядке приказного производства. При их рассмотрении суду остается лишь функция проверки и констатации наличия или отсутствия правового спора. Только выявление несогласия должника с требованиями обусловливает отказ заявителю в осуществлении приказного производства. Аналогичное, по сути, последствие, а именно отказ от совершения нотариального действия, наступает и в нотариальном порядке.

Таким образом, не умаляя значения судебной формы защиты, следует обратить более пристальное внимание на необходимость развития и совершенствования альтернативных внесудебных порядков разрешения конфликтов (административного производства, нотариального порядка, третейского судопроизводства и др.). При этом судебный механизм должен оставаться завершающим звеном в общем механизме защиты субъективных прав.

И.В. Швецова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры финансового, банковского
и таможенного права имени профессора
Нины Ивановны Химичевой
Саратовской государственной
юридической академии

В.В. Марцинкевич,
заместитель Волжского межрегионального
природоохранного прокурора,
советник юстиции

ПРЕСЕЧЕНИЕ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ (ВЫЛОВА) ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ): ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Правовое регулирование вопросов незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов на протяжении развития российской государственности всегда являлось значимым и необходимым.

Для эволюционного развития правового регулирования общественных отношений в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов в дореволюционной России, как отмечает А.А. Савичев [1, с. 98], характерна определенная периодизация. В правовой системе, регулировавшей рыболовство в обозначенный период, выделялись следующие основные направления: утверждение прав собственности на водные объекты, используемые для промысла; защита водных биоресурсов; установление правил рыболовства для конкретных крупных водоемов (таких как Каспийское море, Ладожское озеро и пр.); поддержка принципа свободного доступа к рыбной ловле; совершенствование государственного управления рыбохозяйственной сферой.

Исходя из этого, можно сделать вывод о наличии связи между современным российским законодательством в области рыболовства и правовыми нормами досоветского периода. К таким нормам относят-

ся, например, положения о свободном и безвозмездном любительском рыболовстве, правило «поймал – отпустил» при добыче водных биоресурсов, а также ограничения рыболовства, касающиеся сроков, мест, орудий лова, видов и размеров вылавливаемых водных организмов.

Представители местного самоуправления в дореволюционной России совместно с административно-полицейскими органами способствовали обеспечению доступности рыбы для населения и поддержанию экологического порядка, включая формирование бережного отношения к водным биологическим ресурсам.

Рыбохозяйственный комплекс России и сегодня является одной из ключевых отраслей экономики, важным элементом социально-производственной инфраструктуры государства.

Генеральным прокурором РФ прокурорам субъектов РФ, приравненным к ним военным и иным специализированным прокурорам, прокурорам городов и районов, другим приравненным к ним прокурорам, прокурору комплекса «Байконур» в соответствии с компетенцией предписано проводить проверки исполнения законодательства о рыболовстве [2].

В целях реализации данного поручения сотрудниками органов прокуратуры особое внимание уделяется вопросам законности распределения рыболовных участков и квот добычи (вылова) водных биоресурсов, исполнения пользователями условий заключенных с ними договоров пользования водными биоресурсами, пресечения браконьерской деятельности.

Характеризуя рыбохозяйственный и рыбоводный комплексы Астраханской области, отметим, что на сегодняшний день сформирован 321 рыболовный участок, 288 рыбоводных участков, 62 организации осуществляют промышленное рыболовство [3].

Данные рыбоохраны свидетельствуют о значительном ущербе: только в Волжско-Каспийском рыбохозяйственном бассейне за 2025 г. изъято около 1,5 тыс. сетей общей протяженностью порядка 37 км, а причиненный ущерб водным биоресурсам составил более 19 млн рублей [4].

За 2025 г. на территории Астраханской области зарегистрировано 255 преступлений в сфере охраны водных биологических ресурсов, из них по ст. 256 УК РФ (незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов) – 188, ст. 258.1 УК РФ (незаконные добыча и оборот особо ценных водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ) – 67.

Сотрудники отдела государственного контроля, надзора, охраны водных биоресурсов и среды их обитания Астраханского территориального управления Росрыболовства в ходе регулярных проверок фиксируют многочисленные нарушения. Преимуще-

ственно речь идет о нарушениях ст. 8.37 КоАП РФ, касающихся нарушения правил охоты, рыболовства и других форм использования животного мира, а также ст. 8.48 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за несоблюдение требований по сохранению водных биологических ресурсов и мест их обитания. Всего по данным нарушениям выявлено 3 182 факта [5].

Незаконно добытые (выловленные) водные биоресурсы и рыбная продукция из них подлежат безвозмездному изъятию или конфискации в порядке, установленном законодательством РФ [6].

Основными видами юридической ответственности за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов являются административная и уголовная ответственность. Возмещение нанесенного ущерба может регулироваться как отраслевыми нормами экологического и природоресурсного законодательства, так и общими нормами гражданского права [7, с. 6].

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) [8] преступление «незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» считается оконченным в момент совершения незаконных действий. При этом как покушение на преступление могут квалифицироваться действия лица, непосредственно направленные на незаконную добычу водных биологических ресурсов (например, начало установки орудий лова, непосредственная подготовка к применению для вылова рыбы и других водных биологических ресурсов взрывчатых или химических веществ, электротока), которые были пресечены в установленном законом порядке [9, с. 69]. По п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ необходимо определить точную стоимость выловленных водных биологических ресурсов.

Что касается признаков классификации административных правонарушений, то в сфере добычи (вылова) водных биологических ресурсов можно выделить виды биологических ресурсов. Водные биологические ресурсы включают в себя рыб, водных беспозвоночных, водных млекопитающих, водоросли, других водных животных и растения, которые находятся в состоянии естественной свободы. Под видами водных биоресурсов понимаются их наименование, перечни водных биоресурсов, их статус (анадромный, катадромный, трансграничный или трансзональный). При производстве по делам об административных правонарушениях критериями их разграничения служат ценность видов водных биологических ресурсов, их экономическое и экологическое значение. Вид водных биологических ресурсов, на которые осуществляется посягательство, является предметом административного правонарушения. Установление вида водных биологических ресурсов позволяет правоприменителю разграничить противоправные деяния, отличить

административное правонарушение от преступления, связанного с незаконной добычей (выловом) водных биоресурсов, установить такие важные по делу об административном правонарушении обстоятельства, как разрешен ли данный вид биоресурсов к добыче (вылову), запрещен он либо ограничен на момент совершения административного правонарушения.

В качестве еще одного критерия классификации административных правонарушений при нарушении правил рыболовства предлагается выделить орудия лова и способы добычи. В таком случае за основу берутся применяемые правонарушителем орудия, способы рыболовства (являлись ли они запрещенными либо не разрешенными или ограниченными к применению в момент совершения административного правонарушения в данном месте либо данными лицами), установление принадлежности орудий совершения или непосредственного предмета административного правонарушения при нарушении правил рыболовства. Под орудиями лова понимаются технические средства добычи объектов водного промысла. Принятый международный стандартный классификатор включает в себя пять основных классов орудия лова, различающихся принципом лова, и подклассы орудий лова в зависимости от способа осуществления лова: отцеживающие (невода, тралы, драги, конусные и бортовые подхваты); объячеивающие (дрифтерные сети); ловушки; зацепляющие и повреждающие (крючковые снасти, яруса, уды, троллы, гарпуны); самоловящие (рыбонасосы и эрлифты). Это все орудия, которые не разрешены действующими правилами рыболовства для того или иного рыбохозяйственного бассейна. К недозволенным способам лова можно отнести применение самоходных транспортных плавающих средств, взрывчатых или химических веществ, электротока и иные способы массового истребления водных биоресурсов. Применение электротока, взрывчатых, химических веществ традиционно относят к способам массового истребления животных, поскольку уже с момента начала добычи ими причиняется непоправимый экологический вред [10, с. 61].

Из-за катастрофических масштабов незаконного рыболовства запасы водных биоресурсов находятся под серьезной угрозой. Значительную роль в данном процессе играет доступность и широкое распространение запрещенных сетных орудий лова из синтетических материалов (мононитей), которые активно ввозятся и реализуются на территории страны, несмотря на существующие законодательные запреты.

Действующее законодательство, включая Федеральный закон № 475 «О любительском рыболовстве» [11] и постановление Правительства РФ № 694 «Об утверждении перечня запрещенных к ввозу на территорию Российской Федерации орудий добычи (вылова) водных биологических ресур-

сов» [12], содержит запреты на оборот и ввоз определенных типов готовых рыболовных сетей.

При этом анализ правоприменительной практики и результаты прокурорских проверок, в том числе полученные в ходе взаимодействия Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры с таможенными и контрольными органами, свидетельствуют о том, что принимаемые меры не позволяют в полном объеме пресечь нарушения законодательства в данной области правоотношений.

Во-первых, Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 [13], регулирующее нетарифные меры, запрещает ввоз только готовых сетей с определенными характеристиками, тогда как ввоз сетевого полотна с аналогичными параметрами, используемого для кустарного изготовления запрещенных орудий, остается вне правового регулирования.

Во-вторых, развитие электронных торговых площадок (Wildberries, Ozon) и использование международных почтовых отправлений привели к массовому нелегальному ввозу сетей, которые не декларируются, что затрудняет работу таможенных органов.

В-третьих, продолжают выявляться факты свободной розничной продажи запрещенных сетей в магазинах, а в открытом доступе в сети Интернет распространяется информация о способах их изготовления и реализации.

Для устранения выявленных пробелов и создания эффективного барьера на пути незаконного оборота орудий лова предлагается реализовать комплекс дополнительных мер.

В части ужесточения режима ввоза в рамках ЕАЭС необходимо внести изменения в Решение № 30, дополнив разд. 1.7 «Орудия добычи (вылова) водных биологических ресурсов, запрещенные к ввозу» категорией «сетевые полотна рыболовные», параметры которых соответствуют запрещенным готовым сетям.

Кроме того, целесообразно установить разрешительный порядок ввоза и вывоза любых сетей и сетевых полотен, которые по своим параметрам соответствуют запрещенным, но декларируются как товары нерыболовного назначения, путем включения соответствующего раздела в приложение № 2 к Решению № 30.

Для блокировки интернет-ресурсов, пропагандирующих незаконную деятельность, следует дополнить п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [14] подпунктом, позволяющим включать в Единый реестр запрещенной информации сайты, распространяющие сведения о реализации и способах изготовления запрещенных орудий добычи водных биоресурсов.

Реализация указанных мер позволит существенно ограничить каналы

поставок запрещенных орудий лова и материалов для их изготовления на территорию России, создать экономические и административные барьеры, сделав незаконный оборот сетей экономически нецелесообразным, а также сократить объемы незаконного вылова.

Еще одним условием реализации конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду является возмещение ущерба водным биологическим ресурсам, причиняемого неправомерной деятельностью браконьеров и нарушениями со стороны природопользователей.

В этой связи на территории Астраханской области в 2025 г. хозяйствующими субъектами за счет собственных средств проведен выпуск в водоемы рыбохозяйственного значения молоди в количестве более 2 млн экземпляров в целях компенсации ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам и среде их обитания [15].

Как справедливо отмечает И.В. Петров, необходима профилактика незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов [16]. Для этого целесообразно проводить комплекс мер от организационных (на международном уровне; по улучшению взаимодействия между различными контролирующими органами; по улучшению качества образования лиц, принимающих участие в противодействии незаконной добыче (вылову) водных биологических ресурсов; по учету движения водных биологических ресурсов) до совершенствования нормативно-правовой базы в сфере обеспечения неприкосновенности водных биологических ресурсов, профилактической работы среди населения, совершенствования научной основы вылова (добычи) водных биологических ресурсов, восстановления, поддержания водных биологических ресурсов.

Библиографический список

1. *Савичев А.А.* Правовое регулирование рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов в России в IX – начале XX века // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 90–102.

2. Приказ Генпрокуратуры России от 15 апреля 2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» (в ред. от 25 ноября 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Официальный сайт Азово-Черноморского филиала ФГБНУ «ВНИРО» («АзНИИРХ»). URL: https://map.azniirkh.ru/ (дата обращения: 12.02.2026).

4. Итоги промысла 2025 года в Волжско-Каспийском бассейне. URL: https://vniro.ru/index.php/ru/novosti/itogi-promysla-2025-goda-v-volzhsko-kaspijskom-bassejne (дата обращения: 12.02.2026).

5. Сводка рыбоохраны. URL: https://vktu.fish.gov.ru/ (дата обращения: 12.02.2026).

6. Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (в ред. от 28 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. 2004. № 52, ч. 1, ст. 5270; 2025. № 48, ч. 3, ст. 7255.

7. *Семенова И.В.* Ответственность за правонарушения, связанные с незаконной добычей водных биологических ресурсов: проблемы терминологии // Административное и муниципальное право. 2025. № 2. С. 1–9.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2025. № 30, ч. 1, ст. 4367.

9. *Питулько К.В., Коряковцев В.В.* Квалификация экологических преступлений: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2023. 144 с.

10. *Русскова М.А., Степенко В.Е.* Виды административных правонарушений в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов // Административное право и процесс. 2021. № 8. С. 57–63.

11. Федеральный закон от 25 декабря 2018 г. № 475-ФЗ «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 29 мая 2024 г.) // СЗ РФ. 2018. № 53, ч. 1, ст. 8401; 2024. № 23, ч. 1, ст. 3039.

12. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2009 г. № 694 «Об утверждении перечня запрещенных к ввозу на территорию Российской Федерации орудий добычи (вылова) водных биологических ресурсов» (в ред. от 26 апреля 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования» (в ред. от 26 августа 2025 г.). URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 06.03.2026).

14. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 24 июня 2025 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448; 2025. № 26, ч. 1, ст. 3486.

15. Официальный сайт Волго-Каспийского территориального управления Федерального агентства по рыболовству. URL: https://vktu.fish.gov.ru/ (дата обращения: 12.02.2026).

16. *Петров И.В.* Уголовная характеристика незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и возможные пути совершенствования противодействия правоохранительными органами // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 49–58.

Современные лингвистические исследования

Т.А. Александрова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

В.В. Гнутова,
обучающаяся Института юстиции
Саратовской государственной
юридической академии

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ УСТАРЕВШИХ СЛОВ В ЯЗЫКЕ ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Юридический английский язык, сформированный под влиянием норм, традиций и профессиональных обычаев, играет ключевую роль в современном правовом дискурсе. Он широко востребован при составлении международных договоров, корпоративных соглашений и процессуальных документов. В рамках данной темы особый интерес вызывают архаизмы – устаревшие, но функционально значимые единицы языка. Они не только обеспечивают точность передачи юридической информации, но и сохраняют культурную специфику английского права. По справедливому замечанию А.Н. Шепелева, «постижение многообразия юридического языка невозможно вне контекста правовой жизни социума» [1, с. 66].

Профессиональная коммуникация немыслима без постоянного обновления лексического фонда. Специфика специальной лексики заключается в ее узкой направленности. Англоязычная юридическая терми-

нология отличается «ярко выраженным историзмом и архаичностью, что является прямым следствием консерватизма парламентских процедур и ключевой роли судебного прецедента в правовой системе» [2, p. 63]. Терминологический аппарат складывался веками, вбирая в себя не только юридические нормы, но и мировоззренческие установки общества: религиозные убеждения, нравственные критерии и психологические особенности правосознания разных эпох. Данные экстралингвистические факторы предопределили уникальную способность английского юридического языка сохранять устаревшие формы, продолжая при этом эффективно обслуживать современные правовые реалии.

Существуют различные подходы к изучению устаревшей английской лексики, среди которых исторический, лексикографический, социолингвистический, литературный, корпусный и иные методы. Совокупность вышеперечисленных методов предполагает возможность изучения различных слов, которые утратили свою актуальность на сегодняшний день.

Этимологический метод позволяет проследить, как исторические события и культурные трансформации формировали лексику юридического английского. Так, латинское *testis* (свидетель) дало начало современному *testament* (завещание), где идея документа неразрывно связана с присутствием свидетелей. Французское влияние после нормандского завоевания привнесло дублетные конструкции (*acknowledge and confess*, *give and devise*), которые до сих пор встречаются в контрактах как дань средневековой судебной практике.

Анализ правовых текстов разных эпох (от законов короля Альфреда до современных судебных решений) показывает, как социальные изменения закреплялись в терминологии. Например, слово *murder* вытеснило древнеанглийское *morþor* под влиянием нормандских юридических процедур, а *larceny* (кража) эволюционировало из латинского *latrocinium* через средневековые статуты. Такие архаизмы, как *heretofore* или *said* (в значении «вышеупомянутый»), сохраняются в документах именно благодаря прецедентному праву, где каждое слово имеет закрепленную судебную интерпретацию.

Таким образом, историческое изучение юридической лексики раскрывает не только этимологию терминов, но и механизмы, через которые право консервирует языковые формы как гарант стабильности правопорядка.

Согласно определению В.П. Захарова и С.Ю. Богдановой, корпусная лингвистика представляет собой «раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с применением компьютерных технологий» [3, с. 5]. В практическом применении данный метод, основанный на анализе электронных собраний

текстов, открывает новые возможности для изучения юридической терминологии в диахроническом аспекте. Обращаясь к корпусам, охватывающим период с XIV в. по настоящее время, исследователь может за считанные секунды выявить все контексты употребления интересующего правового термина и проследить эволюцию его значения.

Например, анализ корпусных данных позволяет установить, как латинское *proved* (проверено) трансформировалось в современное *probe* (расследование) или как термин *trespass*, первоначально обозначавший любое правонарушение, сузился до конкретного деликта о нарушении владения.

Информационные технологии произвели революцию в лингвистике, позволив исследователям анализировать огромные массивы данных за считанные минуты. Цифровые базы данных, такие как *Early English Books Online*, дают возможность мгновенно отслеживать семантическую эволюцию слов. Показателен пример лексемы *individual*. Изначально обозначавшая философскую категорию «неделимое», в XVIII в. под влиянием общественного интереса к правам личности она приобрела современное значение «человек, индивидуум». Данный случай наглядно демонстрирует, как исторические процессы формируют семантику языка.

«Лексикографический анализ, то есть изучение и интерпретация данных словарей различных типов, остается плодотворным и эффективным методом исследования как формальной, так и смысловой стороны слова в его динамическом аспекте. Данный подход позволяет проследить тенденции словарного и, шире, языкового развития» [4, с. 219]. Применительно к исследованию устаревшей английской лексики лексикографический метод является одним из наиболее эффективных инструментов, поскольку обращение к толковым словарям разных исторических периодов дает возможность зафиксировать семантические сдвиги и проследить постепенный выход лексических единиц из активного употребления. Однако для получения целостной картины лексикографический подход целесообразно дополнить анализом исторических текстов и социолингвистическими исследованиями, поскольку словарные статьи не всегда отражают все контекстуальные особенности употребления слова.

Социолингвистический метод исследования устаревшей лексики фокусируется на взаимосвязи языка и общества, выявляя, как социальные факторы влияют на судьбу слов. Данный подход предполагает анализ лексики, утратившей актуальность в общем употреблении, но сохраняющейся в отдельных сообществах – диалектных группах, этнических меньшинствах или профессиональных кругах.

Литературный и культурный методы исследования устаревшей англий-

ской лексики на сегодняшний день представляются особенно актуальными. Такими исследованиями занимаются в том числе и российские ученые. Это два взаимосвязанных подхода, которые позволяют понять значение, употребление и культурный контекст вышедших из активного употребления слов и выражений через изучение культурных артефактов определенной эпохи. Они определяются атмосферой произведений, в которых употреблялась лексика, утратившая свою актуальность в современных произведениях. Важно учитывать, что такая лексика может не только обогащать текст, но и создавать определенные аллюзии и ассоциации, что особенно ценно в художественной литературе и профессиональной деятельности, включая юридическую сферу.

Таким образом, изучение устаревших слов в юридическом английском помогает не только разбираться в старых документах, но и понимать, как развивалось право. Погружаясь в историю, мы видим, как менялись взгляды на справедливость и собственность. Важно продолжать такие исследования, чтобы сохранить точность юридических терминов и лучше понимать их истоки. Сохранение и изучение этого архаичного пласта является профессиональной обязанностью правоведов и лингвистов перед будущими поколениями юристов, ведь именно в этих «лингвистических капсулах времени» (от средневековых хартий до викторианских статутов) заключены ключи к пониманию не только прошлого, но и настоящего, а возможно, и будущего юридического английского языка.

Библиографический список

1. *Шепелев А.Н.* Юридический язык как явление правовой жизни // Вестник Тамбовского университета. 2015. № 8 (148). С. 65–70.

2. *Cabre M.T.* Terminology. Theory, methods and applications. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. 248 p.

3. *Захаров В.П., Богданова С.Ю.* Корпусная лингвистика: учебник. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 2014. 161 с.

4. *Шехтман Э.Н.* Лексикографический анализ словарей разных типов как метод изучения современного английского вокабуляра // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 7. С. 216–220.

Д.Ю. Балашова,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

КОНСТРУКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ЛИНГВИСТИКЕ. МЕТОД СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Конструктивные методы в лингвистике: сущность и методологический статус

В отличие от эмпирически-описательных подходов, фиксирующих наблюдаемые языковые явления в их кажущейся непосредственности, конструктивный метод предполагает активное, моделирующее и гипотетико-дедуктивное отношение к объекту. Его цель – не просто классифицировать и систематизировать факты, а построить непротиворечивую систему правил, операций или алгоритмов, способных не только объяснить наблюдаемые явления через их внутренние механизмы, но и прогнозировать новые, потенциально возможные в рамках системы. В лингвистике такой подход знаменует собой принципиальный эпистемологический сдвиг: от изучения текстов (речи, выступления) как эмпирической данности к реконструкции тех скрытых, глубинных механизмов (правил, моделей, абстрактной компетенции), которые лежат в основе фундаментальной способности человека (языковой способности) порождать и понимать практически бесконечное число грамматически правильных и осмысленных высказываний.

Этот подход напрямую и органично коррелирует с задачами методики проектной деятельности, которая учит исследователя не просто пассивно анализировать существующее положение дел, а целенаправленно конструировать логичный, последовательный и верифицируемый процесс исследования для достижения конкретного, заранее сформулированного результата. Конструктивный метод в лингвистике и есть такая фундаментальная процедура, превращающая «сырой» корпус языковых данных в формализованную, логически выверенную модель, которая сама становится объектом проверки и уточнения. В проектной логике

данный метод выступает в роли инструментального ядра, вокруг которого выстраиваются этапы сбора данных, их обработки, построения гипотез и верификации модели [1, с. 217].

Исторически поворот к конструктивным методам в языкознании был связан с общей тенденцией к формализации и структуризации знания в гуманитарных науках XX в. Классический структурализм (Ф. де Соссюр, Пражский кружок) заложил краеугольный камень, введя системный взгляд на язык как на сеть оппозиций и отношений, где значение элемента определяется его местом в системе [2]. Однако именно последующие направления, в частности порождающая (генеративная) лингвистика Н. Хомского, совершили революционный шаг от структуры как статичной синхронной сетки отношений к динамической процессуальной модели порождения (генерации). Язык перестал рассматриваться исключительно в качестве «готового» музейного набора элементов и правил их сочетания (язык), под ним стало пониматься врожденное «устройство» или способность, обладающая внутренней активностью и конечным набором принципов, позволяющим создавать бесконечное множество выражений [3, с. 55]. Такой сдвиг представляет собой движение «от мира слов – к миру методов», где сам метод, его строгость и объяснительная сила становятся ключом к пониманию сущности языка. Конструктивный метод является прямым наследником стремления к научной строгости, сближающей лингвистику с логикой и математикой.

Таким образом, ядром любого конструктивного метода в лингвистике выступает формальное или полуформальное правило (или набор правил), осуществляющее преобразование одной структуры (абстрактной, глубинной) в другую (конкретную, поверхностную) или устанавливающее отношения между множеством структур. Его последовательное применение позволяет решить ряд критически важных задач, которые стоят перед любым лингвистическим проектом:

- выявить скрытые сходства и системные отношения между внешне различными конструкциями, показав их общее происхождение или функциональное единство (например, активный и пассивный залоги);
- объяснить системные ограничения и запреты грамматики, ответив на вопрос, почему одни сочетания допустимы, а другие воспринимаются как нарушения, даже если они понятны (например, ограничения на перемещение элементов в сложных предложениях);
- смоделировать языковую компетенцию (знание) идеализированного носителя языка, сделав эксплицитным его неявное, интуитивное знание о грамматической правильности;
- обеспечить проверяемость (верифицируемость) и фальсифицируемость выводов, поскольку сфор-

мулированные правила должны последовательно и непротиворечиво применяться ко всему массиву данных, а их нарушения указывают на несовершенство модели.

Именно в этом методологическом ключе и можно рассматривать трансформационный анализ и метод синтаксической парадигмы не как простые техники разбора, а как два мощных, хотя и методологически различных способа конструирования синтаксического знания. Первый делает акцент на динамике преобразования и формальных правилах вывода, второй – на статике системного выбора и функциональной обусловленности вариантов. Их сопоставление ярко иллюстрирует, как одна общая цель – объяснение синтаксиса, может достигаться разными, но взаимодополняющими путями внутри конструктивной парадигмы.

Метод синтаксической парадигмы: функционально-семантический конструкт

Если трансформационный анализ шел «сверху вниз» – от абстрактных формальных правил к конкретным предложениям, то метод синтаксической парадигмы (СП), активно разрабатывавшийся в советской и российской лингвистике, движется в противоположном, но столь же конструктивном направлении – «снизу вверх», отталкиваясь от конкретных функциональных и семантических задач высказывания и систематизируя весь арсенал языковых средств для их решения. В то время как генеративная грамматика спрашивала: «Какова система правил, порождающая все грамматичные предложения?», метод СП ставит иной вопрос: «Какими разнообразными синтаксическими способами может быть выражена одна и та же смысловая интенция (пропозиция) в речи и чем мотивирован выбор конкретного способа?». Этот подход ориентирован не столько на формальную грамматичность, сколько на функциональную адекватность синтаксической формы в живом коммуникативном акте.

Парадигматика в синтаксисе: от термина к методологическому принципу

Перенос понятия парадигмы из морфологии в синтаксис был нетривиальным методологическим ходом, требующим серьезного переосмысления. В морфологии парадигма – это система форм одного слова, организованная по строгим грамматическим категориям (падеж, число, лицо, время и т.д.), где выбор формы часто диктуется синтаксическим окружением и является в значительной степени обязательным. В синтаксисе, где единицей является свободно комбинируемая, продуктивная конструкция, понятие парадигмы приобретает качественно иное содержание. Синтаксическая парадигма – это прежде всего система функциональных вариантов синтаксической конструкции, объединенных общим инвариантным смыслом (или синтаксической идеей, конструктивной

схемой), но различающихся своей формальной организацией и тонкими коммуникативно-смысловыми, модальными и стилистическими оттенками [4]. Проще говоря, одна и та же пропозиция (событие, ситуация, отношение) может быть вербализована в речи целым спектром синтаксических способов, выбор среди которых определяется не грамматической необходимостью, а коммуникативным намерением говорящего, актуальным членением (тема-рема), стилистическим регистром и контекстом. Таким образом, метод СП исследует синтаксис не как механизм порождения, а как динамическое поле выбора, предоставляемое системой языка для осуществления речевой деятельности, и тем самым ставит во главу угла понятие синтаксической синонимии, понимаемой как вариативность формы при тождестве или близости содержания.

Структура, классификация и уровни организации синтаксической парадигмы

Структура СП носит центростремительный и иерархический характер. Ее ядром является инвариант – наиболее нейтральная, не маркированная в коммуникативном отношении конструкция, лишенная экспрессивных или специализированных прагматических окрасок [4]. Чаще всего это двусоставное повествовательное предложение с прямым порядком слов и объективной модальностью (констатация факта). Данный инвариант выступает точкой отсчета, базовым, «словарным» способом номинации ситуации. Вокруг него по радиусам функциональной значимости выстраиваются варианты, которые можно классифицировать по нескольким ключевым осям (параметрам варьирования), отражающим разные аспекты речевой деятельности:

1) *по модальности*: это ось, изменяющая целевую установку высказывания и отношение говорящего к сообщаемому.

Инвариант (повествование, констатация): «Студент сдал экзамен».

Варианты: «Студент сдал экзамен?» (вопросительный – запрос информации); «Пусть студент сдаст экзамен. / Студент, сдай экзамен!» (побудительный – волеизъявление); «Студент не сдал экзамен» (отрицательный – отрицание факта); «Студент, возможно, сдал экзамен» (модальность вероятности); «Студент бы сдал экзамен…» (сослагательное наклонение);

2) *по коммуникативной организации (актуальному членению)*: это ось, связанная с распределением данного и нового, логического ударения и порядка слов, т.е. с тем, как информация «упаковывается» для адресата.

Варианты: «Экзамен сдал СТУДЕНТ» (тема – «экзамен» (данное), рема – «студент» (новое): ответ на вопрос «Кто сдал экзамен?»). «Студент ЭКЗАМЕН сдал» (тема – студент, рема – сдал экзамен: подтверждение факта сдачи). Пассивная конструкция «Экзамен сдан студентом» также может

служить целям актуального членения, выдвигая «экзамен» в тему [5, с. 302];

3) *по степени эксплицитности/имплицитности (полноты/сжатости)*: это ось экономии языковых средств и контекстуальной зависимости.

Варианты: «На улице наступает зима» (полное двусоставное) → «Зима!» (номинативное, обладающее повышенной экспрессивностью и смысловой емкостью) → «[Я] Замерзаю» (неполное, контекстуально обусловленное, возможное только в диалоге или определенной ситуации);

4) *по способу соединения предикативных единиц (для сложных предложений)*: это ось, демонстрирующая логику связи событий и степень их смысловой интеграции.

Инвариант ситуации (смысловая инвариантность двух событий): «Погода испортилась. Мы не пошли гулять».

Варианты: «Погода испортилась, и мы не пошли гулять» (сочинение, равноправная связь, простое перечисление). «Мы не пошли гулять, потому что погода испортилась» (подчинение, выделение причинно-следственной связи, установление иерархии). «Испортилась погода – мы не пошли гулять» (бессоюзная связь, большая смысловая слитность и динамизм).

Конструктивная природа, эвристический потенциал и проектная ценность метода

Метод СП является полноценным конструктивным методом, поскольку он не описывает, а активно строит модель синтаксической системы, исходя из принципа функциональной вариантности. Его ценность для проектной деятельности заключается в следующем.

Систематизация как конструирование. Метод не просто инвентаризирует конструкции, а выстраивает их в строгие мотивированные парадигматические ряды и таблицы, показывая синтаксис как организованное, иерархизированное и предсказуемое поле выбора для говорящего. Это конструкция целостного системного знания из эмпирического многообразия речевых фактов.

Правила выбора, а не порождения. Он устанавливает правила функционально обусловленной замены (вариации). В отличие от формальных трансформаций, данные правила носят мотивационный и вероятностный характер: выбор конкретного варианта из парадигмы определяется прагматическим контекстом, стилем, жанром, задачей воздействия и индивидуальным авторским замыслом. Это позволяет моделировать реальный процесс принятия решений при речепорождении.

Моделирование речевой деятельности и анализ текста. Метод СП напрямую моделирует процесс речепорождения с точки зрения выбора оптимальной синтаксической формы для передачи не только пропозиционального содержания, но и прагматической установки говорящего, его мне-

ния и коммуникативной стратегии, что делает его незаменимым инструментом в лингвостилистике, риторике и анализе текста, где синтаксический строй выступает одним из ключевых средств формирования и выражения.

Прогностическая и прикладная сила. Метод позволяет не только описывать, но и прогнозировать возможные способы выражения данной смысловой идеи в языке, что является важнейшим шагом в моделировании речевого поведения [6]. Это имеет прямое прикладное значение для обучения иностранным языкам (формирование навыка адекватного синтаксического выбора), для автоматического порождения текстов разной стилистической окраски, для теории перевода и для создания стилистически чувствительных алгоритмов анализа тональности.

Таким образом, метод синтаксической парадигмы конструирует синтаксическое знание как знание о возможностях, вариативности и мотивированном выборе, делая явной неразрывную связь между формой, значением и коммуникативной функцией. Он идеально соотносится с анализом текста как целостного произведения, где синтаксический строй является осознанным инструментом создания смысла, управления вниманием читателя, построения нарратива и достижения художественного или убеждающего эффекта. Данный метод представляет собой функционально-семантическую «карту» синтаксиса, без которой невозможно целостное понимание его роли в живой, ситуативно обусловленной и целенаправленной человеческой коммуникации. В рамках проектной деятельности он служит основой для построения моделей функциональной грамматики, стилистического анализа и разработки лингвистических компонентов систем, работающих с естественным языком.

Библиографический список

1. *Жуйфэн Л.* Системные отношения лексических единиц в тематической группе «Война» // Вестник Ленинградского государственного университета. 2013. Т. 1, № 3. С. 215–221.

2. *Кодухов В.И.* Введение в языкознание: учебник для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». 3-е изд., стер. М.: Альянс, 2009. 285 с.

3. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М.: Едиториал УРСС, 2001. 360 с.

4. *Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высших заведений. М.: Академия, 2008. 272 с.

5. *Кочеткова Н.А.* Статистические языковые методы. Коллокации и коллигации // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2013. № 16. С. 301–305.

6. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Едиториал УРСС, 2004. 228 с.

Е.А. Богачева,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

С.В. Струкова,
обучающаяся Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии

СОВРЕМЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА ИНСТИТУТА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Юридический перевод занимает ключевое положение в структуре современной правовой коммуникации, выступая необходимым условием функционирования правовых механизмов в контексте международного взаимодействия. Правовая значимость данного вида перевода проявляется во всех сферах юридической деятельности, предполагающих трансляции нормативных и правоприменительных конструкций между различными правовыми системами.

Российская Федерация как государство, обладающее полиэтнической структурой населения и выступающее полноправным субъектом международных политико-правовых и экономических отношений, объективно испытывает растущую потребность в квалифицированном переводе юридических текстов. Усиление интеграционных процессов, расширение параметров международного правового сотрудничества, увеличение миграционных показателей, а также участие государства в деятельности международных организаций обуславливают стабильный спрос на специалистов, способных осуществлять юридический перевод на высоком профессиональном уровне.

Юридический перевод по праву считается одним из наиболее сложных видов перевода. Это обусловлено высокой степенью ответственности, спецификой правовой терминологии, различиями национальных

правовых систем, а также необходимостью точной и недвусмысленной передачи содержания правовой нормы. Любая ошибка или неточность в переводе может привести не только к финансовым потерям, но и к серьезным правовым последствиям, вплоть до признания документа недействительным.

Особый интерес представляет студенческий взгляд на профессию юридического переводчика. Обучение по специальности «юрист-переводчик» в институте дополнительного образования формирует уникальный междисциплинарный профиль специалиста, сочетающего глубокие знания в области права и профессиональные переводческие компетенции. Именно в процессе обучения происходит формирование профессионального мировоззрения и осознание реальных требований профессии.

В современных условиях юридический переводчик не ограничивается ролью лингвиста, владеющего иностранным языком. Он выступает как специалист, обладающий развитым правовым мышлением, способный ориентироваться в особенностях различных правовых систем – континентальной, англосаксонской и смешанных. Существенной частью его профессиональной деятельности становится соотнесение правовых понятий различных государств, многие из которых не имеют прямых эквивалентов в национальном праве и требуют адаптации и концептуального осмысления.

Роль личности юриста-переводчика носит многогранный характер. В отличие от художественного перевода, где личность переводчика может проявляться в стиле и интерпретации, в правовом переводе она проявляется прежде всего в профессионализме, точности, ответственности и способности к межкультурной и межправовой адаптации [1, с. 355].

С точки зрения студента программы «юрист-переводчик», ключевыми компетенциями такого специалиста являются: знание национального и зарубежного права; владение юридической терминологией на двух и более языках; способность анализировать правовой контекст, а не только текст; навыки юридического письма и редактирования текстов; понимание принципов юридической техники и нормотворчества. В данном контексте юридический переводчик рассматривается не как технический исполнитель, а как посредник, обеспечивающий эффективное взаимодействие между различными правовыми системами. Подобный подход к пониманию профессиональной роли юриста-переводчика находит отражение в современных научных исследованиях, посвященных вопросам профессиональной коммуникации и юридического перевода.

Практика обучения показывает, что многие студенты, поступающие на программы дополнительного образования, изначально ориентированы преимущественно на освоение юриди-

ческой лексики и перевод типовых правовых документов. Однако в процессе обучения становится очевидным, что успешная профессиональная деятельность в данной сфере требует значительно более широкого круга знаний и навыков.

С точки зрения обучающихся, эффективный юридический перевод невозможен без применения сравнительно-правового анализа, знания системы источников права и иерархии нормативных актов, учета особенностей правоприменительной практики, понимания правовой культуры государства языка перевода. Освоение данных аспектов представляет определенную профессиональную сложность, однако одновременно способствует повышению качества подготовки и формированию профессиональной идентичности будущего специалиста, что согласуется с положениями теории переводческой эквивалентности и концепциями профессиональной подготовки переводчиков.

В студенческой среде прослеживаются различные подходы к определению оптимальной модели профессиональной подготовки юридического переводчика. Часть студентов придерживается точки зрения, согласно которой приоритетным является наличие фундаментального юридического образования, обеспечивающего глубокое понимание правовой природы переводимого материала. В рамках данного подхода языковая компетенция рассматривается как инструмент, дополняющий основную юридическую квалификацию.

Альтернативная позиция акцентирует внимание на междисциплинарном характере профессии. Согласно этой концепции, юридический переводчик функционирует на стыке права, лингвистики и межкультурной коммуникации, что требует гибкого подхода к переводу и отказа от буквального воспроизведения терминологии в пользу функциональной и смысловой адаптации текста.

Отдельного внимания заслуживает мнение студентов о влиянии цифровых технологий. Многие отмечают, что автоматизированные переводческие системы и искусственный интеллект не устраняют необходимость в юридическом переводчике, а, напротив, повышают требования к его квалификации, что также подчеркивается в исследованиях, посвященных профессиональной коммуникации в условиях цифровизации. Юрист-переводчик обеспечивает качество, точность, соответствие перевода контексту. Наиболее важным считается, что машина с искусственным интеллектом не может в полной мере учитывать культурные, контекстуальные и языковые особенности текста, а также скрытые смыслы, тонкости и нюансы, которые могут иметь большое значение [2, с. 170].

В восприятии студентов современный юридический переводчик предстает как высококвалифицированный

специалист, сочетающий правовое мышление, лингвистическую точность и аналитические способности [3, с. 134]. Обучение по программам дополнительного профессионального образования способствует осознанию сложности и высокой ответственности данной профессии.

Проведенный анализ позволяет заключить, что представления студентов о профессии юридического переводчика отражают актуальные тенденции развития юридического перевода в условиях цифровизации и глобализации. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются изучение нормативно-правового статуса юридического переводчика, разработка единых требований к его профессиональным компетенциям, а также совершенствование образовательных программ с учетом внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в переводческую практику.

Библиографический список

1. *Мартынова Н.А.* Рассмотрение особенностей юридического перевода как процесса и влияния на него личности переводчика // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 6. С. 347–357.

2. *Гамзаев Ф.Г., Алиева П.Ш.* Роль технологий в юридическом переводе: возможности и риски машинного перевода в юридической практике // Транслингва: вопросы современной науки и технологий сквозь призму языкового сознания: сб. по матер. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 12 декабря 2024 г.). М.: Университетская книга, 2025. С. 165–174.

3. *Богачева Е.А., Нагаев Е.В.* Портрет переводчика в сфере профессиональной коммуникации: лингвистическая проблема // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2025. Вып. 2. С. 133–138.

Е.В. Волгина,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии
В.А. Кокшарова,
обучающаяся Института юстиции
Саратовской государственной
юридической академии

СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОВ ПРАВА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Право как социальный институт существует исключительно в знаково-вербальной форме. Язык в праве служит не просто средством оформления готовых мыслей, а инструментом конструирования правовой реальности. Центральным элементом языка права выступает юридический термин. Если в науке термин выполняет прежде всего гносеологическую функцию (познание), то в праве на первый план выходит его функциональное предназначение, а именно служить инструментом властного воздействия на общественные отношения. Цель данной статьи – выявить и систематизировать специфические функции юридических терминов, отличающие их от терминосистем иных областей знания.

Номинативная и сигнификативная функции. Первичной функцией любого термина, в том числе юридического, является номинативная – функция наименования специального понятия. Термин дает имя тому или иному фрагменту правовой действительности: *иск*, *сделка*, *право собственности*, *алиби*. Однако просто назвать явление недостаточно.

В тесной связи с номинативной находится сигнификативная (дефинитивная) функция. Юридический термин не только обозначает предмет, но и несет в себе строго определенное понятие (сигнификат). В отличие от бытового слова, юридический термин всегда стремится к семантической определенности. Например, слово *залог* в быту может означать лю-

бое обещание или гарантию, в то время как в Гражданском кодексе РФ термин *залог* определен в качестве способа обеспечения исполнения обязательств, со строго очерченным кругом прав и обязанностей сторон. Сигнификативная функция реализуется через легальные дефиниции (определения в тексте закона).

Регулятивная (управленческая) функция как доминанта. Ключевой функцией, определяющей специфику именно *правовых* терминов, является регулятивная функция. По справедливому мнению Н. Громовой, это производная функция от главной функции права – регулирования общественных отношений [1, с. 7]. Термин здесь выступает не просто как ярлык, а как команда, модель поведения. Значение юридической терминологии для реализации данной функции трудно переоценить. В.Ю. Туранин убедительно доказал, что юридические термины, будучи информационным ядром, являются каналом передачи содержания правовых норм до тех, кому они адресованы, и в этом качестве терминология остается незаменимым инструментом правовой коммуникации [2, с. 34]. Язык права предъявляет особые требования к точности и системности используемой лексики, что обусловлено самим характером правового регулирования [3, с. 24; 4, с. 506; 5, с. 165].

Регулятивная функция заключается в способности термина служить средством перевода абстрактной нормы права в плоскость конкретных правоотношений.

Аксиологическая (ценностно-оценочная) функция. Юридические термины не являются ценностно-нейтральными, в отличие от большинства естественно-научных терминов. Право всегда выражает государственную волю и социальные оценки, что находит отражение в терминологии. Эта сторона раскрывается в аксиологической функции.

Аксиологическая функция может быть явной и скрытой. Ярким примером явной оценочности могут служить термины уголовного права: *тяжкое преступление*, *особая жестокость*, *рецидив*. Они содержат в себе отрицательную морально-правовую оценку деяния и личности преступника.

В сфере частного права оценочность может быть имплицитной. Например, термин *добросовестный приобретатель* в гражданском праве несет позитивную коннотацию, предполагая защиту такого участника оборота, тогда как его антоним (недобросовестный) влечет негативные последствия. Смена терминологии в исторической перспективе (например, отказ от термина *собственность* в советский период и его возвращение) ярко демонстрирует аксиологическую нагруженность правового языка.

Коммуникативная функция и проблема адресата. Коммуникативная функция юридических терминов также имеет свою специфику, обу-

словленную особенностями адресата. В отличие от узкоспециальных терминов (например, медицинских), юридическая терминология имеет двойного адресата:

- профессиональное сообщество (судьи, адвокаты, нотариусы), для которого точность термина является условием работы;
- граждан и организации (субъектов права), на которых распространяется действие нормы.

Это создает уникальное функциональное противоречие: с одной стороны, термин должен быть точен (для правоприменителя), с другой – доступен для понимания (для обывателя). Как указывает О.А. Безуглова, юридический термин выступает «мостиком» между абстрактной нормой и конкретным субъектом, которому данная норма адресована [6, с. 170]. Нарушение коммуникативной функции (непонятность термина) ведет к снижению эффективности правового регулирования.

Трансформация функций в массовом дискурсе. Особый интерес представляет функционирование юридических терминов за пределами правового поля, например в СМИ, публицистике и бытовом общении. Здесь происходит трансформация функций.

Попадая в медийный дискурс, юридический термин часто утрачивает свою регулятивную функцию и приобретает функции, ему не свойственные:

- экспрессивную функцию. Термины *амнистия*, *импичмент*, *рейдерский захват* используются не для точного обозначения правовых понятий, а для создания эмоционального фона, усиления драматизма повествования;
- функцию манипуляции. Журналисты могут использовать юридическую лексику для придания весомости своим утверждениям или, наоборот, для дискредитации оппонентов (например, навешивание «юридических» ярлыков на бытовые конфликты).

Как верно замечает Н. Громова, такое использование ведет к «размыванию» семантики терминов и смешению профессионального и обыденного сознания, что является серьезной проблемой для поддержания авторитета права [1, с. 9].

Функциональная специфика юридических терминов заключается в их двойственном предназначении: они одновременно служат инструментом познания права и инструментом управления обществом. Доминирование регулятивной функции над всеми остальными отличает термины права от терминологического аппарата иных наук. Аксиологическая нагруженность связывает право с моралью, а особенности коммуникативной функции ставят сложную задачу баланса между точностью и доступностью. Изучение функционирования правовых терминов позволяет не только совершенствовать юридическую технику, но и понимать глубинные процессы взаимодействия права, языка и общества.

Библиографический список

1. *Громова Н.* Юридический термин в правовом поле и за его пределами // Юрислингвистика. 2019. № 13 (24). С. 5–9.

2. *Туранин В.Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 45 с.

3. *Власенко Н.А.* Язык права. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997. 176 с.

4. *Алексеев С.С.* Право. Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М.: Норма: ИНФРА-М, 1998. 958 с.

5. *Мамедов Э.Ф.* Язык закона: к вопросу о значении терминов и дефиниций в текстах нормативных правовых актов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (26). С. 163–168.

6. *Безуглова О.А.* Специфика правовой терминологии (на материале английского языка) // В мире научных открытий. 2015. № 3 (63). С. 168–173.

Э.В. Семенова,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

В.В. Грызлий,
обучающийся Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии

Н.А. Овакимян,
обучающийся Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии

АНГЛИЦИЗМЫ В РЕЧИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ: ОТ СЛЕНГА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ

Формирование профессиональной коммуникативной компетентности начинается на ранних этапах юридического образования и предполагает осознанное отношение к языковым средствам. Как и представители современной молодежи в целом, студенты-юристы активно используют англицизмы в неформальной коммуникации, что делает особенно важным для них понимание границы между допустимыми заимствованиями и избыточным употреблением иноязычной лексики, способным нарушить точность и однозначность правового высказывания в практике.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, англицизм – слово или оборот речи в каком-либо языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения [1]. Этот феномен имеет глубокие исторические корни, однако его современный масштаб требует особого внимания в контексте юридического образования.

Проникновение англицизмов в русский язык началось еще в XVIII–XIX вв., но до 1990-х гг. их влияние было слабым, исклю-

чая спортивную лексику (футбол, хоккей, бокс и др.). Настоящий бум произошел в 1990-е гг., когда в язык вошли компьютерные (сканер, шредер) и деловые термины (маркетинг, дефолт, дилер). Параллельно с деловой лексикой в юридическую терминологию проникли англицизмы, связанные с новыми реалиями: ноу-хау, франчайзинг, лоббизм, дью-дилидженс. В отличие от неустойчивых сленговых единиц, эти заимствования прошли лингвистическую и нормативную адаптацию, закрепившись в некоторых сферах юридической деятельности (андеррайтинг, варрант) [2, с. 158].

Понимание причин и механизмов заимствования помогает будущим юристам критически оценивать уместность англицизмов в профессиональной речи.

Среди основных факторов, обусловливающих проникновение англицизмов в русский язык, можно выделить следующие [3]: обозначение новых реалий (ноутбук, криптовалюта); отсутствие точного эквивалента (блогер, фрилансер); экономия речи (онлайн, офлайн); экспрессивность (хейт, фейк); престижность (ментор); конкретизация значения (киллер); интеграция в международные правовые системы (арбитраж, медиация, комплаенс).

Рассматривая динамику языковых заимствований, отметим, что в XXI в. интенсивность заимствований из английского языка резко возросла под влиянием ряда факторов [4, с. 70]: глобализация (спикер, стейкхолдер); развитие технологий (девайс, блокчейн); мода (дресс-код); отсутствие русских аналогов (брокер, дилер) и др.

С лингвистической точки зрения заимствования классифицируются по способу образования [3] на прямые заимствования (ноу-хау), кальки (футбол), гибриды – английский корень + русский аффикс (риэлторский – realtor), композиты (видеоконференция), экзотизмы (хедж-фонд), иностранные вкрапления (вау) и искаженные формы / жаргонизмы (изи). Последние, характерные для молодежного сленга, исчезают при переходе к профессиональной деятельности из-за требований к терминологической точности и однозначности.

Именно в молодежной среде англицизмы приобретают социокультурную функцию, формируя языковую идентичность [5, с. 110], которая для будущих юристов должна трансформироваться в профессиональную рефлексию. Англицизмы особенно активно используются в молодежной речи из-за высокой восприимчивости к внешним влияниям, формируя динамичный сленг – «непрочную, неустойчивую и некодифицированную» лингвосистему по определению Эрика Партриджа [6]. Такие слова, как вайб, кринж, флекс, создают групповую идентичность, но быстро уходят из употребления, оставаясь лишь на уровне пассивной лексики.

Для студентов юридических вузов критически важно уметь переключаться с неформального сленга в повседневной коммуникации на строго нормированный язык профессиональной среды: неспособность различать эти регистры может привести к нарушению этики юридического дискурса, например к употреблению сленговых англицизмов в судебных документах или официальной переписке, что противоречит принципу доступности правовой информации [7].

Заимствования представляют собой естественный процесс лексического обогащения языка, однако ключевое значение приобретает не сам факт использования иноязычной лексики, а уместность ее применения в конкретном коммуникативном контексте. Основная проблема заключается не в присутствии англицизмов в речи, а в некорректном употреблении с точки зрения стилистических и функциональных норм. Особенно критично это в правовых текстах: фраза «провести дью-дилидженс по кейсу» в неофициальной переписке допустима, но в формальном контексте требуется строгая формулировка «провести комплексную проверку по делу». Осознанное отношение к заимствованиям проявляется в соблюдении двух ключевых принципов языковой нормы: использовать русский эквивалент, если он есть (похищение, а не киднеппинг); учитывать аудиторию, особенно в официальном языке.

Государственная языковая политика закрепляет данные нормы на законодательном уровне, создавая правовой контекст для будущей профессиональной деятельности юристов. В 2024 г. Государственная Дума РФ приняла закон, направленный на ограничение употребления иностранных слов, в том числе англицизмов, в публичном пространстве – на вывесках, в рекламе, названиях жилых комплексов и др. Цель инициативы – «формирование национально ориентированной языковой среды, сохранение культурных ценностей» [8]. При этом закон не затрагивает частную и цифровую коммуникацию, оставляя молодежному сленгу свободу самовыражения. Для будущих юристов принятый закон имеет двойное значение: он формирует правовую основу для защиты языковой среды и одновременно требует понимания баланса между языковым регулированием и свободой выражения – компетенции, непосредственно связанной с будущей профессией.

Англицизмы в русском языке – не просто заимствования, а социокультурный маркер, отражающий как глобализационные процессы, так и динамику языковой нормы. Для студентов-юристов осмысление данного феномена приобретает профессиональное измерение: будущий юрист должен уметь различать допустимые заимствования и избыточное употребление сленговых англицизмов, способное нарушить точность правового текста.

Таким образом, изучение англицизмов выходит за рамки лингвистического анализа и становится элементом профессионального юридического дискурса – основы коммуникативной компетентности современного юриста. В практическом плане это означает овладение нормами использования иноязычной юридической лексики, понимание границ ее применения и умение соотносить выбор языковых единиц с требованиями точности, однозначности и официальности, присущими правовой коммуникации.

Библиографический список

1. Англицизм // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=473 (дата обращения: 09.02.2026).

2. *Дьяков А.И., Шиляева О.А.* Зачем российским юристам англицизмы? // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6 (108). С. 157–162.

3. *Тарасенко Д.И.* Англицизмы в современном русском языке // Официальный сайт XXVII Международного конкурса научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке». URL: https://school-science.ru/4/10/1228 (дата обращения: 11.02.2026).

4. *Шишло П.А.* Англицизмы и их использование в русском языке // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2018. № 1. С. 68–70.

5. *Разуваева Н.Г., Кайырбаева С.Н., Ефимов Д.К.* Англицизмы в русском молодежном сленге // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. 2024. № 1 (3). С. 106–112.

6. *Ешенкова Н.Л.* Англицизмы как часть современной молодежной культуры // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 9 (45). URL: https://rulb.org/archive/9-45-2023-september/10.18454/RULB.2023.45.24 (дата обращения: 14.02.2026).

7. *Клишина К.А.* Принцип доступности и понятности правовых актов, соблюдения правил юридического стиля и языка как предмет изучения // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: https://scienceforum.ru/2018/article/2018009438 (дата обращения: 14.02.2026).

8. Госдума одобрила новые ограничения для использования иностранных слов // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/06/17/gosduma-odobrila-novye-ogranicheniia-dlia-ispolzovaniia-inostrannyh-slov.html (дата обращения: 16.11.2025).

О.Г. Блинова,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРЕЗУМПЦИЮ ПРАВОСУДНОСТИ ПРИГОВОРА

Наиболее полно основная процессуальная функция суда – функция разрешения уголовного дела по существу – реализуется в итоговом процессуальном решении – приговоре. Постановление и провозглашение решения по уголовному делу является заключительной и решающей частью всего судебного разбирательства. Все задачи, которые стоят перед судом, осуществляющим правосудие, находят свое выражение в выносимом им приговоре. Р.Г.О. Искендеров подчеркивает, что «в приговоре, как в оптическом фокусе, концентрируется все хорошее и плохое, чем характеризуется реально функционирующее правосудие» [1, с. 3].

Важно отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ), определяя основные задачи по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ), указывает, что их реализация возможна посредством вынесения правосудных решений. Правосудность приговора суда – достаточно емкое, комплексное понятие, которое охватывает не только качественную характеристику того, чем приговор уже обладает, но и такие его внутренние свойства, как законность, обоснованность, мотивированность и справедливость, а также обязанность суда применить все законные средства

и способы для того, чтобы приговор был правосудным.

Приговор считается правосудным до тех пор, пока это не опровергнуто вышестоящим судом. Вынесение законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу в ряде случаев находит свое продолжение и в последующих стадиях уголовного судопроизводства при проверке приговора в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, при возобновлении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, что является процессуальной формой проверки правосудности приговоров суда первой инстанции.

Как справедливо утверждает М.Ф. Маликова, «в процессуальном смысле трудно отделить деятельность суда и результат его работы. Видимо, в этом плане как правосудие, так и его решение работают в одно время в едином направлении» [3, с. 67]. Трудно не согласиться с подобного рода высказыванием, поскольку деятельность суда по осуществлению правосудия направлена в конечном счете на вынесение правосудного решения. Именно поэтому необходимо установить факторы, определяющие презупцию правосудности приговора, т.е. то, что делает его таковым и, соответственно, составляет содержание данной презумпции.

В рамках последовательно реализуемого двухэтапного порядка судебного разбирательства – в судебном заседании и вне судебного заседания (в совещательной комнате) – суд реализует функцию разрешения уголовного дела по существу. Итогом такой его деятельности выступает постановление приговора, презюмируемого как правосудный.

Среди всех возможных форм разрешения уголовного дела именно приговор является самой оптимальной. В нем наиболее полно отражены обстоятельства совершенного преступления, а доказательства, их подтверждающие, представлены в концентрированном виде; в приговоре подытоживается вся досудебная процессуальная деятельность, а также находит завершение процесс отправления правосудия и применения материального права [4, с. 103].

Проблемы, связанные с сущностью и основными характеристиками правосудного приговора, многократно исследовались в науке уголовного процесса [5–7].

По нашему мнению, существо приговора как исключительного акта правосудия выражается в следующих его признаках:

▪ приговор представляет собой акт реализации уголовно-процессуальной функции разрешения уголовного дела, «видимый» результат отправления правосудия. Ученые неоднократно обращали внимание на то, что приговор является результатом всей предшествующей его вынесению процессуальной деятельности, как досудебной, так и судебной, что все предшествующие приговору действия органов рас-

следования, прокурора и суда направлены в конечном счете на обеспечение условий, необходимых для вынесения правосудного приговора [8];

- приговор постановляется и провозглашается по итогам судебного разбирательства. Качество вынесенного судом итогового процессуального решения не только зависит от его внутренних и внешних свойств, но и напрямую связано с процедурой принятия и вынесения этого решения. Не вызывает сомнений тот факт, что решение суда не может быть правосудным, если была нарушена процессуальная форма осуществления правосудия. УПК РФ, регулируя производство в судебных стадиях процесса, предусматривает определенные и четкие правила о едином и обязательном для всех порядке судопроизводства, об осуществлении правосудия только судом, о независимости судей, о подсудности уголовных дел, о проверке и оценке доказательств и ряд других. Все они в разной степени и с разных сторон обеспечивают стабильное движение уголовного дела по заранее определенному законом направлению и создают такие правовые условия, которые позволяют судьям рассматривать и разрешать уголовные дела по своему внутреннему убеждению, опираясь только на проверенные в суде доказательства, избегая каких-либо внешних воздействий;
- правосудность приговора может быть опровергнута только вышестоящими судебными органами.

Из указанных признаков, как следствие, вытекает и презумпция правосудности приговора.

В качестве факторов, определяющих презупцию правосудности приговора, можно выделить следующие:

а) по своей процессуальной форме приговор соответствует требованиям уголовно-процессуального закона;

б) по своему содержанию выводы суда в приговоре основываются на исследованных в процессе судебного следствия относимых, допустимых, достоверных доказательствах, совокупность которых достаточна для истинных выводов об установлении юридически значимых обстоятельств (ст. 73 УПК РФ), и на правильном применении уголовного закона;

в) приговор постановлен в результате законной деятельности суда в судебном разбирательстве в суде первой инстанции и всей предшествующей ему деятельности с момента начала досудебного производства и до его окончания, а также деятельности судьи в стадии подготовки и назначения судебного заседания;

г) в приговоре все выводы, включая те, которые влияют на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного или оправданного, на правильность применения уголовного закона и на определение меры наказания, мотивированны и указано, по каким основаниям при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов

суда, суд принял одни из этих доказательств и отверг другие;

д) приговор соответствует высоким нравственным принципам и является справедливым.

Таким образом, суд в рамках последовательно реализуемого двухэтапного порядка – в судебном заседании, создавая сторонам необходимые условия для исполнения ими процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, и вне судебного заседания (в совещательной комнате) – реализует функцию разрешения уголовного дела или отправления правосудия по уголовным делам. Результатом его деятельности по осуществлению правосудия является правосудный приговор.

Содержание презумпции правосудности приговора включает диалектическое единство неотъемлемых свойств, присущих каждому приговору и определяющих его правосудность, а также обязанность суда применить все законные средства и способы для того, чтобы приговор был правосудным.

Библиографический список

1. *Искендеров Р.Г.О.* Правовое и социальное значение правосудного приговора: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Харьков, 1990. 50 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27 октября 2025 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2025. № 44, ст. 6497.

3. *Маликов М.Ф.* Эффективность приговора в советском уголовном процессе: вопросы теории и практики / под ред. М.С. Брайнина. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 182 с.

4. *Агеева Г.Н.* Законность и обоснованность приговора. Его правовые гарантии // Актуальные вопросы развития и совершенствования законодательства о судоустройстве и прокурорском надзоре: сб. науч. тр. М.: Изд-во Всесоюз. юрид. заоч. ин-та, 1981. С. 101–118.

5. *Ворожцов С.А.* Приговор в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2003. 109 с.

6. *Джура В.В.* Правовые акты органов судебной власти. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та путей сообщения, 2013. 128 с.

7. *Чайковская М.А.* Свойства приговора. М.: Проспект, 2013. 174 с.

8. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. 1276 с.

Г.А. Габоян,
преподаватель кафедры земельного
и экологического права
Саратовской государственной
юридической академии

ЭКОЛОГИЧЕСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗОНИРОВАНИЯ

Вопросы охраны окружающей среды в целом и отдельных природных ресурсов при осуществлении градостроительной деятельности достаточно часто становятся предметом исследования в эколого-правовой науке [1–4], однако особенности реализации экологических требований при формировании комфортной городской среды, проведении территориального планирования и градостроительного зонирования не вызывают такого интереса.

В ст. 35 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закреплено положение о том, что территориальное планирование, градостроительное зонирование и планировка территории осуществляются в соответствии с требованиями в области охраны окружающей среды, в том числе в соответствии с требованиями к сохранению и восстановлению природной среды, рациональному использованию природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности, предотвращению негативного воздействия на окружающую среду с учетом ближайших и отдаленных экологических последствий эксплуатации планируемых к строительству объектов капитального строительства и соблюдением приоритета сохранения благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия.

В соответствии с п. 4.2 Свода правил «СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89» городские поселения следует проектировать исходя из природно-ресурсного потенциала территории, совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов в целях обеспечения учета интересов граждан РФ

и их объединений, субъектов РФ, муниципальных образований. Как следует из п. 4.6 указанного Свода правил, территорию для развития городов необходимо выбирать с учетом возможности ее рационального функционального использования на основе сравнения вариантов архитектурно-планировочных решений, технико-экономических, санитарно-гигиенических показателей, топливно-энергетических, водных, территориальных ресурсов, состояния окружающей природной среды с учетом прогноза изменения на перспективу природных и других условий.

Как верно отметил Е.Н. Перцик, «ошибки и просчеты при проектировании городов нередко необратимы, неправильная оценка расчетной численности населения городов приводит к осложнениям в их застройке. Предприятия, сооружения, санитарно-защитные зоны, размещенные без учета перспективного развития городов, деформируют их дальнейшее развитие. Они начинают развиваться в заведомо неоптимальных направлениях» [5, с. 43].

Правовое регулирование в сфере градостроительства и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения развивается более быстрыми темпами, нежели законодательство об охране окружающей среды в городах. В законодательстве за предыдущие годы появились новые правовые инструменты, которые направлены в том числе на охрану окружающей среды в городах (например, территориальное планирование и градостроительное зонирование). Они должны способствовать сбалансированному (в части экологических, социальных и экономических интересов) развитию городов, т.е. служить правовыми инструментами решения экологических проблем городов и обеспечения благоприятного состояния окружающей среды в них.

Качество документов территориального планирования и зонирования является фундаментом для создания комфортной городской среды. Ключевое значение имеет принцип функционального разнообразия в масштабе микрорайона. Он может быть реализован либо путем формирования смешанной застройки в рамках единой зоны, где вид разрешенного использования позволяет возводить жилье, объекты социального обслуживания, торговли и рекреации, либо путем точного зонирования, когда в границах микрорайона в непосредственной близости размещаются разные территориальные зоны (жилые, общественно-деловые и рекреационные).

Планирование создает правовую и пространственную основу для рационального размещения всей необходимой инфраструктуры и общественных пространств в шаговой доступности. Качественное зонирование напрямую определяет возможность удовлетворения повседневных потребностей жителей, что является сутью комфортной среды.

Этап архитектурно-строительного проектирования выступает ключевым звеном, связывающим градостроительный план с реальным объектом и комфортной средой. В процессе проектирования закладывается весь комплекс свойств будущего объекта, который впоследствии определяет его нормативную легитимность (соответствие обязательным требованиям), функциональную эффективность (рациональность планировок и потоков), техническую готовность (оснащение инженерными сетями и оборудованием), человекоориентированное качество (комфорт, безопасность, эстетика и уникальность внутренних и внешних пространств).

Важно отметить, что ученые, анализируя действующее градостроительное законодательство, все чаще приходят к выводу об отсутствии реальных правовых средств учета экологических факторов [6, с. 73].

Так, О.А. Романова, Э.В. Сазонов и В.В. Смольянинов в своих исследованиях обращают внимание на ряд проблем в области охраны окружающей среды и защиты экологических прав граждан в городах при осуществлении градостроительной деятельности, например на «фактическое отсутствие средств учета экологических факторов при наличии декларативных требований» [7, с. 36]. Кроме того, «в самом ГрК РФ и на подзаконном уровне юридически не закреплены требования к наличию и содержанию экологического раздела в документах территориального планирования, не установлена методика и технология учета экологических факторов при разработке документов территориального планирования». При этом «отсутствие законодательно закрепленных механизмов реализации экологических требований к территориальному планированию приводит к декларативности и поверхностному отображению в документах территориального планирования» [8, с. 190], что, соответственно, не служит целям формирования комфортной городской среды.

Стоит отметить, что приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 1 ноября 2017 г. № 1497/пр приравнивает мероприятия по формированию комфортной городской среды к благоустройству. Вместе с тем, в отличие от комфортной городской среды, понятие «благоустройство» в российском законодательстве имеет легальное определение. Так, в соответствии со ст. 1 ГрК РФ благоустройство – это «деятельность по реализации комплекса мероприятий, установленного правилами благоустройства территории муниципального образования, направленная на обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, по поддержанию и улучшению санитарного и эстетического состояния территории муниципального образования, по содержанию территорий населенных пунктов и располо-

женных на таких территориях объектов, в том числе территорий общего пользования, земельных участков, зданий, строений, сооружений, прилегающих территорий». Исходя из указанного определения благоустройство территорий является частью деятельности по формированию комфортных условий проживания. В результате благоустройства не только повышается комфортность городской среды в узком смысле слова, но и развиваются многочисленные явления трансформации городской среды, преимущественно позитивные. Так, по данным исследований Правительства Москвы, в результате благоустройства улиц столицы по программе «Моя улица» произошли коренные изменения в структуре арендаторов коммерческой недвижимости, выросли пешеходные потоки на благоустроенных улицах, снизилось количество дорожно-транспортных происшествий, увеличилась доступность улиц для маломобильной группы населения, кроме того, произошло некоторое подорожание недвижимости на благоустроенных улицах, что позитивно сказывается на благосостоянии собственников объектов недвижимого имущества [9, с. 80].

Стадия подготовки и утверждения генерального плана имеет самостоятельное значение для экологических параметров комплексного развития территорий (далее – КРТ), поскольку именно в этот период формируется доказательная база допустимости планируемых решений с точки зрения режимов использования территории, санитарных и природоохранных ограничений, рисков природных и техногенных воздействий. Градостроительный кодекс РФ предусматривает порядок подготовки и утверждения генерального плана, включая согласительные процедуры и публичные процедуры обсуждения, что влечет необходимость корректного включения в материалы обоснования и графические материалы сведений об экологически значимых условиях территории (в том числе территории с ограничениями использования и территории, требующие специальных режимов).

На уровне федерального регулирования закреплен механизм, обеспечивающий юридическую связку генерального плана с иными решениями градостроительной деятельности: функциональные зоны и планируемое размещение объектов получают дальнейшую детализацию и обязательность через документы более низкого уровня, а реализация территориального планирования обеспечивается через систему документации по планировке территории и иные градостроительные решения. Соответственно, экологические параметры, которые изначально должны быть выявлены в рамках генерального плана (например, наличие природных территорий, водных объектов, зон санитарной охраны, зон затопления и подтопления, санитарно-защитных зон, территорий с особыми

условиями использования, территорий, подлежащих защите от опасных процессов), далее должны быть корректно перенесены в документацию по планировке территории и проектную документацию.

Применительно к КРТ данная связь приобретает прямое юридическое выражение, проявляющееся в том, что при принятии решений о комплексном развитии территории и последующей подготовке документации по планировке территории требуется соблюдение ранее закрепленных в документах территориального планирования параметров, а при их несоответствии необходимо внесение изменений в генеральный план в установленном порядке. Градостроительный кодекс РФ прямо предусматривает ситуацию, когда изменение генерального плана обусловлено необходимостью реализации решения о комплексном развитии территории, что подтверждает нормативную зависимость КРТ от генерального плана и, следовательно, зависимость экологических параметров КРТ от того, насколько полно и корректно они отражены в генеральном плане и материалах к нему.

Отдельного внимания требует нормативно закрепленная «техническая» сторона вопроса, которая в правовой плоскости означает стандартизированную фиксацию экологически значимых сведений в составе графических материалов генерального плана. Федеральные требования к подготовке сведений, включаемых в ФГИС территориального планирования, предусматривают, что, в частности, карта функциональных зон и материалы генерального плана должны содержать сведения, позволяющие идентифицировать планировочные решения и сопоставить их с правовыми режимами территории. Это важно, потому что экологические параметры в градостроительном регулировании существуют не в виде абстрактных деклараций, а в виде определенных территориальных ограничений и условий, подлежащих проверке и воспроизводимых в последующих документах.

Документы по планировке территории переводят содержание генерального плана в параметры размещения объектов и юридически значимые границы. Проект планировки территории определяет планировочную организацию территории, размещение объектов, элементы улично-дорожной сети, параметры инженерной инфраструктуры и иные решения, которые прямо влияют на качество окружающей среды и допустимость нагрузки на территорию. Проект межевания территории, в свою очередь, обеспечивает формирование земельных участков и границ, что в экологическом измерении означает обязанность учета ограничений использования земель и невозможность «игнорирования» зон с особыми условиями использования территорий при юридическом оформлении земельных участков под реализацию КРТ. Гене-

ральный план задает пространственно-правовые ориентиры, документация по планировке территории обеспечивает их обязательную детализацию, а проектная документация и экспертизы – контроль соответствия обязательным требованиям, включая природоохранные и санитарные.

Указанная логика прослеживается в сравнении крупных муниципальных образований и региональных подходов на примере Москвы, Московской области, Саратова и Казани, хотя содержание экологической составляющей и степень ее детализации зависят от особенностей территории, уровня урбанизации, природных условий и административной практики.

На основании изложенного можно сделать вывод, что генеральные планы (и связанная с ними градостроительная документация) являются основным способом юридического закрепления экологических параметров КРТ, поскольку именно через территориальное планирование определяется допустимость пространственных решений, режимы использования природных территорий, параметры развития инженерной защиты и инфраструктуры, а также условия обеспечения нормативных характеристик среды проживания. На уровне правоприменения это означает, что корректность экологических параметров КРТ должна подтверждаться документально по цепочке градостроительных документов: генеральный план (функциональные зоны и пространственные ограничения) → проект планировки территории (параметры размещения объектов и инфраструктуры) → проект межевания территории (юридически значимые границы участков с учетом ограничений) → проектная документация и экспертизы (проверка обязательных требований). Невыполнение этой логики приводит к тому, что экологические ограничения выявляются поздно, уже после принятия управленческих решений о КРТ и формирования инвестиционных обязательств, что порождает правовые риски оспаривания решений, корректировки документации и срыва сроков реализации.

Градостроительное и экологическое законодательство определяет обязательные стадии, через которые неизбежно проходят все экологически значимые действия и функции: государственная экспертиза проектной документации и результатов инженерных изысканий (как инструмент проверки соответствия проектных решений обязательным требованиям), а также выдача разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, когда подтверждается соответствие построенного (реконструированного) объекта не только проектной документации и разрешению на строительство, но и ограничениям, установленным земельным и иным законодательством РФ. Последний аргумент имеет прямое значение для экологических параметров КРТ, а именно если обязательные режимы (например,

ограничения использования территории, включая режимы зон с особыми условиями использования) не учтены и не соблюдены, то правовая модель завершения строительства (ввод) становится юридически уязвимой в силу прямого указания законодателя.

Приказом Минэкономразвития России от 6 мая 2024 г. № 273 утверждены документы методического характера, применимые к сфере территориального развития и подготовке управленческих решений. Важно обратить внимание на то, что методические материалы федерального уровня, даже не являясь нормативным правовым актом, фактически формируют административный стандарт подготовки решений и документации, согласно которому органы власти и хозяйствующие субъекты выстраивают доказательственную базу обоснованности проектов. В дальнейшем это прямо влияет на судебную оценку добросовестности и обоснованности действий публичной власти, поскольку суд сопоставляет фактическую процедуру с тем, как «должно быть» организовано принятие решений при разумном исполнении соответствующих полномочий.

Нормативные документы стратегического уровня в процессе правоприменения выполняют функцию обоснования публичного интереса и определения приоритетов государственной политики, которые учитываются при толковании целей и содержания градостроительных решений. К таким документам относятся, в частности, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации [10] и Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [11]. Хотя указанные акты не подменяют собой обязательные требования, они легитимируют приоритет охраны окружающей среды как публичной цели и усиливают аргументацию о недопустимости градостроительных решений, которые формально соответствуют отдельным процедурным элементам, но ведут к устойчивому воспроизводству экологически неблагоприятных условий либо игнорируют установленные законом ограничения.

Наконец, правоприменение в части соблюдения экологических параметров КРТ опирается на программно-целевое регулирование, в рамках которого государство устанавливает задачи, показатели и инструменты финансирования природоохранных мероприятий и инфраструктурных решений. Постановления Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 322 [12] и № 326 [13] закрепляют статус государственных программ, формирующих управленческие приоритеты и систему показателей, через которые публичная власть обязана планировать и контролировать результаты хозяйственной деятельности, оказывающей влияние на состояние отдельных природных ресурсов и окружающей среды в целом.

Для КРТ это означает, что экологические параметры (в частности, параметры коммунальной и природоохранной инфраструктуры) оказываются включенными не только в градостроительную документацию, но и в систему государственного контроля (надзора), что расширяет круг административных оснований для проверок и требований об устранении нарушений.

Практический механизм обеспечения экологических параметров КРТ формируется из следующих элементов: 1) обязательная проверка проектных решений в рамках экспертизы и разрешительных процедур, предусмотренных градостроительным законодательством; 2) административный надзор за соблюдением обязательных требований и режимов ограничений использования территории; 3) судебная проверка законности решений и документации, которая строится на доказывании нарушения конкретных обязательных требований и существенности допущенных дефектов, что подтверждается анализируемыми кассационными актами судов общей юрисдикции; 4) формирование административных стандартов и единообразия применения норм через разъяснения и методические документы федеральных органов исполнительной власти; 5) использование стратегических и программных актов в качестве основания публичного интереса и управленческой цели экологической направленности территориального развития.

В совокупности перечисленные элементы обеспечивают юридическую прозрачность экологически значимых параметров КРТ.

Библиографический список

1. *Иванова Е.Н.* Реализация экологических прав граждан в документах территориального планирования // Судья. 2017. № 9. С. 43–45.

2. *Лисина Н.Л.* Значение территориального планирования и градостроительного зонирования в решении эколого-правовых проблем городов // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2018. № 3. С. 412–419.

3. *Романова О.А.* Проблемы защиты земельных и экологических прав граждан и юридических лиц в сфере градостроительной деятельности // Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее (Кутафинские чтения): сб. докл. VII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 кн. М.: ИЦ Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. Кн. 2. С. 405–408.

4. *Харьков В.Н.* Особенности обеспечения экологических прав граждан в сфере градостроительной деятельности // Правовые вопросы недвижимости. 2017. № 2. С. 36–39.

5. *Перцик Е.Н.* Город в Сибири: проблемы, опыт, поиск решений. М.: Мысль, 1980. 286 с.

6. *Петров Д.Е., Сорокина Ю.В.* Правовая охрана природных ресурсов при осуществлении градостроительной деятельности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 70–76.

7. *Романова О.А.* О правовых механизмах обеспечения экологических прав при осуществлении градостроительной деятельности: теоретические и практические аспекты // Lex russica. 2020. № 3 (160). С. 33–44.

8. *Сазонов Э.В., Смольянинов В.В.* Зарубежный опыт реализации экологических задач в документах территориального планирования // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Строительство и архитектура. 2010. № 1 (17). С. 183–191.

9. *Фурсов А.А.* Правовые основы привлечения граждан к процессам благоустройства (на примере городских округов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2. С. 67–84.

10. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2546.

11. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 322 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Воспроизводство и использование природных ресурсов”» (в ред. от 23 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2014. № 18, ч. 3, ст. 2168; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8585.

13. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Охрана окружающей среды”» (в ред. от 30 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2014. № 18, ч. 3, ст. 2171; 2025. № 52, ч. 2, ст. 8620.

М.А. Галкин,
аспирант кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии

ПРАВО НА ЗАЩИТУ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ

В сфере уголовного судопроизводства возможность получения квалифицированной юридической помощи адвоката имеет важнейшее значение для всех его участников в силу того, что органы предварительного расследования нередко прибегают к серьезному ограничению прав и свобод лиц, вовлеченных в данную сферу государственной деятельности, вынужденно применяют жесткие меры процессуального принуждения. Такого рода действия могут осуществляться органами предварительного расследования уже на стадии возбуждения уголовного дела, где во многом формируется основа будущего обвинения.

Действующий УПК РФ (ч. 1.1 ст. 144) устанавливает, что «любое лицо, участвующее в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении вправе воспользоваться помощью адвоката». Таким лицом может быть как потенциальный подозреваемый, так и будущий потерпевший или свидетель. Поэтому, как отмечает К.А. Нечушкина, в связи «с отсутствием нормативной регламентации принадлежности права на получение квалифицированной юридической помощи какому-либо конкретному участнику проверки сообщения о преступлении, возможность реализации данного права должна быть обеспечена следователем (дознавателем) любому участнику стадии возбуждения уголовного дела, чьи права и интересы затрагиваются производимыми процессуальными действиями» [1, с. 94]. Однако особое значение право на получение квалифицированной юридической помощи имеет для лиц, в отношении которых осуществляются процессуальные действия, связанные с проверкой их причастности к преступлению, т.е., по сути, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. В свя-

зи с этим для таких лиц должно быть обеспечено не просто право на получение квалифицированной юридической помощи, а право на защиту. Вопрос о том, с какого момента можно вести речь о начале уголовного преследования, имеет определяющее значение для обеспечения права на защиту соответствующим участникам уголовного судопроизводства.

В теории советского уголовного процесса долгое время существовало мнение о том, что уголовное преследование начинается только после возбуждения уголовного дела [2, с. 58–59; 3, с. 7–8]. Ряд современных ученых полагает, что «деятельность властных субъектов уголовного процесса принимает изобличительный характер только с момента появления в уголовном деле подозреваемого или обвиняемого» [4, с. 17, 19]. Следует признать, что основания для такой точки зрения дает дефиниция уголовного преследования, представленная в п. 55 ст. 5 УПК РФ: уголовное преследование – это «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления».

Однако многие ученые-процессуалисты отмечают, что уголовное преследование начинается значительно раньше – с момента обнаружения признаков преступления, поскольку в каждом случае их обнаружения органы расследования «обязаны принять предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления и изобличению лиц, виновных в его совершении» (ст. 21 УПК РФ). Исходя из теоретико-правовых позиций Конституционного Суда РФ, сформулированных более четверти века назад [5, 6], сторонники такой точки зрения указывают на то, что «уголовное преследование лица, предположительно причастного к совершению преступления, может начинаться с момента получения сообщения о преступлении, то есть до возбуждения уголовного дела» [7, с. 27].

Данное мнение после внесения в 2013 г. изменений и дополнений в ст. 144 УПК РФ [8] стало разделяться многими учеными-процессуалистами [9, с. 47–48; 10]. Согласно положениям ч. 1, 1.1, 1.2 ст. 144 УПК РФ, следователь (дознаватель) на стадии возбуждения уголовного дела, проводя процессуальные действия, направленные на проверку оснований для возбуждения уголовного дела (осмотры, освидетельствование, изъятие документов и предметов, назначение и производство судебной экспертизы, производство документальных проверок, ревизий, исследований предметов, трупов и т.д.), может собирать доказательства, изобличающие лицо в совершении преступления, и при этом обязан разъяснять участникам проверочных мероприятий положения о свидетельском иммунитете, что, согласно теоретико-правовой позиции Конституционного Суда РФ, также относится к числу

мер, предпринимаемых в целях изобличения лица в совершении преступления [11].

Таким образом, исходя из состязательного построения российского уголовного судопроизводства, осуществление функции уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела с неизбежностью должно порождать возникновение и противоположной функции – функции защиты от обвинения, основной составляющей которой выступает право на защиту для лиц, подвергаемых уголовному преследованию. В свою очередь, право на защиту включает в себя право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката-защитника, которое, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 49 УПК РФ, может быть реализовано «с момента осуществления следователем (дознавателем) процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении».

Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ говорит о возможности получения квалифицированной юридической помощи адвоката любыми участниками проверочных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела, если такие действия затрагивают их интересы. Часть 3 ст. 49 УПК РФ конкретизирует это право применительно к лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, говоря о том, что оно может получить помощь не просто адвоката, а защитника. В процессуальной литературе многократно указывалось на коллизии ч. 3 ст. 49 УПК РФ. Н.П. Ведищев отмечал, что «при осуществлении проверки сообщения о преступлении уголовного дела, как такового, еще нет» [12, с. 15]; К.А. Нечушкина писала о том, что, согласно доктринальным положениям, статус участников процесса (в том числе защитника) лица получают только на стадии предварительного расследования [1, с. 95]. Однако, несмотря на эти терминологические дефекты, указание на участие именно защитника в стадии возбуждения дела, по нашему мнению, связано с тем, что, регламентируя порядок проверки сообщения о преступлении, УПК РФ допускает возможность осуществления уголовного преследования еще до принятия решения о возбуждении дела. Это неоднократно подтверждено и Конституционным Судом РФ, указывавшим на то, что право пользоваться помощью адвоката-защитника «возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным. Данное право гарантируется любому лицу, в отношении которого осуществляется деятельность, направленная на выявление фактов и обстоятельств, уличающих его в подготовке или совершении преступления… Такому лицу должна предоставляться возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката-защитника» [13].

Дополнение ст. 144 и 49 УПК РФ указанием на возможность участия адвоката-защитника в уголовном процессе до принятия решения о возбуждении дела многими учеными рассматривается в качестве гарантии права на защиту для лиц, еще не получивших процессуального статуса подозреваемых, но в отношении которых органом расследования проводятся проверочные действия с целью получения доказательств, устанавливающих их причастность к совершению преступления. Участие адвоката-защитника при проведении предварительной проверки оснований для возбуждения уголовного дела «является объективно необходимой мерой, поскольку при ином подходе практически неизбежным следствием являются злоупотребления со стороны должностных лиц органов следствия либо дознания» [14, с. 181].

Проблема заключается в том, что уголовно-процессуальный закон (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), предусматривая участие адвоката в стадии возбуждения уголовного дела, не только не конкретизирует, кому из участников проверки сообщения о преступлении он может оказывать юридическую помощь, но и не регламентирует его права. Такая неопределенность закона порождает существенные проблемы, связанные с нечеткостью процессуального положения адвоката на стадии возбуждения уголовного дела и вызывающие закономерный вопрос о том, могут ли его права быть такими же, как права адвоката-защитника на стадии предварительного расследования.

Мнения ученых-процессуалистов по этому поводу существенно разнятся. Я.П. Ряполова считает, что процессуальное положение адвоката, представляющего интересы участника проверки сообщения о преступлении и оказывающего ему квалифицированную юридическую помощь, не могут быть полностью идентичны по объему правам и обязанностям защитника [15]. Как отмечает М.В. Лапатников, право иметь защитника и право получить помощь адвоката имеют различную «процессуально-правовую начинку и влекут разные последствия» [16, с. 73]. По мнению О.М. Васильевой [17, с. 47], А.Ф. Олченова [18, с. 80], адвокат в данной стадии процесса не может иметь права собирать доказательства и трактовать их в пользу своего доверителя, и в целом, исходя из существующей законодательной регламентации, он выступает не как защитник, а лишь как представитель лица, вовлеченного в проверку сообщения о преступлении [14, с. 182].

Другие авторы полагают, что применительно к ст. 144 УПК РФ понятие «адвокат» тождественно понятию «защитник» [19, с. 63], и, ссылаясь на п. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, настаивают на том, что адвокат вправе принимать участие в сборе сведений, значимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела, что он в целом должен быть наделен всеми правами защитни-

ка, участвующего в уголовном судопроизводстве [20, с. 334; 21, с. 268].

Такое несовершенство законодательной техники действующего УПК РФ, указывающего в одних случаях на участие в проверочных действиях адвоката (ч. 1.1 ст. 144), а в других – защитника (п. 6 ч. 3 ст. 49), как считают практикующие адвокаты, «препятствуют осуществлению права на защиту лицом, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, а фактически, устанавливается его причастность к совершению преступления» [20, с. 334; 21, с. 268].

По нашему мнению, если ориентироваться на положения п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ и исходить из того, что при проверке сообщения о преступлении участвует защитник, то, с учетом того, что право на защиту адресовано лицам, подвергаемым уголовному преследованию, помощью адвоката-защитника может воспользоваться только лицо, в отношении которого осуществляются такие мероприятия. Указанное лицо имеет право не только на помощь адвоката-защитника, но ему должно быть обеспечено и право на получение бесплатной юридической помощи. Однако в соответствии со ст. 50 УПК РФ участие защитника обеспечивается следователем (дознавателем) только по просьбе подозреваемого и обвиняемого. О лице, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, данная статья УПК РФ ничего не говорит, и некоторые авторы полагают, что «п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ подразумевает возможность лица пользоваться помощью защитника только по соглашению» [22, с. 60]. Нет ясности и в вопросе о том, распространяются ли случаи обязательного участия адвоката-защитника на стадию возбуждения уголовного дела.

Отмеченные законодательные проблемы с неизбежностью порождают проблемы в правоприменительной практике. Большинство авторов, занимающихся вопросами обеспечения права на защиту в российском уголовном процессе, отмечают, что лица, имеющие данное право, плохо осведомлены как о нем самом, так и о том, как это право может быть реализовано. Особенно остро эта проблема стоит применительно к стадии возбуждения уголовного дела, где лицо, предположительно причастное к совершению преступления, нередко вообще не информируется следователем (дознавателем) о своих правах [23, с. 81]. По опубликованным данным, около 40 % таких лиц ничего не знали о своем праве на помощь адвоката и тем более о праве на защиту [24].

Таким образом, для обеспечения лицу, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, возможности реализовать право на защиту необходимо:

- обеспечить единство положений уголовно-процессуального закона относительно начала уголовного преследования и появления права на защиту для лица, в отношении которого изоб-

личительная деятельность осуществляется на стадии возбуждения уголовного дела;

▪ устранить законодательную неопределенность процессуального положения адвоката, участвующего в проверке сообщения о преступлении. Мы в полной мере разделяем мнение о том, что если адвокат оказывает квалифицированную юридическую помощь лицу, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении и которое после возбуждения уголовного дела с большой долей вероятности приобретет статус подозреваемого, он должен быть наделен правами защитника, включая право собирать сведения, подтверждающие наличие или отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела [25, с. 53];

▪ распространить процессуальные гарантии права на защиту на лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. В связи с тем, что «процессуальные гарантии прав лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела, реализуются в комплексе обязанностей, возложенных на следователя (дознавателя)» [23, с. 85], на последних должна быть возложена обязанность при необходимости обеспечить участие адвоката-защитника за счет средств федерального бюджета. Кроме того, на стадию возбуждения уголовного дела должны распространяться случаи обязательного участия защитника (ст. 51 УПК РФ);

▪ детализировать обязанность следователя (дознавателя), производящего проверку сообщения о преступлении, по обеспечению права на защиту лица, в отношении которого проводится такая проверка. Считаем целесообразным дополнить ст. 16 УПК РФ, посвященную обеспечению подозреваемому и обвиняемому права на защиту, положением о том, что данное право также обеспечивается лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, а на следователя (дознавателя) возлагается обязанность разъяснять такому лицу его право защищаться самостоятельно или с помощью адвоката-защитника.

Библиографический список

1. *Нечушкина К.А.* Проблемы оказания адвокатом юридической помощи участникам проверки сообщения о преступлении // Юрист-Правоведъ. 2018. № 2. С. 93–98.

2. *Жогин И.В., Фаткуллин Ф.Н.* Возбуждение уголовного дела. М.: Госюриздат, 1961. 206 с.

3. *Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З.* Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск: Детектив-информ, 1997. 114 с.

4. *Михайлов А.А.* Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2011. 266 с.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СЗ РФ. 1996. № 50, ст. 5679.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 2.

7. *Корнуков В.М., Лазарев В.А., Холоденко В.Д.* Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2002. 153 с.

8. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 52, ч. 1, ст. 6997.

9. *Калинкин А.В.* Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 240 с.

10. *Манова Н.С.* О сущности и начальном моменте осуществления уголовного преследования в российском уголовном процессе // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Сарат. гос. юрид. акад. (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29–30 сентября 2016 г.). Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2016. С. 530–531.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 5.

12. *Ведищев Н.П.* Новый закон – новые проблемы у адвокатов //Адвокат. 2013. № 9. С. 13–16.

13. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июля 2017 г. № 1419-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”, а также пунктом 15 статьи 5, частью третьей статьи 46 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

14. *Надысева Э.Х.* Адвокат и его процессуальный статус при оказании юридической помощи участникам доследственной проверки: вопросы теории и практики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 180–183.

15. *Ряполова Я.П.* Участие адвоката в стадии возбуждения уголовного дела в свете новых изменений уголовно-процессуального закона // Российская юстиция. 2013. № 2. С. 13–19.

16. *Лапатников М.В.* Как реализовать право на защиту на этапе проверки сообщения о преступлении // Уголовный процесс. 2018. № 1. С. 73–81.

17. *Васильева О.М.* К вопросу об участии адвоката-защитника на стадии возбуждения уголовного дела // Адвокат. 2011. № 5. С. 41–47.

18. *Олченов А.Ф.* О несовершенстве уголовно-процессуальных норм, регулирующих адвокатскую деятельность на этапе проверки сообщения о преступлении // Уголовное судопроизводство: правовое, криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение / под ред. С.И. Давыдова. Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2019. С. 74–86.

19. *Ершова И.М.* Участие адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании на стадии возбуждения уголовного дела // Научный журнал. 2020. № 1 (46). С. 63–66.

20. *Кудник Е.А.* Роль адвоката на стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 331–337.

21. *Крысина Н.Ф.* Квалифицированная юридическая помощь адвоката при проверке сообщения о преступлении // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 267–269.

22. *Сафонова А.А.* Некоторые проблемы вступления защитника в уголовное дело // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 59–63.

23. *Абраменко А.А.* Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела (по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины): дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 233 с.

24. *Ашлапова А.С.* Проблемы обеспечения законности при предоставлении права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. 2024. № 46 (545). С. 75–77.

25. *Бобрешова К.В.* Участие оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в доказывании на стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2025. 232 с.

А.С. Зубков,
соискатель кафедры административного
и муниципального права
имени профессора
Василия Михайловича Манохина
Саратовской государственной
юридической академии

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ДИСКВАЛИФИКАЦИЯ КАК АДМИНИСТРАТИВНЫЕ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА

Общественная вредность административных правонарушений в области строительства состоит в том, что они приводят к несоблюдению сроков возведения зданий, строений, сооружений, влекут экономические потери, подрывают доверие граждан к рынку жилья, а также могут причинить вред здоровью людей и окружающей среде. В связи с этим необходима надлежащая регламентация административных наказаний, применяемых за их совершение.

В числе таких наказаний закреплено предупреждение. Например, предупреждение может быть применено за несоблюдение экологических требований при осуществлении градостроительной деятельности и эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов (ст. 8.1 КоАП РФ), нарушение обязательных требований в области строительства и применения строительных материалов (изделий) (ст. 9.4 КоАП РФ). Данные статьи устанавливают ответственность в виде предупреждения лишь для граждан. Однако ст. 4.1.1 КоАП РФ предусматривает обязательность назначения предупреждения иным лицам, если правонарушение было выявлено в ходе государственного контроля (надзора) и муниципального контроля. При этом не имеет значения, что санкция соответствующей статьи не содержит наказания в виде предупреждения.

Предупреждение как административное наказание выражается в официальном письменном порицании лица, совершившего правонарушение. Оно выступает наиболее мягкой мерой из всех закрепленных в КоАП РФ.

Отдельные авторы выражают сомнения в эффективности предупреждения как вида административного наказания. Т.В. Голованова и Е.В. Кравченко указывают, что «предупреждение воспринимается лицом, совершившим правонарушение, не в качестве меры юридической ответственности, а скорее в качестве своеобразного “прощения” со стороны органа государственной власти и уведомления, что в следующий раз наказание обязательно наступит» [1, с. 230]. Таким образом, необходимо серьезное научное осмысление данной меры ответственности.

Практика свидетельствует о весьма активном обращении привлекаемых к ответственности за нарушение законодательства в области строительства лиц к положениям статьи КоАП РФ, предусматривающей возможность замены административного штрафа на предупреждение. Однако суды нередко отказывают в удовлетворении соответствующего ходатайства ввиду отсутствия оснований для назначения предупреждения [2].

В то же время имеются и противоположные позиции. Например, возбуждено дело по ч. 1 ст. 9.5 КоАП РФ. На период строительства застройщик разрешение на строительство объекта не имел. При этом суд пришел к выводу, что совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 9.5 КоАП РФ, не перечислено в числе случаев, не допускающих замену штрафа предупреждением. По причине совершения правонарушения впервые, а также отсутствия причинения вреда был сделан вывод о необходимости применения ст. 4.1.1 КоАП РФ [3].

Данное суждение вызывает сомнения, поскольку самовольное строительство следует рассматривать как существенное нарушение норм градостроительного законодательства. Именно поэтому законодательство устанавливает повышенный размер административного штрафа для юридических лиц за соответствующее деяние – не менее пятисот тысяч рублей. Получение разрешения на строительство в ряде случае выступает его обязательным этапом. Оно подтверждает соответствие проектной документации установленным требованиям. Отсутствие разрешения влечет признание построенного объекта незаконным, что может послужить причиной для требования о его сносе, а также влечет ряд иных негативных последствий юридического характера, которые выражаются в невозможности регистрации права собственности, распоряжения построенным объектом, подключения коммуникаций. Поэтому предупреждение выступает излишне мягкой мерой, не способствующей превенции правонарушений.

Для исключения неоднозначного подхода на практике следует внести изменения в ч. 2 ст. 4.1.1 КоАП РФ, устанавливающую перечень статей,

в рамках производства по которым не применяется замена административного штрафа на предупреждение, а именно закрепить в данном перечне ч. 1 ст. 9.5 КоАП РФ (строительство, реконструкция объектов капитального строительства без разрешения на строительство в случае, если для осуществления строительства, реконструкции объектов капитального строительства предусмотрено получение разрешений на строительство).

Анализ статей КоАП РФ, закрепляющих ответственность за правонарушения в области строительства, позволяет сделать вывод о том, что административное наказание в виде дисквалификации устанавливается редко. Оно предусмотрено ч. 2 ст. 13.19.3, ч. 2 ст. 14.9.1 и ч. 2 ст. 14.63 КоАП РФ. Наиболее распространенным подходом является назначение дисквалификации за повторное совершение правонарушения должностному лицу, виновному в его совершении.

Превентивный потенциал дисквалификации весьма высок, поскольку она приводит к невозможности совершения деяния на протяжении длительного периода. В данной связи в науке уже высказывалась позиция о необходимости расширения практики применения дисквалификации в области строительства.

А.В. Кропачева предлагает ввести дисквалификацию по ч. 3 ст. 9.5.1 КоАП РФ (повторное нарушение юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем требований, установленных законодательством о градостроительной деятельности, к лицам, имеющим право на выполнение инженерных изысканий, осуществление подготовки проектной документации, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства по договорам о выполнении инженерных изысканий, подготовке проектной документации, строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства, заключенным с использованием конкурентных способов определения поставщиков, или в иных случаях по результатам торгов, если в соответствии с законодательством проведение торгов является обязательным) [4, с. 8].

Введение дисквалификации предлагается и разработчиками законопроекта № 834808-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [5], внесенного в Государственную Думу РФ 6 февраля 2025 г. и посвященного вопросам ответственности саморегулируемых организаций в области строительства. Например, ст. 14.52.3 КоАП РФ предполагается ввести наказание в виде дисквалификации на срок от одного года до трех лет для должностных лиц саморегулируемой организации в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования или строительства, реконструкции, капитального ремонта,

сноса объектов капитального строительства за повторное нарушение требований нормативных правовых актов и федеральных стандартов.

Поддерживая данные предложения, следует отметить, что дисквалификация как альтернативное наказание может быть введена для должностных лиц в случае повторного совершения нарушений по ч. 2 ст. 9.4 КоАП РФ и ч. 4 ст. 9.5 КоАП РФ. Данные деяния имеют существенные последствия, выраженные в угрозе причинения вреда жизни и здоровью граждан, окружающей среде, либо в наступлении такого вреда.

Кроме того, вызывает вопросы отсутствие дисквалификации в санкции ч. 3 ст. 9.5.1 КоАП РФ, а также рассмотрение в качестве субъектов правонарушения лишь индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Причиной данного деяния часто выступает недостаточная квалификация специалистов в области инженерных изысканий, проектирования и строительства. Виновными в совершении обозначенного правонарушения следует признать должностных лиц, ответственных за кадровую работу. В связи с этим необходимо включить в санкцию соответствующей статьи КоАП РФ должностных лиц. Повышенный размер административного штрафа, наличие специфического наказания – дисквалификации, применяемого к должностным лицам, обусловлено их специальным статусом, включающим в себя полномочия организационного характера [6, с. 33]. Введение дисквалификации как альтернативного административному штрафу наказания для должностных лиц будет способствовать предупреждению обозначенного правонарушения.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Необходимо законодательно исключить возможность применения предупреждения как административного наказания за строительство, реконструкцию объектов капитального строительства без разрешения, что обусловлено высоким уровнем общественной вредности данного деяния. Предупреждение выступает излишне мягкой мерой, не способствующей превенции соответствующего правонарушения.

2. Целесообразно расширить перечень статей КоАП РФ, предусматривающих дисквалификацию за совершение административных правонарушений в области строительства. Дисквалификация должна быть введена как наказание, альтернативное административному штрафу, для должностных лиц, допустивших повторное нарушение обязательных требований в области строительства и применения строительных материалов (изделий) при наличии вредных последствий (ч. 2 ст. 9.4 КоАП РФ), а также для должностных лиц, допустивших повторную выдачу разрешения на ввод объекта в эксплуатацию при отсутствии необходимого заключения (ч. 4

ст. 9.5 КоАП РФ); повторное нарушение требований, установленных законодательством о градостроительной деятельности к лицам, имеющим право на выполнение инженерных изысканий, осуществление подготовки проектной документации, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства (ч. 3 ст. 9.5.1 КоАП РФ).

Библиографический список

1. *Голованова Т.В., Кравченко Е.*В. Предупреждение как вид административного наказания // Юристъ – Правоведъ. 2021. № 3. С. 229–234.

2. Решение Хорошевского районного суда по делу № 12-823/22 УИД 77RS0031-02-2022-005768-31 от 13 июля 2023 г. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/7ae6ce90-f316-11ed-ae53-3531d6f58051 (дата обращения: 24.12.2025).

3. Доклад по правоприменительной практике контрольно-надзорной деятельности Службы жилищного и строительного надзора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за I квартал 2022 года. URL: https://jsn.admhmao.ru/otraslevye-napravleniya/profilaktika-narusheniy/publichnye-obsuzhdeniya/2022-god/i-kvartal/7428450/doklad-po-pravoprimenitelnoy-praktike-kontrolno-nadzornoy-deyatelnosti-sluzhby-1-kvartal-2022-goda/ (дата обращения: 23.12.2025).

4. *Кропачева А.В.* Административная ответственность за правонарушения в области капитального строительства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 23 с.

5. Законопроект № 834808-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/834808-8 (дата обращения: 24.12.2025).

6. *Соколов А.Ю.* Административная ответственность в Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2014. 148 с.

Л.И. Козлова,
магистрант Саратовской государственной
юридической академии

СТРУКТУРА И КЛАССИФИКАЦИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Проблематика коллизионных норм сохраняет устойчивую актуальность в современной юридической науке, что обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами. Динамичное развитие правовой системы РФ, расширение международных связей, усложнение федеративных отношений и активное нормотворчество на различных уровнях публичной власти закономерно порождают ситуации столкновения правовых предписаний. Практика конституционного, гражданского, семейного и иных видов судопроизводства свидетельствует о возрастающем числе дел, требующих применения коллизионных норм для разрешения правовых споров.

Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных коллизионным нормам, до настоящего времени не выработано единого подхода к определению их структуры, отсутствует универсальная классификация, недостаточно исследована природа различий между коллизией и конкуренцией правовых норм [1, с. 76]. Существующие в доктрине разночтения непосредственно влияют на правоприменительную деятельность, порождая неопределенность в выборе применимого права и снижая эффективность правового регулирования. Законодатель, формулируя коллизионные предписания в различных отраслях законодательства, не всегда учитывает теоретические разработки относительно оптимальной структуры таких норм, что приводит к появлению дефектных правовых конструкций.

Актуальность темы обусловлена необходимостью формирования целостной концепции коллизионного права как комплексного правового образования. Конституция РФ [2] в п. «п» ст. 71 относит федеральное коллизионное право к предметам ведения Российской Федерации, однако содержание этого понятия остается дискуссионным. Отсутствие

систематизированного коллизионного законодательства, разрозненность коллизионных норм по различным нормативным правовым актам затрудняют их применение субъектами правоприменения.

Вопрос о структуре коллизионной нормы традиционно привлекает внимание исследователей международного частного права и общей теории права. Господствующей в науке является позиция о двухэлементной структуре коллизионной нормы, включающей объем и привязку. Данный подход разделяют Л.П. Ануфриева, Н.Ю. Ерпылева, М.М. Богуславский и другие авторитетные специалисты в области международного частного права.

Объем коллизионной нормы понимается как указание на круг общественных отношений, требующих правовой регламентации. И.А. Жиличкина отмечает, что объем не следует сводить исключительно к конкретному виду правоотношения, поскольку он может охватывать правовую категорию, правовой институт или даже целую отрасль права [3, с. 335]. Например, объем коллизионной нормы ст. 1200 ГК РФ [4] указывает на признание физического лица безвестно отсутствующим и объявление физического лица умершим, т.е. охватывает институт безвестного отсутствия.

Привязка коллизионной нормы определяет применимое право, к которому отсылает коллизионное предписание. В юридической литературе подчеркивается, что коллизионная норма становится завершенным правилом поведения только после обращения к материально-правовой норме, указанной в привязке. Этот тезис имеет принципиальное значение для понимания механизма действия коллизионной нормы и ее места в процессе правового регулирования.

Параллельно с двухэлементной доктриной в правовой науке получила развитие иная теоретическая модель, приверженцы которой обосновывают наличие в архитектонике коллизионной нормы классической триады элементов – гипотезы, диспозиции и санкции. Адепты данного направления, условно обозначаемого как концепция развертывания коллизионной нормы, исходят из методологической предпосылки о том, что коллизионное регулирование реализуется исключительно во взаимодействии с материально-правовыми установлениями и осуществляет полноценную регулятивную миссию. О.Н. Садиков акцентирует внимание на тенденции проявления в коллизионных предписаниях современного законодательства третьего структурного компонента – детерминации условий применимости конкретного коллизионного правила [5, с. 213–215].

В рамках обозначенной теоретической парадигмы объем коллизионной нормы интерпретируется в качестве ее гипотезы, очерчивающей фактические обстоятельства и юридические предпосылки действия соответствующе-

го установления. Привязка выступает диспозитивным элементом, формулирующим властное предписание относительно подлежащего применению правопорядка. Санкционный элемент локализуется не в самой коллизионной конструкции, а имплицитно присутствует в материальных установлениях того национального правопорядка, который определен в качестве применимого к рассматриваемому трансграничному правоотношению.

Следует признать, что обе концепции имеют право на существование и не противоречат друг другу, а скорее дополняют понимание природы коллизионной нормы. Двухэлементная структура отражает специфику коллизионного предписания как нормы отсылочного характера, тогда как трехэлементная структура проявляется в процессе развертывания коллизионной нормы при ее применении совместно с материально-правовыми нормами.

Т.А. Щелокаева формулирует концептуально значимое положение о регулятивной природе коллизионных норм, обосновывая его способностью последних упорядочивать коллизионные отношения посредством возложения на компетентный орган императивной обязанности по применению определенного нормативного массива [1]. Подобная интерпретация вступает в полемическое противоречие с доктринальными построениями С.С. Алексеева, квалифицировавшего коллизионные установления в качестве специализированных и отвергавшего их способность выступать самостоятельной нормативной основой правоотношений [6, с. 474–477].

Разрешение обозначенной дискуссии относительно юридической природы коллизионных норм обладает фундаментальным теоретическим и практическим значением. От признания либо отрицания регулятивного потенциала коллизионных предписаний зависит их позиционирование в архитектонике правовой системы, а равно понимание алгоритма правового воздействия на трансграничные отношения частноправового характера. Квалификация коллизионных норм как регулятивных предполагает их непосредственное участие в механизме правового регулирования через установление юридически обязательных правил выбора применимого правопорядка, тогда как отнесение к специализированным нормам редуцирует их значение до вспомогательной технико-юридической функции.

Российское законодательство содержит значительный массив коллизионных норм, рассредоточенных по различным нормативным правовым актам. Основные коллизионные предписания закреплены в Конституции РФ, федеральных конституционных законах, кодифицированных и специальных федеральных законах.

Конституция РФ устанавливает базовые коллизионные принципы построения правовой системы. Часть 1

ст. 15 Конституции РФ закрепляет высшую юридическую силу Конституции, ее прямое действие и применение на всей территории РФ. Часть 5 ст. 76 устанавливает правило о приоритете федерального закона над законами субъектов РФ по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения. Часть 6 той же статьи содержит обратное правило: в случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта РФ, изданным по предметам исключительного ведения субъекта, действует нормативный правовой акт субъекта РФ.

Особое значение имеет ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, причем если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Данная норма носит комплексный характер, сочетая признание действия международно-правовых норм в национальной правовой системе с установлением коллизионного правила об их приоритете.

Раздел VI части третьей ГК РФ «Международное частное право» содержит систему коллизионных норм, регулирующих выбор применимого права в гражданских правоотношениях, осложненных иностранным элементом. Статья 1186 ГК РФ определяет основания применения иностранного права, ст. 1187–1194 содержат общие положения о применении права, ст. 1195–1224, устанавливают коллизионные нормы для отдельных видов гражданских правоотношений.

Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) [7] содержит раздел VII «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства», включающий коллизионные нормы о заключении и расторжении брака, личных неимущественных и имущественных правах супругов, установлении и оспаривании отцовства (материнства), правах и обязанностях родителей и детей, алиментных обязательствах, усыновлении.

Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [8] включает главу XXVI «Применимое право», устанавливающую коллизионные нормы для правоотношений в сфере торгового мореплавания. Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) содержит ст. 11, определяющую особенности регулирования труда иностранных граждан, лиц без гражданства, работников, направленных временно работодателем в другое государство, и работников, работающих в иностранных организациях.

Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в ст. 1

устанавливает, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим законом, применяются правила международного договора. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» [9] включает ряд коллизионных норм о применимом праве при рассмотрении споров международным коммерческим арбитражем.

Анализ законодательства показывает отсутствие единообразного подхода к формулированию коллизионных норм. В одних случаях законодатель использует классическую двухэлементную структуру с четким выделением объема и привязки, в других – формулирует коллизионное правило в описательной форме без явного выделения структурных элементов. Наблюдается также смешение в одном нормативном предписании коллизионной нормы и материально-правовой нормы, что затрудняет правоприменение.

Существующие в юридической науке классификации коллизионных норм основываются на различных критериях и имеют неодинаковую степень разработанности. Традиционными являются классификации по форме коллизионной привязки, источнику закрепления, форме выражения воли законодателя. Однако действующие типологии не охватывают всего многообразия коллизионных норм и не учитывают некоторые существенные особенности их функционирования.

По форме коллизионной привязки коллизионные нормы традиционно подразделяются на односторонние и двусторонние. Односторонние нормы прямо указывают право конкретного государства, подлежащее применению. Примером служит ч. 1 ст. 160 СК РФ, устанавливающая, что расторжение брака на территории РФ производится в соответствии с законодательством РФ. Двусторонние нормы определяют общий признак, позволяющий выбрать применимое право, но не называют конкретную правовую систему. Часть 1 ст. 1205 ГК РФ содержит двустороннюю коллизионную норму: содержание права собственности и иных вещных прав на недвижимое и движимое имущество определяется по праву страны, где это имущество находится.

Данная классификация критикуется за чрезмерную условность, поскольку любая односторонняя норма может быть преобразована в двустороннюю путем изменения формулировки привязки. Кроме того, одностороннюю норму всегда можно толковать как императивную двустороннюю норму с конкретным типом привязки.

По источнику закрепления различают коллизионные нормы международного и национального происхождения. К первой группе относятся коллизионные нормы, содержащиеся в международных договорах Российской Федерации, например, в Минской конвенции о правовой помощи и пра-

вовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г., Гаагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986 г. Среди национальных коллизионных норм, закрепленных в российском законодательстве, выделяются конституционные, содержащиеся в федеральных конституционных законах, кодифицированных федеральных законах, специальных федеральных законах.

По форме выражения воли законодателя коллизионные нормы классифицируются на императивные, диспозитивные и альтернативные. Императивные нормы содержат единственную коллизионную привязку и не допускают ее изменения волей сторон правоотношения. Большинство односторонних коллизионных норм являются императивными. Диспозитивные нормы устанавливают общее правило о применимом праве, но предоставляют сторонам возможность выбрать иное право. Классическим примером диспозитивной коллизионной нормы служит ст. 1210 ГК РФ о праве, подлежащем применению к договору при отсутствии соглашения сторон о выборе права. Альтернативные коллизионные нормы содержат две и более коллизионные привязки, предоставляя возможность выбора применимого права.

И.А. Жиличкина указывает, что в альтернативных коллизионных нормах выделяется генеральная привязка и дополнительные (субсидиарные) привязки [3]. Примером служит п. 1 ст. 161 СК РФ: личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства (генеральная привязка), а при его отсутствии – законодательством государства, на территории которого они имели последнее совместное место жительства (первая субсидиарная привязка). Личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов, не имевших совместного места жительства, определяются на территории РФ законодательством РФ (вторая субсидиарная привязка).

Т.А. Щелокаева предлагает классификацию коллизионных норм по содержанию предписания на нормы-запреты, нормы-приоритеты и нормы-критерии правового выбора [1]. Данная классификация отражает функциональное назначение коллизионных норм, однако нуждается в уточнении критериев разграничения этих видов.

Существенным недостатком названных классификаций является отсутствие критерия сферы действия коллизионных норм. Между тем коллизионные нормы функционируют в различных сферах правового регулирования: регулируют выбор права при столкновении норм различных госу-

дарств (международные коллизии), выбор права при столкновении федеральных норм и норм субъектов федерации (федеративные коллизии), выбор нормы при столкновении норм одной правовой системы (внутрисистемные коллизии).

Не получила должного освещения проблема разграничения коллизионных норм, направленных на преодоление коллизий, и коллизионных норм, направленных на предотвращение коллизий. К последней группе относятся нормы, устанавливающие иерархию нормативных правовых актов и запрещающие принятие нормативных правовых актов, противоречащих актам большей юридической силы.

Недостаточно разработанным остается вопрос о соотношении понятий «коллизия норм права» и «конкуренция норм права». Т.А. Щелокаева отмечает, что в рамках одной правовой системы положительные коллизии представляют собой столкновение правовых норм, регулирующих общественное отношение с разной степенью детализации [1]. Такие коллизии являются объективно обусловленными и свидетельствуют о дифференциации правового регулирования. Наличие этих коллизий, названных автором конкуренцией норм права, следует оценивать положительно.

Однако в науке отсутствует единство взглядов на соотношение коллизии и конкуренции. Н.И. Матузов противопоставляет эти понятия, считая конкуренцию нормальным явлением, а коллизию – негативным [10, с. 413]. А.В. Демин трактует конкуренцию узко, как коллизию нормативных правовых актов одного уровня [11, с. 139]. Такое разнообразие подходов свидетельствует о необходимости выработки единой терминологии и четких критериев разграничения данных правовых явлений.

Проблематика систематизации коллизионных норм в структуре права сохраняет дискуссионный характер. Концепция Ю.А. Тихомирова о становлении автономной отрасли коллизионного права [12, с. 59] демонстрирует методологическую неопределенность: исследователь варьирует между трактовкой коллизионного права как комплексного образования и его интерпретацией в качестве правового массива, тяготеющего к публично-правовой либо частноправовой сфере. Подобная концептуальная амбивалентность свидетельствует о недостаточной теоретической проработанности вопроса о правовой идентичности коллизионных предписаний.

Критическое осмысление существующих доктринальных подходов актуализирует потребность в построении дифференцированной типологии коллизионных норм, отражающей многоаспектность их функционирования в правопорядке.

С позиций территориально-юрисдикционного критерия целесообразна дифференциация коллизионных норм на следующие категории:

▪ транснациональные коллизионные предписания, опосредующие столкновение правопорядков суверенных государств;

▪ федеративные коллизионные установления, разрешающие противоречия между общефедеральной нормативной системой и правовыми массивами субъектов федерации;

▪ межотраслевые коллизионные конструкции, устраняющие несогласованность предписаний различных правовых отраслей в пределах единой юрисдикции;

▪ внутриотраслевые коллизионные механизмы, преодолевающие противоречия нормативных установлений в рамках отдельной правовой отрасли.

По целевому назначению коллизионные нормы подразделяются на нормы:

▪ превентивного характера, направленные на предотвращение коллизий (устанавливающие иерархию нормативных правовых актов, запрещающие принятие противоречащих норм);

▪ преодоления коллизий, направленные на выбор применимого права при наличии столкновения норм.

По характеру регулируемой коллизии предлагается различать нормы, направленные на разрешение:

▪ позитивных коллизий (конкуренции норм права), обусловленных объективной необходимостью дифференцированного регулирования различных видов общественных отношений;

▪ негативных коллизий, возникших вследствие дефектов правотворчества.

По способу выражения коллизионного правила целесообразно выделять нормы:

▪ с явно выраженной двухэлементной структурой (объемом и привязкой);

▪ с описательным изложением коллизионного правила без формального выделения структурных элементов;

▪ смешанного характера, содержащие одновременно коллизионное правило и материально-правовое предписание.

По степени определенности правила выбора права следует различать нормы:

▪ с жесткой привязкой, однозначно определяющие применимое право;

▪ с гибкой привязкой, предоставляющие правоприменителю определенную свободу усмотрения при выборе применимого права (например, привязка к праву, с которым правоотношение наиболее тесно связано).

По степени детализации коллизионного правила коллизионные нормы подразделяются на нормы:

▪ общего характера, устанавливающие универсальные правила выбора права;

▪ специального характера, определяющие правила выбора права для конкретных видов правоотношений.

По возможности изменения установленного правила различаются:

▪ императивные нормы, не допускающие изменения правила выбора права;

▪ диспозитивные нормы, допускающие отступление от установленного правила по соглашению сторон или при наличии определенных обстоятельств;

▪ альтернативные нормы, содержащие несколько вариантов применимого права с указанием последовательности их применения.

Для разрешения выявленных проблем представляется необходимым:

1. Разработать и принять Федеральный закон «Об основах коллизионного права в Российской Федерации», который систематизировал бы общие правила разрешения коллизий различных видов, установил иерархию нормативных правовых актов по юридической силе, закрепил правила разрешения коллизий между актами одного уровня. Это позволило бы сформировать единообразную практику применения коллизионных норм и устранить существующие пробелы в регулировании коллизионных отношений.

2. Законодательно закрепить единые требования к структуре и формулированию коллизионных норм в нормативных правовых актах. Предлагается обязать правотворческие органы при формулировании коллизионных норм выделять объем и привязку, избегать смешения в одном нормативном предписании коллизионных и материально-правовых норм, использовать единую терминологию при обозначении типов коллизионных привязок.

3. Разграничить на законодательном уровне понятия «коллизия норм права» и «конкуренция норм права». Под коллизией норм права следует понимать столкновение правовых норм, одна из которых содержит дефект правотворчества (негативная коллизия), либо столкновение норм различных правовых систем (международная коллизия). Конкуренцию норм права следует определить как столкновение норм одной правовой системы, регулирующих одно общественное отношение с различной степенью детализации, обусловленное объективной необходимостью дифференцированного регулирования (позитивная коллизия).

4. Усовершенствовать механизм выявления и устранения негативных коллизий в российском законодательстве. Предлагается возложить на Министерство юстиции РФ обязанность по ведению реестра выявленных коллизий с указанием сталкивающихся норм, характера коллизии и предложений по ее устранению. Федеральному Собранию РФ и законодательным органам субъектов РФ следует рассматривать устранение зафиксированных в реестре негативных коллизий в качестве приоритетной задачи законопроектной работы.

5. Включить в программы повышения квалификации судей, работников прокуратуры, иных правоприменi-

тельных органов специальный модуль, посвященный применению коллизионных норм, что позволит сформировать единообразную практику разрешения коллизий и повысить качество правоприменительной деятельности.

6. Расширить судебную практику по толкованию коллизионных норм. Верховному Суду РФ следует принять постановления Пленума, разъясняющие порядок применения коллизионных норм в гражданском, семейном, трудовом и административном судопроизводстве. Конституционному Суду РФ необходимо выработать правовые позиции относительно конституционных принципов разрешения федеративных коллизий.

7. Активизировать научные исследования в области коллизионного права как комплексного правового образования. Представляется целесообразной разработка общей теории коллизионного права, определяющей его предмет, методы, принципы, систему, источники, механизм действия. Особое внимание нужно уделить исследованию места коллизионного права в системе российского права, его соотношения с международным частным правом, конституционным правом, другими отраслями права.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Коллизионная норма обладает специфической структурой, отличной от классической трехэлементной структуры правовой нормы. Двухэлементная структура коллизионной нормы, включающая объем и привязку, наиболее точно отражает ее природу как нормы отсылочного характера. Концепция развертывания коллизионной нормы не отменяет двухэлементную структуру, а раскрывает механизм функционирования коллизионной нормы в совокупности с материально-правовыми нормами.

Существующие классификации коллизионных норм не охватывают всего многообразия этих правовых явлений и нуждаются в существенном дополнении. Предложенная авторская классификация учитывает сферу действия коллизионных норм, их целевое назначение, характер регулируемой коллизии, способ выражения коллизионного правила, степень определенности и детализации правила выбора права, возможность изменения установленного правила.

Разграничение коллизии и конкуренции норм права имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Конкуренция норм представляет собой объективно обусловленное явление, отражающее дифференциацию правового регулирования, тогда как негативные коллизии являются дефектом правовой системы и требуют устранения посредством правотворчества.

Коллизионные нормы выполняют регулятивную функцию, упорядочивая коллизионные отношения и устанавливая правила выбора применимого пра-

ва. Признание регулятивного характера коллизионных норм является основанием для формирования коллизионного права как комплексной отрасли российского права.

Совершенствование законодательства о коллизионных нормах требует принятия специального федерального закона, систематизирующего правила разрешения коллизий, установления единых требований к структуре и формулированию коллизионных норм, создания механизма выявления и устранения негативных коллизий, развития судебной практики по толкованию коллизионных норм.

Дальнейшее исследование коллизионных норм должно быть направлено на разработку общей теории коллизионного права, определение его места в системе российского права, выработку оптимальных моделей законодательного регулирования коллизионных отношений, совершенствование правоприменительной практики в сфере разрешения правовых коллизий.

Библиографический список

1. *Щелокаева Т.А.* Юридические коллизии и коллизионные нормы: понятие, виды // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 74–84.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата опубликования: 06.10.2022).

3. *Жиличкина И.А.* Структура коллизионных норм и их классификация // Традиции и новации в системе современного российского права: матер. XX Междунар. конф. молодых ученых: в 3 т. М.: ИЦ Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. Т. 3. С. 335–337.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552; 2025. № 33, ч. 1, ст. 4933.

5. *Садиков О.Н.* Коллизионные нормы в современном международном частном праве // Советский ежегодник международного права. 1982. М.: Наука, 1983. С. 205–218.

6. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 565 с.

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4956.

8. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18, ст. 2207; 2025. № 31, ст. 4658.

9. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Российская газета. 1993. № 156; СЗ РФ. 2022. № 1, ч. 1, ст. 39.

10. *Матузов Н.И.* Юридические коллизии и способы их разрешения // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юристъ, 2004. С. 412–428.

11. *Демин А.В.* Общие вопросы теории административного договора. Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1998. С. 134–147.

12. *Тихомиров Ю.А.* Коллизионное право: учеб. и науч.-практ. пособие. М.: Юринформцентр, 2000. С. 45–67.

Д.П. Хохлова,
преподаватель кафедры трудового права
Саратовской государственной
юридической академии

РЕАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: ПОТЕНЦИАЛ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Правовой статус и социальные функции женщины привлекают внимание исследователей уже не одно десятилетие. Проблема гендерного равенства исторически сопряжена с обсуждением прав и свобод обоих полов. Социально-экономические реалии 90-х гг. XX в., характеризующиеся повышенной нестабильностью и ростом социальной напряженности в Российской Федерации, оказали негативное влияние на степень социальной защищенности женщин, усугубляя существующее неравенство и усложняя реализацию мер, направленных на устранение дискриминационных проявлений. Трансформации, охватившие социальную сферу в последние десятилетия, включая трудовые отношения, вызвали необходимость переосмысления традиционного распределения ролей и обязанностей внутри семьи, вместе с тем, сохранив устойчивый стереотип, согласно которому женщина идентифицируется преимущественно через призму материнства. Все перечисленные обстоятельства обусловливают актуальность исследования и потребность в разработке государственной политики, направленной на улучшение положения женщин и обеспечение гармоничного сочетания родительского долга с профессиональной деятельностью. Центральной задачей исследования выступает анализ стратегических документов, действующих в современной российской правовой системе.

Первостепенное значение приобретает рассмотрение концептуальных основ таких понятий, как «женская политика» либо «политика в отношении женщин» в Российской Федерации. Обозначенные категории не относятся к числу сформировавшихся и общепризнанных научных понятий, аналогичных понятиям «семейная политика» или «демографическая политика», несмотря на наличие существенных взаимосвязей и взаимообусловленности между ними. Согласно позиции Н.И. Ловцовой, концепция женской политики должна занимать центральное

место в семейной политике государства и фокусироваться на автономии женщин, особенностях их жизненной стратегии и целеполагания, выходящего за рамки института семьи [1, с. 27]. Обусловлена такая точка зрения тем, что современная семейная политика определяется как гендерно-нейтральная, фактически маскируя уникальные потребности и специфические проблемы, характерные именно для женской части населения.

Анализ существующей политики, касающейся положения женщин в российском обществе, основывается на конституционных положениях, закрепляющих фундаментальные права и свободы граждан [2]. Одной из центральных норм выступает ст. 19 Конституции РФ, которая устанавливает юридическое равенство всех перед законом и судом, оговаривая гарантированность равных прав и свобод, равно как и возможность их беспрепятственной реализации как для мужчин, так и для женщин. Принцип равенства не препятствует дифференциации правового регулирования, учитывая физиологические особенности обоих полов, что обеспечивает достижение не формального, а сущностного равенства [3, с. 98]. Еще одним значимым положением является ст. 37 Конституции РФ, которая закрепляет право свободного выбора рода занятий и профессий, гарантируя каждому свободное распоряжение своей способностью к труду. Таким образом, предопределяется создание равных условий для реализации потенциала как мужчин, так и женщин в трудовой сфере. Кроме того, большое значение приобретает ст. 38 Конституции РФ, регулирующая вопросы защиты материнства и детства, семьи, создавая условия для реализации женщинами материнских и семейных обязанностей, являющихся неотъемлемой частью их правовой и социальной идентификации. Тем не менее, указанные нормы не представляют собой исчерпывающего перечня конституционных положений, предопределяющих формирование политики в отношении женщин в нашей стране.

Для реализации провозглашенных принципов необходима дополнительная целенаправленная деятельность государства, включающая разработку эффективных юридических механизмов, гарантирующих воплощение провозглашенных принципов справедливости и недопущения дискриминации.

Значимым нормативным правовым актом для настоящего исследования является Указ Президента РФ от 4 марта 1993 г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (далее – Указ № 337), направленный на устранение неравенства и дискриминации женщин в России [4].

Несмотря на очевидную значимость Указа № 337, отдельные его положения носят двойственный характер. Например, нормы о постепенном сокращении разницы в оплате труда

работников бюджетной сферы, среди которых преобладают женщины, могут способствовать замедлению указанных процессов. Положения о вовлечении женщин в государственные структуры и общественно-политическую жизнь или об «отставании женщин-работниц по уровню квалификации» также демонстрируют особое внимание к женщинам, тогда как следовало бы говорить о равноправии вне зависимости от пола. Это нарушает принцип равенства, создавая впечатление необходимости специального подхода к конкретной категории населения. Внимания заслуживает и положение о развитии системы социальных служб, облегчающих совмещение родителями исполнения семейных обязательств, чему способствует инфраструктура детских дошкольных учреждений. Несмотря на универсальность заявленной цели, данная норма фактически закрепляет ответственность за исполнение родительских обязанностей исключительно за женщинами, поскольку весь Указ № 337 целиком сосредоточен на мерах государственной политики в отношении женщин. Таким образом, данный акт имеет ряд недостатков, ограничивающих полноценную реализацию провозглашенных целей, и требует тщательного анализа и доработки с целью создания эффективного механизма защиты прав женщин, направленного на повышение их социальной защищенности, ликвидацию дискриминации и формирование действительно равных условий для самореализации всех членов общества.

Еще одним документом, представляющим собой инструмент создания прочной правовой основы для обеспечения равных прав и возможностей мужчин и женщин в России, является постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 20 ноября 1997 г. № 1929-II ГД «О Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» (далее – Концепция № 1929-II ГД). В качестве преимуществ Концепции № 1929-II ГД можно выделить:

- разнообразные аспекты правового регулирования, касающиеся гендерного равенства, включая право на труд, образование, политическую активность, личное достоинство и безопасность;
- учет особенностей российской реальности, предлагая решения именно отечественных проблем;
- определены конкретные задачи и направления, способствующие разрешению проблем.

Вместе с тем рассматриваемый документ можно также охарактеризовать как формальный и абстрактный, ограниченность мер, предполагающих рекомендательный характер, отсутствие детального механизма реализации.

Одним из современных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения равных прав и свобод мужчин и женщин, создание

равных возможностей для их реализации, повышения экономической независимости, политической активности и возможностей самореализации женщины, является распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» (далее – Стратегия) [5]. Стратегия описывает текущее положение женщин в обществе, отражая их участие в образовании, труде, политике и здравоохранении. Отмечены высокая образованность женщин, значительный вклад в науку и экономическую активность.

Одновременно выявлены следующие проблемы:

- сохранение значительной разницы в зарплатах между мужчинами и женщинами;
- ограничение доступа женщин к руководящим позициям;
- высокий уровень бытовой нагрузки женщин;
- недостаточная инфраструктура для поддержки женщин в сфере воспитания детей и заботы о членах семьи.

Стратегия определяет пять направлений деятельности:

1) укрепление позиций женщин в общественно-политической жизни страны; создание условий для развития их гражданской активности;

2) повышение роли женщин в развитии общества, улучшение качества их жизни;

3) расширение участия женщин в приоритетных направлениях социально-экономического развития страны, включая формирование новых точек роста экономики;

4) сохранение здоровья женщин всех возрастов; создание условий для повышения роли женщин в формировании здорового общества;

5) профилактика социального неблагополучия женщин.

Каждое направление предполагает постановку конкретных задач, комплексное решение которых описано в Плане мероприятий по реализации в 2023–2026 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы (далее – План) [6]. Особенностью утвержденного плана мероприятий является привлечение широкого круга ответственных исполнителей: федеральных министерств, субъектов РФ, общественных организаций и фондов. Такой подход усиливает охват интересов и повышает шансы на успешную реализацию мероприятий.

Вместе с тем можно определить и слабые стороны документа:

- механизм оценки эффективности большинства мероприятий описан без достаточной конкретики (увеличение охвата, повышение уровня);
- информация о финансировании каждого мероприятия отсутствует, что затрудняет понимание реализуемости предложенных инициатив;
- срок реализации недостаточен для решения долгосрочных проблем.

Таким образом, План представляет собой еще одну амбициозную попытку решения важных социальных и экономических задач, связанных с положением женщин в России.

Поскольку правовую основу Стратегии составляют Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года и Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, для настоящего исследования целесообразно провести их анализ.

Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – Указ № 1351) представляет собой документ, направленный на обеспечение комплексного регулирования вопросов улучшения демографической ситуации, повышения уровня благосостояния российских семей и укрепления положительных тенденций в сферах рождаемости и долголетия [7]. В Указе № 1351 внимание уделено аспектам реализации государственной женской политики, предусматривающей следующие направления:

- совершенствование медицинского обслуживания женщин;
- оказание финансовой поддержки семьям с детьми;
- содействие занятости женщин, имеющих малолетних детей, в целях обеспечения совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью, включая создание для женщин, выходящих из отпуска по уходу за ребенком, условий, способствующих их возвращению к трудовой деятельности посредством организации профессионального образования и расширения использования гибких форм занятости;
- создание доступной среды для семей с детьми;
- снижение доли рабочих мест с тяжелыми, вредными и опасными условиями труда в целях сохранения репродуктивного здоровья.

Исследование рассматриваемого документа свидетельствует о том, что ключевые мероприятия в рамках женской политики детерминированы необходимостью эффективного осуществления демографической политики, вследствие чего сосредоточены на формировании наиболее благоприятных условий для естественного воспроизводства и всестороннего гармоничного воспитания здоровой нации.

Распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [8]. Она представляет собой систему основополагающих принципов, целей и приоритетных направлений, ориентированных на всестороннюю поддержку, укрепление и защиту семьи как основы общества.

Отдельное внимание уделено вопросам женской трудовой деятельности и материнства. Среди конкретных мер предусмотрены условия для осуществления профессиональной деятельности женщин, имеющих детей, включая повышение квалификации и содействие занятости. В качестве важнейшего направления рассматриваемого документа представляется возможным обозначить пропаганду ответственного материнства и позитивного образа матери. Такой подход подчеркивает роль женщины в жизни ребенка и необходимость учета широкого спектра факторов, влияющих на благополучие детей (состояние здоровья, эмоциональная вовлеченность, финансовое обеспечение и др.).

Кроме того, одним из ключевых аспектов семейной политики является забота о здоровье. В частности, предложены мероприятия по расширению объема лечения бесплодия, профилактике социально значимых заболеваний и укреплению репродуктивного здоровья. Остается открытым вопрос комплексного рассмотрения здоровья женщины, поскольку фокус государства направлен исключительно на репродуктивные функции и лишь частично отражает политику в отношении прав женщин.

Важным для настоящего исследования является и анализ Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (далее – Стратегия до 2036 года). Она представляет собой дополнительный инструмент, отражающий современные формы реализации государственной политики в отношении женщин.

Стратегия до 2036 года охватывает важнейшие направления, связанные с реализацией женщиной своей роли в современном обществе [9]. Особое внимание уделяется таким аспектам, как защита материнства, укрепление института семьи, создание оптимальных и равных возможностей для самореализации и создание благоприятных условий для сочетания работы и воспитания детей.

Проведенный анализ ключевых стратегических документов позволяет сделать важные выводы.

1. Несмотря на тесную связь женской политики с семейной и демографической, первая обладает специфическими характеристиками, такими как направленность на развитие автономии женщин, формирование жизненных целей, выходящих за рамки традиционных ролей матери и жены. Нормативные правовые акты в данной сфере должны обеспечивать равные возможности для всех женщин, а не отдельных групп.

2. Современные условия требуют трансформации правового регулирования, включая формулирование четких целей и критериев оценки результатов. Например, одним из ожидаемых итогов выполнения Плана мероприятий по ре-

ализации в 2023–2026 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы должно стать обеспечение соблюдения трудовых прав женщин. Однако сам факт наличия такого пункта свидетельствует о недостаточной эффективности существующих мер по обеспечению гендерного равенства. Такие нормы должны восприниматься как само собой разумеющееся, а не ставиться в качестве промежуточных достижений.

3. Основным результатом исследования становится заключение о необходимости формирования целостной системы практических мер и выработки программы действий, направленных на достижение гендерной справедливости, путем обобщения соответствующих мероприятий в отдельное направление социальной политики – женской политики. Однако остаются нерешенными концептуальные вопросы, касающиеся природы самой женской политики. Основной стратегический документ определен как «действия в интересах женщин», но природа таких действий не ясна, совмещает в себе как демографические, так и семейные направления, игнорируя автономность вопроса в отношении прав женщин.

Библиографический список

1. *Ловцова Н.И.* Трансформационные процессы семейной политики в современной России: автореф. дис. … д-ра соц. наук. Саратов, 2005. 39 с.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата опубликования: 06.10.2022).

3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / [Т.Я. Хабриева, Л.В. Андриченко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский]; под. ред. Т.Я. Хабриевой; обращение к читателям В.В. Путина. М.: ИНФРА-М, 2024. 368 с.

4. Указ Президента РФ от 4 марта 1993 г. № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (в ред. от 1 сентября 2000 г.) // СЗ РФ. 1993. № 11, ст. 937; 2000. № 36, ст. 3634.

5. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» // СЗ РФ. 2023. № 1, ч. 3, ст. 477.

6. Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1104-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2023–2026 годах Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» (в ред. от 22 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 2023. № 19, ст. 3480; 2024. № 9, ст. 1295.

7. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 1 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2007. № 42, ст. 5009; 2014. № 27, ст. 3754.

8. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35, ст. 4811.

9. Распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 13, ст. 1505.

И.А. Шананин,
ассистент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии

ВЛИЯНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ И ДОСТАТОЧНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ИЛИ О ЛИШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ВОЗРАСТЕ ОТ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ДО ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ ПРАВА САМОСТОЯТЕЛЬНО РАСПОРЯЖАТЬСЯ СВОИМИ ДОХОДАМИ

Наличие правоспособности и дееспособности является неотъемлемой составляющей жизнедеятельности каждого человека и гражданина. Еще И.А. Покровский, анализируя проблемы личности и развитие защиты ее прав, указывал, что первым признаком юридической самостоятельности личности является наличие у нее субъективных прав, признание самостоятельным субъектом данных прав, а также обладание правоспособностью и дееспособностью [1, с. 98].

Дееспособность – это личная реализация правоспособности, поэтому правоспособный может быть недееспособным, но дееспособный всегда правоспособен [2, с. 12].

Законодательно установлено, что полная дееспособность наступает при достижении гражданином возраста совершеннолетия (восемнадцати лет), однако в учебной литературе называют и другие разновидности дееспособности, исходя из различных факторов [3, с. 141]. Одним из таких видов является частичная дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет. Несовершеннолетние, достигшие указанного возраста, имеют право без согласия законных представителей совершать отдельные действия, в том числе самостоятельно распоряжаться своими доходами (пп. 1, 2 ст. 26 ГК РФ [4]).

Если имеются достаточные на то основания, то по решению суда возможно ограничение или лишение несовершеннолетнего лица права самостоятельно распоряжаться своими доходами (при условии, если он уже

не приобрел полную дееспособность) (п. 4 ст. 26 ГК РФ). Вопрос ограничения или лишения лица права распоряжаться своими доходами разрешается в порядке особого производства, регламентированного гражданским процессуальным законодательством – гл. 31 ГПК РФ [5].

Как указывает А.В. Юдин, отнесение данной категории дел к особому производству заключается в том, что в судебном порядке устанавливается определенное правовое состояние лица, при этом определение данного факта не относится к разрешению какого-либо спора о праве [6, с. 655].

Особое внимание необходимо обратить на дела, где решается только вопрос об ограничении или лишении несовершеннолетнего лица в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами. Рассмотрение данных дел как самостоятельной категории не имеет распространения в правоприменительной практике РФ. Это обусловлено тем, что реализация нормы об ограничении права распоряжаться доходом на практике является затруднительной, в том числе с морально-этической стороны, т.к. родители в данном случае являются заявителями по делу, где будет рассматриваться поведение их ребенка [7, с. 17]. Стоит отметить, что при наличии всех юридических и морально-этических вопросов, имеется сформированная практика рассмотрения указанных заявлений судами и принятия по ним решений. Данная категория дел особого производства требует к себе внимания аналогично иным категориям, т.к. в ней напрямую затрагиваются права несовершеннолетнего лица, в том числе право собственности на полученные им доходы (п. 1 ст. 60 СК РФ) [8].

В 2024 г. было рассмотрено с вынесением решения 56 заявлений по делам об ограничении или лишении несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами. В 2023 г. были вынесены решения по 49 делам, в 2022 г. – по 84, в 2021 г. – по 65, в 2020 г. – по 66, в 2019 г. – по 68. С 2021 по 2024 г. включительно отказов в удовлетворении требований не было, т.е. 100 % решений было вынесено с удовлетворением требования заявителя [9]. Таким образом, во всех случаях в процессе рассмотрения дела заявитель смог доказать факт неразумности в распоряжении доходами лица, в отношении которого рассматривались данные дела.

В предмет доказывания по данной категории дел входит установление факта наличия у несовершеннолетнего доходов и возраста несовершеннолетнего (от 14 до 18 лет), а также непосредственно неразумное распоряжение несовершеннолетним своим доходом. Законодатель в данном случае использует такую оценочную категорию, как «явно неразумное распоряжение доходами» [10, с 180]. В заявлении должны быть указаны все обстоятельства, кото-

рые говорят о явно неразумном распоряжении доходами несовершеннолетним лицом (п. 3 ст. 282 ГПК РФ).

Кроме того, положения гражданского законодательства указывают, что ограничение или лишение права несовершеннолетнего в самостоятельном распоряжении своими доходами возможно лишь при наличии достаточных на то оснований (п. 4 ст. 26 ГК РФ), что тоже не является конкретной нормой и представляет собой абстрактную формулировку.

Таким образом, оценочными категориями, напрямую влияющими на процесс доказывания по данной категории дел, будут «достаточные основания», а также «явно неразумное распоряжение несовершеннолетним своими доходами».

Раскрывая такой элемент, как «достаточные основания», примечательным является мнение И.А. Михайловой, указывающей, что законодательно в данную формулировку вложено не столько практическое, сколько теоретическое значение. Кроме того, ей предложены изменения в п. 4 ст. 26 ГК РФ, включающие в данную норму конкретные основания для ограничения или лишения лица права самостоятельно распоряжаться своими доходами (приобретение спиртных напитков, наркотических веществ или азартные игры). Все иные действия несовершеннолетних будут санкционироваться их законными представителями [11].

Установление факта явно неразумного распоряжения несовершеннолетним лицом своими доходами также является важным вопросом при рассмотрении данной категории дел особого производства.

Например, неразумным распоряжением может считаться растрата денежных средств на покупку спиртных напитков, азартные игры и иные цели, которые явно противоречат закону, основам правопорядка и нравственности. При этом неразумным распоряжением также могут считаться траты на увлечения, которые наносят ущерб учебному процессу или выполнению трудовых функций несовершеннолетнего [12, с. 501]. Степень и уровень нанесения такого ущерба также являются оценочными.

Кроме того, допустимым является использование актов толкования права для определения неразумного распоряжения несовершеннолетним своими денежными средствами [13, с. 126]. Однако какие-либо конкретные формулировки признаков явно неразумного распоряжения денежными средствами, как и в случае достаточных оснований, отсутствуют.

Р.М. Нигматдинов отмечает, что наличие в законодательстве оценочных категорий имеет достаточно неоднозначную оценку. Они придают гибкость регулированию, а также позволяют учитывать обстоятельства конкретной ситуации, однако вносят затруднения

в процесс толкования и применения данных категорий [14, с. 4].

Схожего мнения придерживаются М.А. Боловнев и И.В. Рехтина, указывающие, что оценочные категории повышают самостоятельность судей, предоставляют им различные варианты поведения, однако усложняют сам процесс правоприменения [15, с. 28–29]. Примечательной является позиция Д.А. Гараймовича, указавшего, что при работе с оценочными понятиями основная роль отводится непосредственно разуму, однако отмечается значение привычек, переживаний, чувств. Следовательно, в процессе правоприменения необходимо учитывать влияние эмоций и чувств на толкование отдельных понятий, среди которых представляется и «явно неразумное распоряжение заработком» [16]. Приведенное вновь свидетельствует о наличии неопределенности в толковании данного понятия, влияния на его применение эмоций и чувств, что оказывает отрицательное влияние на процесс доказывания, в том числе на оценку достоверности и достаточности доказательств.

Правоприменитель неминуемо сталкивается с оценочными понятиями «явно неразумное распоряжение заработком» и «достаточные основания», делающими процесс представления и оценки доказательств гибким, существенно отличающимся при рассмотрении каждого отдельного дела.

Заметим, что императивных требований к перечню представляемых доказательств в законодательстве не имеется, необходимым является утверждение факта явно неразумного расходования денежных средств.

Несмотря на то что по данной категории дел предусматривается обязательное участие прокурора и органов опеки и попечительства, стоит отметить, что бремя доказывания всецело возложено на заявителя, а заинтересованные лица могут приводить доказательства, которые являются удостоверением наличия обстоятельств, на которые эти лица ссылаются. Примечательным является и раскрытый выше признак особого производства – отсутствие спора о праве. При этом не стоит забывать и о специфичном действии отдельных принципов гражданского судопроизводства (состязательности, диспозитивности).

Таким образом, присутствие в данном виде гражданского судопроизводства оценочных категорий является спорным решением законодателя.

Анализируя доказательства, которые могут быть представлены в целях формирования доказательственной базы, можно сделать вывод о том, что, например, копия свидетельства о рождении, паспорта являются доказательствами, достоверность которых суд может проверить путем направления запросов в соответствующие компетентные органы. В свою очередь, доказательства неразумного распоряжения несовершеннолетним своими доходами, такие как свидетельские

показания, копии договоров, в отдельных случаях справки о доходах (если невозможно удостовериться в их подлинности путем направления запроса), не являются априори достоверными доказательствами, которые суд может проверить.

Аналогично можно сказать и о документах, подтверждающих факт злоупотребления спиртными напитками, употребления наркотиков. Если таковым доказательством является официальная справка из медицинского учреждения, то сомнений в ее достоверности, как правило, у суда не возникает (за исключением случаев фальсификации). Однако в материалы дела могут быть представлены и иные документы, подлинность которых однозначно установить невозможно.

В связи с наличием вышеуказанных оценочных категорий заявитель не наделен обязанностью предоставлять в материалы дела определенный перечень доказательств (например, справки из государственного медицинского учреждения), все определяется непосредственно и индивидуально судом, т.е. могут быть предоставлены как официальный документ протокол участкового уполномоченного полиции о задержании несовершеннолетнего в состоянии сильного алкогольного опьянения, так и свидетельские показания, подтверждающие факт нахождения лица в таком состоянии.

Представляется возможным раскрыть существующую проблему через конкретные примеры из правоприменительной практики. Например, Ханты-Мансийский районный суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры при рассмотрении дела № 2-2672/2017 об ограничении несовершеннолетнего лица в распоряжении своими доходами установил, что на основании представленной в материалы дела справки данное лицо является получателем пенсии, ежемесячных денежных выплат. Кроме того, у него установлена инвалидность по категории ребенок-инвалид, в подтверждение чего имеется справка, выданная филиалом ФГУ «ГБ Медико-социальной экспертизы по ХМАО-Югре», и врачебное заключение о том, что данное лицо продуктивному контакту недоступно, нуждается в постоянном уходе и самостоятельно не передвигается. Данное обстоятельство подтверждается выпиской из медицинской карты стационарного больного. В результате рассмотрения данного дела 15 мая 2017 г. было вынесено решение об удовлетворении требований заявителя об ограничении несовершеннолетнего лица самостоятельно распоряжаться своими доходами [17].

Данный пример показывает, что в материалы дела были представлены исключительно те доказательства, в достоверности которых у суда не может возникнуть никаких сомнений ввиду возможности их проверки путем направления запросов в данные государственные учреждения. При этом

доказательства по делу являются достаточными, т.к. всесторонне и основательно указывают на невозможность лица объективно распоряжаться своими доходами.

Другим примером может послужить рассмотрение Бобровским районным судом Воронежской области дела № 2-386/2017 об ограничении права несовершеннолетнего самостоятельно распоряжаться своими доходами. По итогам рассмотрения дела суд 6 июня 2017 г. принял решение об удовлетворении требований заявителя и ограничил лицо в праве самостоятельного распоряжения своими доходами.

Несмотря на то что законность решения суда не ставится под сомнение, приемлемым является анализ отдельных доказательств по делу и сведений, изложенных в них, проверить достоверность которых не представляется возможным. Например, первый свидетель указал лишь на то, что лицо, в отношении которого принимается решение об ограничении права в самостоятельном распоряжении доходами, обучалось в школе-интернате, а в настоящее время является студентом 1-го курса колледжа и у него имеются сбережения. При этом данный свидетель заявил об обоснованности ограничения несовершеннолетнего в данном праве, хотя никаких подтверждающих сведений этого не представляет. Кроме того, несмотря на однозначное установление асоциального образа жизни несовершеннолетнего лица, не имелось достаточного количества доказательств того, что несовершеннолетнее лицо нерационально тратит денежные средства (начисляемые социальные выплаты) с банковской карты. Эти обстоятельства лишь подтверждаются устно свидетелями. Факт того, что лицо было замечено в состоянии алкогольного опьянения, также был изложен только в устном формате [18].

Несмотря на то что общий объем доказательств по данному делу является достаточным для удовлетворения требований заявителя, достоверность отдельных доказательств и сведений, изложенных в них, вызывает сомнения. Это обусловлено как невозможностью подтверждения этих сведений, так и личной заинтересованностью заявителя и отдельных свидетелей в исходе данного дела.

Несовершеннолетние лица, в отношении которых рассматривались данные дела, имеют совершенно разные основания для ограничения их в праве самостоятельно расходовать свои денежные средства. Доказательственная деятельность по данной категории дел может отличаться полностью: основываться как исключительно на сведениях, подтвержденных компетентными органами, так и в большей части на тех доказательствах, информация в которых является относительной. Соответственно наличие оценочных категорий по данной категории дел, как и по иным делам особого производства, оказывает

определенное влияние на процесс доказывания по указанным делам.

Представляется необходимым уточнение в законодательстве и (или) актах толкования права, что именно подразумевается под формулировками «достаточные основания» и «явно неразумное распоряжение доходами». Данная конкретизация позволит унифицировать процесс доказывания, в том числе в части оценки достоверности и достаточности доказательств.

Библиографический список

1. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Пг.: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. 328 с.

2. *Потюков А.Г.* Правоспособность и дееспособность граждан по советскому гражданскому праву: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1954. 22 с.

3. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. Т. 1. 958 с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2025. № 31, ст. 4669.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 15 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2025. № 51, ст. 8004.

6. Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / под ред. С.Ф. Афанасьева. М.: Юрайт, 2013. 879 с.

7. *Воронина С.В., Кирюшина О.А.* Проблемы определения достаточных оснований ограничения права несовершеннолетнего самостоятельно распоряжаться своими доходами // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 1. С. 14–18.

8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2024. № 48, ст. 7212.

9. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 16.02.2026).

10. *Плотников Д.А.* Неисковые производства в гражданском судопроизводстве: в таблицах, схемах, комментариях: учеб. пособие / под ред. О.В. Исаенковой. М.: Проспект, 2025. 264 с.

11. *Михайлова И.А.* Некоторые аспекты дееспособности несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет // СПС «КонсультантПлюс».

12. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2018. 832 с.

13. *Амандыкова С.К., Воронина С.В.* Материально-процессуальный аспект ограничения неполной дееспособности несовершеннолетних по законодательству России и Казахстана // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 3 (101). С. 125–129.

14. *Нигматдинов Р.М.* Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 32 с.

15. *Боловнев М.А., Рехтина И.В.* Оценочные понятия в гражданском процессе // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 27–34.

16. *Опалев Р.О.* Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве // СПС «КонсультантПлюс».

17. Решение Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 15 мая 2017 г. по делу № 2-2672/2017 // Официальный сайт Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: https://hmray--hmao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=262067919&case_uid=f96f37e6-d00f-4724-935a-2d0d63c5526c&delo_id=1540005 (дата обращения: 16.02.2026).

18. Решение Бобровского районного суда Воронежской области от 6 июня 2017 г. по делу № 2-386/2017 // Официальный сайт Бобровского районного суда Воронежской области. URL: https://bobrovsky--vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=54860014&case_uid=12cd642c-0494-4411-825d-64eddefbdc9b&delo_id=1540005 (дата обращения: 16.02.2026).

Аннотации / Abstracts

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGISLATION

Взаимодействие таможенных органов России с иными органами государственной власти в процессе осуществления правоохранительной деятельности

Богатова Анастасия Васильевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы взаимодействия таможенных органов России с иными органами государственной власти в процессе осуществления правоохранительной деятельности. Приведены примеры правоприменительной практики. Выделены основные направления развития в исследуемой теме.

Ключевые слова: информационные технологии, правоохранительная деятельность, незаконное пересечение границы, технологии искусственного интеллекта в пунктах пропуска через границу.

Interaction of the Russian customs authorities with other government agencies in the process of law enforcement activities

Bogatova Anastasia Vasilievna
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article discusses some issues of interaction of the Russian customs authorities with other government agencies in the process of law enforcement activities. Examples of law enforcement practice are given. The main directions of development in the topic under consideration are highlighted.

Keywords: information technology, law enforcement activities, illegal border crossing, artificial intelligence technologies at border checkpoints.

Трансформация доктрины банковского надзора в России: от исторических корней к вызовам XXI века

Гугнюк Иван Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье исследуется историко-правовая эволюция государственного регулирования банковской деятельности в России с конца XIX в. до настоящего времени. Автором предлагается рассмотрение процесса развития доктрины банковского надзора России по ключевым историческим периодам: дореволюционный период, тотальное управление в советскую эпоху, становление рыночной модели в 1990-е гг. и переход к мегарегулированию со стороны Банка России. Отдельный акцент уделяется перспективам развития банковского надзора в XXI в., в том числе благодаря анализу международных стандартов, особенностей административного контроля и новых подходов, сформированных благодаря цифровизации экономики.

Ключевые слова: мегарегулятор, Банк России, банковский надзор, финансовое регулирование, финансовая стабильность.

Transformation of the doctrine of banking supervision in Russia: from historical roots to challenges of the 21st century

Gugnyuk Ivan Gennadievich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article examines the historical and legal evolution of state regulation of banking activities in Russia from the late 19th century to the present day. The author proposes to consider the development of Russia's banking supervision doctrine through key historical periods: the pre-revolutionary period, total management during the Soviet era, the emergence of a market model in the 1990s, and the transition to mega-regulation by the Bank of Russia. Special attention is given to the prospects for the development of banking supervision in the 21st century, including through the analysis of international standards, administrative control features, and new approaches emerging from the digitalization of the economy.

Keywords: mega-regulator, Bank of Russia, banking supervision, financial regulation, financial stability.

Сравнение демографической и семейной политики в рамках национальных проектов

Дорошок Лариса Сергеевна
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

Дорошок Татьяна Сергеевна
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. С целью формирования представления о действующих мерах поддержки семьи по национальным проектам и дальнейшей выработки критериев разграничения с иными мерами социальной поддержки в статье проведено уточнение подходов к определению категорий «семья», «демографическая политика», «семейная политика» в теории и законодательстве РФ и установлено соотношение мер поддержки со стратегическими документами по семейной и демографической политике и их соответствие целям и задачам, поставленным на новом этапе демографической политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: семья, демографическая политика, семейная политика, национальные проекты, социальная поддержка, поддержка семьи, демография, материнство, детство, отцовство.

Comparison of demographic and family policies within the framework of national projects

Doroshok Larisa Sergeevna
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Financial, Banking, and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy

Doroshok Tatyana Sergeevna
Candidate of Legal Sciences, Lecturer of the Department of Financial, Banking, and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy

Abstract. To provide an understanding of current family support measures under national projects and further develop criteria for distinguishing them from other social support measures, this article clarifies approaches to defining the categories “family”, “demographic policy” and “family policy” in the theory and legislation of the Russian Federation. It also establishes the relationship between these support measures and strategic documents on family and demographic policy, as well as their alignment with the goals and objectives set for the new stage of demographic policy in the Russian Federation.

Keywords: family, demographic policy, family policy, national projects, social support, family support, demography, motherhood, childhood, fatherhood.

Ответственность за занятие колдовством в мусульманских странах

Киримова Елена Андреевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

Сейфудинова Эмина Имирасланова
обучающаяся Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются понимание колдовства как греха в мусульманских странах и последствия занятия им. Подчеркивается, что данное явление не пережиток прошлого, а актуальная реальность, способная причинить вред людям. Исламские ученые считают колдовство проявлением дьявольской силы, которая может причинить людям зло.

Ключевые слова: Коран, ислам, колдовство, чародейство, грех, уголовное законодательство, оккультные практики, мошенничество.

Responsibility for practicing witchcraft in Muslim countries

Kirimova Elena Andreevna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy

Seifudinova Emina Imiraslanovna
Student of the Institute of Prosecutor's Office Saratov State Law Academy

Abstract. The article examines the understanding of witchcraft as a sin in Muslim countries and the consequences of practicing it. It emphasizes that this phenomenon is not a relic of the past, but an actual reality capable of harming people. Islamic scholars consider witchcraft to be a manifestation of diabolical power capable of harming people.

Keywords: the Koran, Islam, witchcraft, sorcery, sin, criminal law, occult practices, fraud.

Значение видеозаписи допроса на предварительном следствии

Лапин Евгений Станиславович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Из обобщения следственной практики известно о факте весьма широкого использования видеозаписи различных следственных действий, главным образом, допроса, очной ставки, проверки показаний на месте, осмотра, следственного эксперимента, предъявления для опознания, освидетельствования. В статье речь идет о допросах, ход и результаты которых фиксируются под видеозапись, о процессуальных и тактических аспектах применения этого вспомогательного (дополнительного) способа фиксации показаний на следствии. Представлены конкретные рекомендации по применению видеозаписи при допросах для наиболее эффективной реализации тактических приемов допроса, имеющие практическое значение. Приводятся случаи, когда целесообразно применять видеозапись для фиксации показаний.

Ключевые слова: видеозапись, допрос, техническое средство фиксации, тактические рекомендации, протокол допроса, дополнительный способ фиксации, цифровая видеосъемка, ситуации применения видеозаписи, приемы допроса, материалы видеозаписи.

The importance of video recordings of interrogation during the preliminary investigation

Lapin Evgeny Stanislavovich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Saratov State Law Academy

Abstract. A summary of investigative practice reveals the widespread use of video recording of various investigative actions, primarily interrogations, confrontations, on-site verification of testimony, inspections, investigative experiments, identification parades, and witness interviews. This article discusses interrogations, the progress and results of which are recorded on video, and the procedural and tactical aspects of using this auxiliary (additional) method of recording testimony during investigations. Specific recommendations for the use of video recording during interrogations are presented to ensure the most effective implementation of tactical interrogation techniques, which have practical significance. Cases in which it is appropriate to use video recording to record testimony are indicated.

Keywords: video recording, interrogation, technical means of recording, tactical recommendations, interrogation protocol, additional method of recording, digital video shooting, situations of using video recording, interrogation techniques, video recording materials.

Перспективы развития страхового надзора в Российской Федерации

Островская Наталия Борисовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии

Совцов Артемий Павлович
обучающийся Института магистратуры и заочного обучения Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Страхование выступает одним из стратегически значимых секторов экономики РФ, обеспечивающим повышение экономической стабильности общества и социальной защищенности граждан, привлечение инвестиционных ресурсов на страховой рынок РФ. Констатируется, что развитие страхового надзора в 2026 г. и период 2027 и 2028 гг. ориентировано на создание прозрачной и эффективной среды, обеспечивающей высокий уровень защиты финансовых интересов граждан, обеспечение надежности долгосрочных инвестиций и повышение привлекательности различных сегментов финансового рынка.

Ключевые слова: страховой надзор, Банк России, страхование, страховая надзорная деятельность, страховой рынок, перспективы развития страхового надзора.

Prospects for the development of insurance supervision in the Russian Federation

Ostrovskaya Natalia Borisovna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy

Sovtsov Artemy Pavlovich
Student of the Institute of Master's Degree and Correspondence Education of the Saratov State Law Academy

Abstract. Insurance is one of the strategically important sectors of the Russian Federation's economy, ensuring increased economic stability and social security for citizens and attracting investment resources to the Russian insurance market. It is stated that the development of insurance supervision in 2026 and the period of 2027 and 2028 is focused on creating a transparent and efficient environment that ensures a high level of protection of citizens' financial interests, ensuring the reliability of long-term investments, and increasing the attractiveness of various segments of the financial market.

Keywords: insurance supervision, Bank of Russia, insurance, insurance supervision, insurance market, prospects for the development of insurance supervision.

К вопросу о механизме судебной защиты субъективных прав

Рассахатская Наталия Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье исследуются основные вопросы сущностной характеристики категории судебного механизма защиты прав. Актуальность разработки вопросов механизма судебной защиты субъективных прав не вызывает сомнений в аспекте совершенствования и реформирования системы способов защиты и охраны прав и интересов субъектов цивилистических правоотношений. Рассматриваются основные элементы сущностной характеристики гражданского судопроизводства как механизма судебной защиты субъективных прав. При этом анализируется понятийная характеристика и содержательные начала данного механизма.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, защита субъективных прав, механизм судебной защиты прав, акты гражданского судопроизводства.

To the question of the mechanism of judicial protection of subjective rights

Rassakhatskaya Natalia Alexandrovna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

Abstract. The presented article explores the main issues of the essential characteristics of the category of the judicial mechanism for protecting rights. The relevance of developing issues of the mechanism for judicial protection of subjective rights is undeniable in terms of improving and reforming the system of methods for protecting and safeguarding the rights and interests of the subjects of civil law relations. The article examines the main elements of the essential characteristics of civil proceedings as a mechanism for judicial protection of subjective rights. It also analyzes the conceptual characteristics and substantive principles of this mechanism.

Keywords: civil proceedings, protection of subjective rights, mechanism for judicial protection of rights, acts of civil proceedings.

Пресечение незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (на примере Астраханской области): постановка проблемы

Швецова Ирина Васильевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

Марцинкевич Виталий Валерьевич
заместитель Волжского межрегионального природоохранного прокурора, советник юстиции

Аннотация. Деятельность органов прокуратуры в сфере надзора за добычей (выловом) водных биологических ресурсов, осуществляемая по вопросам законности распределения рыболовных участков и квот добычи (вылова) водных биоресурсов, исполнения пользователями условий заключенных с ними договоров пользования водными биоресурсами, пресечения браконьерской деятельности, сегодня приобретает первостепенное значение. Особо острой является проблема незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Цель статьи – определить направления для устранения выявленных пробелов в законодательстве и предложить создание эффективного барьера на пути незаконного оборота орудий лова, в связи с чем необходимо реализовать комплекс дополнительных мер.

Ключевые слова: незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, прокурорский надзор, ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов, рыболовные участки, водные биоресурсы.

Cessation of illegal extraction (fishing) of aquatic biological resources (on the example of the Astrakhan region): statement of the problem

Shvetsova Irina Vasilievna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy

Marcinkevich Vitaly Valerievich
Deputy of the Volga Interregional Environmental Prosecutor, Counselor of Justice

Abstract. The activities of the prosecutor's office in the field of supervisory activities for the extraction (fishing) of aquatic biological resources are carried out on the issues of legality of the distribution of fishing areas and quotas for the extraction (fishing) of aquatic biological resources, the fulfillment of the conditions of the agreements concluded with them for the use of aquatic biological resources by users, and the suppression of poaching activities. Today, the issue of illegal extraction (fishing) of aquatic biological resources is a pressing one. The purpose of this article is to identify areas for addressing the identified gaps in legislation and propose the creation of an effective barrier to the illegal circulation of fishing gear. In this regard, it is proposed to implement a set of additional measures.

Keywords: illegal extraction (fishing) of aquatic biological resources, prosecutorial supervision, responsibility for illegal extraction (fishing) of aquatic biological resources, fishing areas, and aquatic biological resources.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

MODERN LINGUISTIC RESEARCH

Современные подходы к изучению устаревших слов в языке права (на примере английского языка)

Александрова Татьяна Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Гнутова Василиса Валерьевна
обучающаяся Института юстиции Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена исследованию архаизмов в юридическом английском языке. Авторами рассматриваются исторические, этимологические, лексикографические, социолингвистические, литературные, культурные и корпусные методы анализа устаревшей лексики, позволяющие проследить эволюцию юридических терминов под влиянием экстралингвистических факторов. Делается вывод о том, что исследование архаичного пласта юридической лексики признается необходимым условием адекватной интерпретации правовых документов, обеспечения терминологической преемственности и постижения культурно-исторических истоков системы общего права.

Ключевые слова: юридический английский язык, архаизмы, устаревшая лексика, общее право, юридическая терминология, экстралингвистические факторы, корпусная лингвистика, лексикографический метод, исторический метод, социолингвистический и культурный методы.

Modern approaches to the study of obsolete words in the language of law (using the example of english)

Aleksandrova Tatyana Anatolyevna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Gnutova Vasilisa Valeryevna
Student of the Institute of Justice of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the study of archaisms in legal English. The article considers historical, etymological, lexicographic, sociolinguistic, literary, cultural and corpus methods of analyzing outdated vocabulary, which allow tracing the evolution of legal terms under the influence of extralinguistic factors. It is concluded that the study of the archaic layer of legal vocabulary is recognized as a necessary condition for an adequate interpretation of legal documents, ensuring terminological continuity and understanding the cultural and historical origins of the common law system.

Keywords: legal English, archaisms, obsolete vocabulary, common law, legal terminology, extralinguistic factors, corpus linguistics, lexicographic method, historical method, sociolinguistic and cultural.

Конструктивные методы в лингвистике. Метод синтаксической парадигмы

Балашова Дарья Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье описываются конструктивные методы, применяемые в современных лингвистических исследованиях, в частности метод синтаксической парадигмы, который позволяет рассматривать предложение не как изолированную единицу, а в системе парадигматических рядов. Благодаря методу синтаксической парадигмы представляется возможным выделение модально-временных модификаций синтаксических конструкций, что способствует более глубокому пониманию механизмов порождения речи и системной организации языка. Автор описывает подход к изучению предложения как вариативного ряда форм при сохранении его лексико-структурной основы. Особое внимание уделяется анализу грамматических модификаций, что позволяет моделировать синтаксические конструкции и выявлять системные закономерности организации языковых единиц в речи.

Ключевые слова: конструктивный метод, метод синтаксической парадигмы, функционально-семантический конструкт, парадигматика, модально-временные модификации.

Constructive methods in linguistics. The syntactic paradigm method

Balashova Darya Yurievna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Foreign Languages Department of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article describes the constructive methods employed in modern linguistic research, specifically the method of syntactic paradigm, which allows considering the sentence not as an isolated unit, but within a system of paradigmatic series. Thanks to the method of syntactic paradigm, it becomes possible to identify modal-temporal modifications of syntactic constructions, which contributes to a deeper understanding of the mechanisms of speech production and the systemic organization of language. The author describes an approach to studying a sentence as a variable series of forms while preserving its lexical-structural basis. Special attention is paid to the analysis of grammatical modifications, which allows modeling syntactic constructions and identifying systemic patterns in the organization of language units in speech.

Keywords: constructive method, syntax paradigm method, function-semantic construct, paradigm method, modal tense modifications.

Современный юридический переводчик глазами студента института дополнительного образования

Богачева Екатерина Александровна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Струкова София Викторовна
обучающаяся Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена изучению представлений студентов о современном специалисте в области юридического перевода в рамках программ дополнительного профессионального образования. В ней анализируются специфические аспекты профессиональной деятельности юриста-переводчика, ключевые требования к его компетенциям, а также ожидания и оценки, формируемые у обучающихся по данной специальности. Особое значение придается многогранности профессии, обусловленной ее междисциплинарным характером, и трансформационному влиянию цифровых технологий.

Ключевые слова: юридический перевод, юридический переводчик, профессиональная коммуникация, дополнительное образование, междисциплинарный подход, правовая система.

The image of a modern legal translator from the perspective of a continuing education student

Bogacheva Ekaterina Alexandrovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Strukova Sofia Viktorovna
Student of the Institute of Public Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the analysis of the image of a modern legal translator through the prism of student perception in the system of continuing professional education. It examines the features of the professional activity of a legal translator, the requirements for his competencies, as well as the expectations and assessments of students studying in the specialty "legal translator". Special attention is paid to the interdisciplinary nature of the profession, the impact of digital technologies and the problems of legal regulation of legal translation.

Keywords: legal translation, legal translator, professional communication, continuing education, interdisciplinary approach, legal system.

Специфика терминов права: функциональный аспект

Волгина Елена Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Кокшарова Виктория Александровна
обучающаяся Института юстиции Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена анализу функциональной нагрузки юридических терминов. Авторами обосновывается тезис о том, что специфика терминов права определяется не только их принадлежностью к специальной лексике, но и особыми функциями, которые они выполняют в механизме правового регулирования. Выделяются и анализируются номинативная, сигнификатив-

ная, регулятивная, аксиологическая и коммуникативная функции. Особое внимание уделяется доминированию регулятивной функции и ее влиянию на все остальные аспекты функционирования правовых понятий в профессиональной и общественной сферах. Сделан вывод о том, что понимание функциональной специфики юридической терминологии является необходимым условием для повышения эффективности правовой коммуникации.

Ключевые слова: юридический термин, функции языка права, регулятивная функция, терминология, правовая коммуникация, юридическая техника.

Specificity of legal terms: functional aspect

Volgina Elena Valerievna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Koksharova Victoria Aleksandrovna
Student of the Institute of Justice of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article analyzes the functional meaning of legal terms. It argues that the specificity of legal terms is determined not only by their inclusion in specialized vocabulary but also by the specific functions they perform within the mechanism of legal regulation. Nominative, significant, regulatory, axiological, and communicative functions are identified and analyzed. Particular attention is paid to the dominance of the regulatory function and its influence on all other aspects of the functioning of legal concepts in the professional and public spheres. It is concluded that understanding the functional specificity of legal terminology is a prerequisite for improving the effectiveness of legal communication.

Keywords: legal term, functions of legal language, regulatory function, terminology, legal communication, legal technique.

Англицизмы в речи будущих юристов: от сленга к профессиональному юридическому дискурсу

Семенова Элла Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии

Грызлий Владислава Владимировна
обучающаяся Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии

Овакимян Нарэк Арутюнович
обучающийся Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье исследуется роль англицизмов в речи студентов-юристов, анализируется переход от молодежного сленга к профессиональному юридическому дискурсу и формирование коммуникативной компетентности будущего специалиста.

Ключевые слова: заимствования, англицизм, сленг, молодежный сленг, профессиональный юридический дискурс, коммуникация, профессиональная коммуникация, языковая норма, коммуникативная компетентность.

Anglicisms in the speech of future lawyers: from slang to professional legal discourse

Semenova Ella Vladimirovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Saratov State Law Academy

Gryzliy Vladislava Vladimirovna
Student of the Institute of Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy

Ovakimyan Narek Arutyunovich
Student of the Institute of Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article examines the role of anglicisms in the speech of law students, analyzing the transition from youth slang to professional legal discourse and the formation of communicative competence for future legal professionals.

Keywords: borrowings, anglicism, slang, youth slang, professional legal discourse, communication, professional communication, language norm, communicative competence.

ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

VIEWS OF YOUNG SCIENTISTS

Факторы, определяющие презумпцию правосудности приговора

Блинова Ольга Геннадьевна
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье автор исследует факторы, которые определяют презумпцию правосудности приговора, и приходит к выводу о том, что они вытекают из признаков приговора как исключительного акта правосудия.

Ключевые слова: презумпция правосудности приговора, суд, правосудие, функция разрешения уголовного дела, правосудный приговор.

Factors determining the presumption of justice of the verdict

Blinova Olga Gennadievna
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy

Abstract. In this article, the author explores the factors that determine the presumption of the verdict's legitimacy and concludes that they stem from the characteristics of a verdict as an exceptional act of justice.

Keywords: presumption of the justice of the verdict, court, justice, function of resolving a criminal case, just verdict.

Экологическо-правовые основы территориального планирования и градостроительного зонирования

Габоян Геворк Арменович
преподаватель кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье анализируется правовая природа и содержание экологических требований, установленных при осуществлении градостроительной деятельности, реализуемой в рамках территориального планирования и градостроительного зонирования, определяется содержание соответствующего эколого-правового механизма. Выявляются эколого-правовые меры, которые необходимо реализовать на различных стадиях территориального планирования и градостроительного зонирования, дается оценка их эффективности.

Ключевые слова: экологизация, комфортная городская среда, градостроительная деятельность, территориальное планирование, градостроительное зонирование.

Environmental and legal foundations of territorial planning and urban planning zoning

Gaboyan Gevork Armenovich
Lecturer of the Department of Land and Environmental Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article analyzes the legal nature and content of environmental requirements established for urban planning activities carried out within the framework of territorial planning and urban planning zoning, and determines the content of the relevant environmental legal mechanism. The article identifies environmental legal measures that need to be implemented at various stages of territorial planning and urban planning zoning, and assesses their effectiveness.

Keywords: environmental protection, comfortable urban environment, urban planning, territorial planning, and urban zoning.

Право на защиту в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы законодательной регламентации и практики реализации

Галкин Михаил Александрович
аспирант кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье анализируется законодательная регламентация прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на внесенные в УПК РФ в 2013 г. изменения и дополнения, касающиеся порядка осуществления проверки оснований для возбуждения уголовного дела и расширившие права участников такой проверки, ныне право на защиту для лица, в отношении которого в начальной стадии процесса осуществляются изобличительные действия, не обеспечено. В статье вскрыты законодательные коллизии и противоречия при определении момента вступления адвоката-защитника в уголовно-процессуальную деятельность и при регламентации его полномочий.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, участие и полномочия адвоката в стадии возбуждения уголовного дела, начало уголовного преследования, вступление защитника в уголовно-процессуальную деятельность.

The right to defense at the stage of initiation of criminal cases: problems of legislative regulation and practice of implementation

Galkin Mikhail Aleksandrovich
Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article analyzes the legislative regulation of the rights of individuals subject to a criminal investigation. The author concludes that, despite amendments and additions to the Russian Criminal Procedure Code in 2013 regarding the procedure for verifying grounds for initiating a criminal case and expanding the rights of those involved in such investigations, the right to defense for individuals who are clearly subject to incriminating actions during the criminal investigation phase is currently not guaranteed. The article reveals legislative conflicts and contradictions in determining the moment a defense attorney becomes involved in criminal proceedings and regulating their powers.

Keywords: Verification of a crime report, participation and powers of a lawyer at the stage of initiating a criminal case, initiation of criminal prosecution, entry of a defense attorney into criminal procedural activities.

Предупреждение и дисквалификация как административные наказания за правонарушения в области строительства

Зубков Александр Сергеевич
соискатель кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования предупреждения и дисквалификации как административных наказаний, применяемых за совершение правонарушений в области строительства. Сделан вывод о необходимости законодательного исключения возможности применения предупреждения как административного наказания за строительство, реконструкцию объектов капитального строительства без разрешения, а также целесообразности расширения перечня статей КоАП РФ, предусматривающих дисквалификацию за совершение административных правонарушений в области строительства.

Ключевые слова: административная ответственность, строительство, предупреждение, дисквалификация, должностное лицо.

Warnings and disqualification as administrative penalties for offences in the field of construction

Zubkov Alexander Sergeevich
Applicant for a degree in the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy

Abstract. This article examines the problematic issues of legal regulation of warnings and disqualifications as administrative penalties applied for construction offenses. It concludes that it is necessary to legally eliminate the possibility of using warnings as administrative penalties for the construction and reconstruction of capital construction projects without a permit, as well as the advisability of expanding the list of articles of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation that provide for disqualification for administrative offenses in the field of construction.

Keywords: administrative responsibility, construction, warning, disqualification, official.

Структура и классификация коллизионных норм в системе российского права: проблемы теории и практики

Козлова Людмила Ивановна
магистрант Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы структурной организации и систематизации коллизионных норм в российской правовой системе. Автор анализирует существующие в юридической науке подходы к определению элементов коллизионной нормы, критически оценивает традиционные классификации и предлагает авторскую типологию коллизионных норм. Особое внимание уделяется проблеме соотношения классической структуры правовой нормы и специфики построения коллизионного предписания. В работе обосновывается необходимость разграничения коллизий и конкуренции правовых норм, исследуется место коллизионных норм в системе права. Предложенная автором расширенная классификация учитывает функциональное назначение коллизионных норм, сферу их действия и особенности механизма применения. Результаты исследования имеют значение для совершенствования законодательной техники и правоприменительной практики.

Ключевые слова: коллизионная норма, структура коллизионной нормы, объем коллизионной нормы, привязка, классификация коллизионных норм, конкуренция норм права, юридические коллизии, коллизионное право, система права.

Structure and classification of collision norms in the system of Russian law: problems of theory and practice

Kozlova Lyudmila Ivanovna
Master's Student of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article discusses the current issues of the structural organization and systematization of conflict norms in the Russian legal system. The author analyzes the existing approaches in legal science to defining the elements of a conflict norm, critically evaluates traditional classifications, and proposes an author's typology of conflict norms. Special attention is paid to the problem of the relationship between the classical structure of a legal norm and the specifics of constructing a conflict prescription. The article substantiates the need to distinguish between conflicts and competition of legal norms and explores the place of conflict norms in the legal system. The author's proposed extended classification takes into account the functional purpose of conflict rules, their scope, and the specifics of their application. The results

of the study are significant for improving legislative technique and law enforcement practice.

Keywords: conflict rule, structure of a conflict rule, scope of a conflict rule, binding, classification of conflict rules, competition of legal norms, legal conflicts, conflict law, legal system.

Реализация женской политики в России: потенциал стратегических документов

Хохлова Дарья Павловна
преподаватель кафедры трудового права
Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса женской политики в современном российском законодательстве. Внимание акцентируется на отсутствии четко сформулированной концепции, сопоставимой с такими категориями, как семейная политика и демографическая политика. В работе проводится подробный анализ ключевых нормативных правовых актов стратегического значения, выявляются актуальные тенденции и пробелы в государственном регулировании вопроса гендерного равенства. Сделан вывод о том, что женская политика РФ находится в стадии активного становления и нуждается в дальнейшей теоретико-методологической проработке. Проведенный анализ свидетельствует о важности систематизированного подхода к формированию государственной политики, ориентированной на создание эффективных инструментов расширения возможностей женщин и учет специфики их жизненных стратегий и целей, выходящих за пределы семейного контекста.

Ключевые слова: женская политика, гендерное равенство, политика в отношении женщин, национальные проекты, российское законодательство, правовой статус женщины, национальная стратегия, Конституция РФ, семейная политика, демографическая политика.

Implementation of women's policy in Russia: the potential of strategic documents

Khokhlova Daria Pavlovna
Lecturer of the Department of Labor Law of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of "women's politics" in modern Russian legislation. Attention is focused on the lack of a well-defined concept comparable to such categories as family policy and demographic policy. The paper provides a detailed analysis of key regulatory legal acts of strategic importance, identifies current trends and gaps in the state regulation of gender equality. It is concluded that the women's policy of the Russian Federation is in the stage of active development and needs further theoretical and methodological elaboration. The analysis shows the importance of a systematic approach to public policy formation, focused on creating effective tools for women's empowerment and taking into account the specifics of their life strategies and goals that go beyond the family context.

Keywords: women's policy, gender equality, policy towards women, national projects, Russian legislation, legal status of women, national strategy, Constitution of the Russian Federation, family policy, demographic policy.

Влияние оценочных категорий на достоверность и достаточность доказательств по делам об ограничении или лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами

Шананин Илья Александрович
ассистент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния оценочных категорий (достаточные основания, явно неразумное распоряжение доходами) на оценку судом достоверности и достаточности доказательств по делам об ограничении или лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами. Раскрываются особенности оценки судом отдельных доказательств по данной категории дел с учетом их специфичного субъектного состава и иной, в сравнении с другими видами гражданского судопроизводства, реализацией отдельных принципов гражданского процессуального права. Предлагается конкретизация рассматриваемых оценочных категорий и определяются ее последствия для процесса доказывания.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, достаточность, достоверность, доходы, законные представители, лишение, несовершеннолетние, ограничение, оценочные категории.

The influence of evaluation categories on the reliability and sufficiency of evidence in cases of restriction or deprivation of a minor aged fourteen to eighteen years of the right to independently manage their income

Shananin Ilya Alexandrovich
Assistant of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

Abstract. The article examines the issue of the influence of evaluation categories ("sufficient grounds", "clearly unreasonable disposal of income") on the court's assessment of the reliability and sufficiency of evidence in cases of restriction or deprivation of a minor aged fourteen to eighteen years of the right to independently manage their income. The article reveals the specifics of the court's assessment of individual evidence in this category of cases, taking into account their specific subject matter and a different implementation of certain principles of civil procedure law in comparison with other types of civil proceedings. A specification of the evaluation categories under consideration is proposed and its consequences for the evidentiary process are determined.

Keywords: evidence, proof, sufficiency, reliability, income, legal representatives, deprivation, minors, restriction, and evaluative categories.